

Вселенная Оазисов — это мир, где возможна любая социальная система. Каждый Оазис — это и есть свой уникальный мир. В одном Оазисе существует стимпанковское общество, в другом — примитивное языческое, а в третьем живут убийцы, состязающиеся друг с другом в умении приносить смерть. Жители Оазисов не в силах выбраться за их пределы, перешагнув через Черную Границу. Это доступно лишь Пилигримам, что бродят по Дебрям между Оазисами.

Глава 1. Черная граница

За стенами дома пела свирепую песню гроза, и, хотя все окна и двери были плотно прикрыты, едва ощутимый сквозняк колыхал пламя свечей. Их золотистый свет освещал просторную столовую — потемневшие от времени стены, массивный дубовый стол, белую скатерть и поблескивающие столовые приборы.

Во главе стола восседал мужчина средних лет в тёмно-синем фраке со сверкающими пуговицами. По правую руку от него примостилась женщина в строгом платье простого покроя.

— И где его опять носит? — недовольно пробурчал мужчина. — Знает ведь, что ужинаем мы всегда в одно и то же время...

— Заигрался, наверное, — отозвалась дама.

— Заигрался... Парню уже двенадцать лет, а он заигрался! Вот я в его возрасте уже работал в конторе у Готье и, между прочим, был одним из лучших работников. А через два года...

— ...ты стал личным секретарем старика Готье, — продолжила дама, не сдерживая улыбки. Историю эту она слышала не однажды.

— Именно! — Мужчина, покраснев, назидательно задрал указательный палец.

— Полно возмущаться, Лео, — Женщина примирительно похлопала супруга по запястью и позвонила в маленький колокольчик.

На звон из кухни показалась запыхавшаяся служанка в накрахмаленном переднике.

— Лисбет, позови Алана, пожалуйста.

— Да, мадам.

Через минуту на лестнице, ведущей на второй этаж, загрохотало. Шум заглушил даже раскаты грома и шипение дождя. С топотом скатившись по лестнице, юный Алан подбежал к столу.

— Привет, мам, пап!

— Боже мой, Алан, — испугалась дама, — что с тобой?

Сын выглядел так, словно искупался в реке. Мокрые волосы цвета дегтя наспех зачесаны назад, вероятно, что и не расческой вовсе, а пальцами. Камзольчик и бриджи тоже промокли. На пол уже натекла вода.

— Ветер распахнул окно! — выпалил он. — Пока закрывал, вымок!

— Долго же ты закрывал окно, — ехидно сказал отец.

— Глупости, Лео. Ставни тяжелые, я сама с ними иногда мучаюсь. Иди и переоденься, Алан. И поспеши — ужин остынет.

Алана как ветром сдуло.

В свою комнату он вбежал как раз в тот момент, когда служанка закончила вытирать пол под окном. При виде паренька она выпрямилась и позволила себе хитрую улыбку.

— Я убрала следы вашего преступления, мастер Алан.

— Ты прелесть, Лисбет! — восхитился тот, стараясь говорить потише, чтобы снизу не услышали. — Ты мой самый лучший друг... Ну, кроме Себа. Кстати, как он?

С этими словами Алан выглянул из окна. Рассмотреть что-либо из окна было сложно. Пространство застилала сплошная серая пелена дождя. К тому же сгущались сумерки. Лишь богатое воображение позволило Алану представить контуры соседнего дома, в котором жил

его друг, Себастьян Келлер, или попросту Себ.

— Ваш друг благополучно добрался до своей комнаты тем же способом, что и вы только что — посредством приставной лестницы. Я заметила, как он зажег свечу, когда дождь на мгновение прекратился.

— Отлично! Я уж думал, не успеем.

— Всё-таки должна предупредить вас, мастер Алан, что рано или поздно ваши прогулки будут обнаружены.

— Как? — удивился Алан. — Ты расскажешь моим родителям?

Лисбет скорчила возмущенную гримасу.

— Конечно, нет!

Алан легкомысленно махнул рукой.

— Тогда никто не узнает.

Он переоделся с удивительной скоростью, побросав мокрые вещи на кровать, и спустился по лестнице — на сей раз более степенным шагом, чтобы не злить лишнего раз отца, сурового и ворчливого Леонарда Аркона.

Ужин в доме родителей Алана был своего рода ритуалом. Начинался и заканчивался он обычно строго в одно и то же время. После короткой молитвы, во время которой мысли Алана всегда убегали куда-то в сторону, отец брал нож и вилку и торжественно нарезал мясо. Затем раскладывал по тарелкам жены и сына. Те благодарили. Отец благосклонно улыбался. Все начинали есть.

Алан не понимал, почему бы не сказать повару, чтобы тот резал индейку или телятину сразу на три порции. Зачем отцу надо утруждать себя каждый раз?

Вспоминая выражение отцовского лица во время разрезания кушанья, Алан интуитивно понимал, что это действие для отца чем-то важно. Может, ему нужно осознавать, что именно он кормит семью? Или демонстрировать это всем остальным?

Как бы то ни было, все эти лишние телодвижения, включая обязательное переодевание к обеду и ужину, поражали Алана бессмысленностью. Будь он мэром Галльфрана, отменил бы эту ерунду.

Сэб, верно, поступил бы также.

— Интересно, Пилигримы тоже молятся перед едой? — произнес Алан, проглотив первый кусок. — И переодеваются к ужину?

Раздался сдавленный звук — Лео Аркон чуть не подавился. Хорошо, что успел кашлянуть.

— Разумеется, нет! Это существа дикари, невоспитанные, необразованные и глупые! Лишь потому, что им дано ходить по Дебрям, их окружает ореол загадочности и чуда. На самом деле это просто варвары!

— Зато они сражаются с Тварями, — возразил Алан. — Кто из Галльфрана осилит Тварь? Никто! А Пилигримы гуляют по Дебрям, где кишат Твари. Я ими восхищаюсь.

— Твари их не трогают, потому что чувствуют в Пилигримах родственную душу, — засердился Лео.

— А еще они привозят полезные товары, — как ни в чем не бывало продолжал Алан. — Например, пуговицы на твоём фраке из золотого кристалла. Ты их купил у Пилигримов в прошлом году. Или мамин кулон, который меняет цвет в зависимости от времени суток. И еще они привозят невест из других Оазисов. Если бы не они...

— То что?! — рявкнул отец. Похоже, он не на шутку рассердился. Лицо побагровело,

глаза сверлили Алана.

Тот выдержал взгляд.

— То нам было бы трудно выжить в нашем Оазисе, не умея выходить за Черную границу.

— Нам и без ночного горшка трудно выжить в такую-то погоду, — огрызнулся отец. — Это не значит, что мы должны восхищаться горшком.

— Лео! — возмутилась мама.

— Что — Лео? Элеонора, наш сын забудет себе голову глупостями о Пилигримах, потом полезет через Черную границу, как внук Ле Руша два года назад. Что тогда ты скажешь? Твари его сожрут!

— Еще неизвестно, — возразил Алан. — Может быть, я потенциальный Пилигрим.

Мать взволнованно повернулась к нему. При свете свечей ее лицо казалось бледнее обычного.

— Не вздумай испытывать себя, Алан! Не лезь за Черную границу!

Алан вжал голову в плечи.

— Да ладно вам! И не собирался даже...

Родители вроде бы успокоились. Алан перевел разговор в другое русло, что было нетрудно: последнее время отца очень интересовали скачки на Лазурных полях. Стоило спросить, на какого жеребца отец поставил бы деньги, как Лео Аркон моментально забыл про Пилигримов и Черную границу с ее Тварями.

Алан незаметно выдохнул. Если бы родители знали, где он гуляет с Себом!

Например, сегодня они нашли самый безопасный путь к Черной границе. Он вёл там, где ребят не застукает жандарм или какой-нибудь любитель совать нос не в свое дело. Они просидели на самом краю Черной границы, с восторгом всматриваясь в Дебри, битый час.

Ступить на границу, а тем более перейти ее не решились, хотя очень хотелось. Подумать только, пройти по черной твердой поверхности каких-то десятков шагов, и ты — на территории Дебрей! Несколько минут и станет ясно, Пилигрим ты или нет.

Если ты Пилигрим, Твари тебя не тронут. Они не смогут навредить тому, кто рожден странствовать по Дебрям.

Если ты Пилигрим, перед тобой откроется весь мир. Ты проживешь удивительную жизнь, полную путешествий и приключений, ты станешь героем для мальчишек и девчонок тысяч Оазисов, проклятьем для Тварей Дебрей и богом в некоторых примитивных Оазисах. Алан слышал об этом от одного Пилигрима, которого встретил на рынке в прошлом году.

Но если ты не Пилигрим... Тогда Твари высосут твою душу. И смерть твоя будет ужасна.

Они с Себастьяном извелись, не решаясь ступить на границу и выяснить раз и навсегда, какая судьба их ждет. Под конец Алан почти собрался с духом, но началась гроза. Ребята еле успели домой, пока гроза не разразилась по-настоящему.

Перед отходом ко сну, уже переодевшись в пижаму, Алан зажег самый большой светильник. На случай появления в комнате родителей приготовил книгу — кажется, поэму Альфонса Аркона, какого-то древнего предка, — можно будет сказать, что он решил почитать на сон грядущий.

Ему пришлось посидеть на подоконнике какое-то время, прежде чем в окне соседнего дома зажегся фонарь.

Алан подвигал светильником вверх-вниз, вправо-влево. Фонарь Себа ответил тем же.

Гроза с рокотанием и ворчаньем уходила на северо-запад, и дождь заметно ослаб. Движение огонька в окне Келлеров нетрудно было разглядеть.

Этот язык разработал Себастьян, а Алану принадлежала идея создания тайного языка, который не знал бы никто, кроме них. Язык включал в себя движения светильником и ритмичное приглушение света с помощью какой-нибудь тряпки.

“Завтра я сделаю это”, — сообщил Алан, имея в виду переход Черной границы.

“Я с тобой”, — отреагировал Себ.

“Струсишь же!”

“Прихвачу с собой платок, чтобы вытереть тебе слезы, когда ты увидишь Тварь”.

“А я прихвачу тебе запасные пару штанов, когда ты обделаешься”.

Разговор рассмешил Алана, он беззвучно захохотал. Себ, несомненно, тоже веселится от души. Друзья постоянно подшучивали друг над другом. И никто никогда не обижался.

“Поболтав” еще какое-то время, Алан затушил светильник и лег в постель. Он долго лежал на спине, уставившись на тусклое пятно на потолке — отсвет уличного газового рожка.

Завтра он сделает это.

Он должен решиться и ступить на жуткие земли Дебрей. Иначе сойдет с ума. Алана пугала перспектива оказаться лицом к лицу с Тварями, но еще больше его пугала даже не смерть в лапах монстров, а результаты этой проверки. Он хотел быть Пилигримом, хотел всей душой. Если он окажется Оседлым и выживет после проверки, ему незачем будет жить дальше...

Алан одернул себя. Не стоит драматизировать. Тысячи и тысячи, нет, миллионы Оседлых живут в своих Оазисах по всей земле и вполне довольны таким образом жизни. Почему же ему, Алану, нужно больше, чтобы быть счастливым?

Что же хорошего в этих неведомых землях за горизонтом? Почему его так влечет туда?

Так и не найдя ответа на вопрос, Алан уснул.

На следующий день сразу после завтрака Алан отправился на уроки фехтования к господину Нуатье, бывшему офицеру и одному из лучших шпажистов Галльфрана. Лео Аркон отдал Алана на обучение Нуатье, справедливо полагая, что на тренировках сын сможет избавиться от излишка кипучей энергии, а заодно станет настоящим мужчиной.

Нуатье был суровым учителем. Кроме Алана, у него в группе училось пятнадцать юношей, из которых Алан мог одолеть в поединке десять. Остальные пятеро были старше, учились дольше и были непобедимы. Десятку слабаков Алан игнорировал и на спарринг старался выходить только с сильнейшими.

В итоге после каждого занятия тело ныло и болело от уколов тренировочным шпагами.

Вот и на этот раз Алан вышел из двухэтажного здания школы фехтования с перекошенной от боли физиономией.

Себ стоял на другой стороне улицы. Его родители были против обучения фехтованию, считая, что ребенку лучше изучать науку и литературу. Себ не спорил. Он был чересчур спокойным и неповоротливым для фехтования.

Заметив друга, Алан усмехнулся. Про себя он отметил, что Себ благоразумно не стал торчать возле дверей школы: пятерка “сильнейших” имела дурную привычку задирать всех юнцов поблизости.

Наведаться к Черной границе и испытать себя планировалось сразу после тренировки.

Если они задержатся, то скажут родителям, что ходили на ярмарку. Впрочем, Алана мало волновало оправдание для родителей: если он не Пилигрим, то неизвестно, сможет ли он вообще дожить до встречи с ними, а если Пилигрим, то думать о детских оправданиях попросту смешно.

По улице грохотали кареты и небольшие двухколесные тележки с разными товарами, разбрызгивая грязь. Алан перебежал дорогу, в последний момент проскочив перед самой лошадиной мордой.

— Ну что, пошли? — спросил Себ.

Алан поглядел на него горящими глазами. После тренировки кровь бежала по жилам быстрее обычного, и Алана переполняла уверенность, что сегодня он решится на испытание.

— Пошли, Себ!

Друзья быстрым шагом прошли квартал, потом ловко прицепились к задку черно-красной кареты. Идти пешком было лень, тем более вчерашняя гроза превратила улицы в чавкающее жижей болото. Проехали квартала три, прежде чем карета повернула направо, и пришлось сойти. Дальше они повторили трюк с проездом “зайцем”, но на сей раз кучер попался внимательный. Посыпались басовитые ругательства, щелкнул кнут, и парочка “зайцев” с хохотом соскочила с подножки.

Алан, за ним Себ юркнули в переулок между улицей Роз и Лавандовой рекой. Отсюда до Черной границы было всего ничего: мост через реку, пара десятков лачуг, кузницы и лесочек.

Забегая за угол на полной скорости, Алан врезался во что-то твердое. Он отпрянул и, если бы не Себ позади, грохнулся бы оземь.

Неожиданное препятствие возрилось на юношей с высоты почти двухметрового роста.

— Эй, осторожней! Так и шею свернуть недолго!

Мужчина, с которым столкнулся Алан, одернул кожаную куртку. Пояс его перехватывал широкий ремень, украшенным камнями — надо полагать, драгоценными. В целом, человек выглядел внушительно. Мало того, что высок и широкоплеч, так еще и одет более чем шикарно: помимо кожаной куртки и ремня, на незнакомце красовалась широкополая шляпа с пышным белым пером, бархатные штаны и сверкающие сапоги. У человека было продолговатое лицо, темные глаза и узкая бородка клинышком.

— Простите, монсеньор, — пробормотал Алан.

Незнакомец повернулся, и взору Алана предстала висевшая сбоку на ремне шпага. У нее была серебристая, причудливо закрученная гарда и антрацитово-черные ножны. У Алана открылся рот от восхищения.

— Хочешь такую, мальчик?

— Ага!

— Может быть, когда-нибудь у тебя будет такая шпага.

— У меня будет лучше! — выпалил Алан.

Незнакомец улыбнулся и величавой походкой двинулся своей дорогой.

— Кто это? — спросил Себ.

Алан пожал плечами.

— Впервые его вижу.

— Станный он какой-то, — заключил Себ.

Не прошло и минуты, как таинственный незнакомец вылетел у обоих из головы. Они перешли через массивный каменный мост. Под ним неспешно катила волны Лавандовая

река. Дорога за рекой утопала в грязи. Мэрия Галльфрана не желала мостить дороги в бедных районах, полагая, что движение там всё равно неактивное. Несмотря на все усилия не испачкаться, ботинки у ребят вскоре превратились в нечто жуткое, штаны усеяли ошметки грязи.

Местное население, в основном ремесленники, с любопытством таращились на двух прилично одетых мальчишек. Чумадые дети прекращали играть и провожали их взглядами.

Алану их внимание было безразлично, его начинало трясти в предвкушении испытания. Себ волновался не меньше, судя по сжатым губам и деревянной походке.

Они оставили за собой поселение ремесленников с ее грязью, запахом дыма и звоном ударов молотом по наковальням. Впереди, на пологом склоне раскинулся лесочек, и между стволами уже чернела Граница, опоясывающая весь Оазис, где располагался Галльфран...

Алан был настолько напряжен, что не заметил, как они пересекли лес.

Друзья остановились на самом краю Черной границы. Похожая на совершенно гладкую и твердую дорогу шириной шагов десять, она выбегала из-за ближайшего холма и терялась за деревьями. Ее поверхность была черной и блестящей, никогда на ней не скапливалась ни пыль, ни лесной сор. Никогда на нее не забредали звери или насекомые. Черная граница, замкнувшая в круг город и несколько поселков-пригородов, отпугивала от себя всё живое.

Кроме Пилигримов, конечно.

Алан с Себом некоторое время всматривались в Дебри. Собственно, они не были такими уж лесистыми; Дебрями назывались все земли вне Оазисов, там, где хозяйничают Твари, независимо от того, как эти земли выглядели и что на них произрастало. Дебри прямо перед Аланом и Себом покрывал точно такой же лес, как и на стороне Оазиса. Дальше высились зеленые холмы, за которыми синела далекая горная гряда.

В пронзительно-голубом небе между кучевыми облаками парили черные точки. Орланы не делают разницы между Оазисами и Дебрями.

— Ну? — наконец проговорил Себ хрипло. — Пошли?

Его длинные волосы колыхал ветерок.

— Пошли, — отозвался Алан не своим голосом.

Он прилагал нечеловеческие усилия, чтобы не выказать страх, но колени предательски подкашивались, по спине и затылку бегали мурашки, а руки тряслись, как у старичка.

Тем не менее, он первым ступил на черную гладь. Она была твердой, словно камень, и казалась холодной. Алан понимал, что через толстую подошву грязных башмаков почувствовать холод границы нереально. Это всё страх...

Дебри, обманчиво мирные и спокойные, ждали...

Будто во сне Алан прошел по границе. Еще один шаг — и он на территории Дебрей. Себ стоял рядом, шумное дыхание заглушало ветер.

Друзья переглянулись. И шагнули на траву Дебрей.

Нервы натянулись до предела. Алан встал обеими ногами на землю и приготовился отступить при малейшей опасности.

Как ни странно, опасность не желала появляться. Лесок по-прежнему мирно шелестел листвой, голубело безмятежное небо, солнце пронизывало прозрачный воздух...

Себ переступил с ноги на ногу. Он вопросительно приподнял брови. Время тянулось и тянулось, и ничего не происходило.

— Алан!

— Себ!

Они оба заулыбались.

— Кажется, мы... — начал Алан, но Себ зашипел на него:

— Подожди! Рано! Нужно немножко походить тут. Для верности...

Алан, который собирался заорать во всю глотку: “Кажется, мы — Пилигримы!”, кивнул и последовал за другом в лес прочь от Черной границы.

Они прошли шагов пятьдесят. Дубы и сосны сомкнули над ними зеленый шатер. Здесь царил прохлада, пахло дерном и, кажется, грибами...

— Себ! — негромко сказал Алан. — Всё-таки мы...

— Что-то впереди!

Алан, который уже почти расслабился, вздрогнул и завертел головой.

Себ внезапно быстро пошел вглубь чащи. Алан побежал за ним и увидел приземистое каменное сооружение, возле которого остановился Себ. Сооружение напоминало круглый колодец без колпака, очень древний на вид. Каменную кладку покрывал толстый слой моха. Себ заглянул внутрь.

— Что там?

— Пленка... Будто бельмо на глазу...

Алана охватило любопытство. Он подошел к колодцу.

На глубине в человеческий рост его затягивала белая мембрана. Алан не представлял, что это за диковина.

Себ повернулся к приятелю с сияющим лицом.

— Ты понимаешь, Алан? Мы — Пилигримы!

Алан не успел улыбнуться в ответ. Позади Себа из колодца к самым верхушкам сосен взметнулась темная масса, оглушительный визг расколол сонную тишину. Алан отпрянул, споткнулся о корень и рухнул навзничь. На какое-то время от ужаса сердце остановилось, потом застучало с сумасшедшей скоростью.

На его глазах Тварь выползала из колодца. Она была огромна, как колокольня, и ее черное сегментированное тело, чуть изгибаясь, возвышалось над самыми высокими деревьями. Четыре суставчатые руки цвета тусклой стали сжимали Себа на высоте третьего или четвертого этажа. Себ вопил без передышки.

“Оно убьет Себа”, — промелькнуло в голове Алана.

Прежде чем что-нибудь сообразить, он схватил ком глины и швырнул в Тварь.

Ком ударился о прочный сегмент тела над самым колодцем, не причинив Твари никакого вреда. И всё же внимание Твари переключилось на Алана.

Не выпуская из лап Себа, она изогнулась, и к Алану сверху опустилось лицо Твари — жуткий образ, похожий на бледную маску с провалами глаз и рта, особенно страшный на нечеловеческом теле...

Тварь разинула пасть, и впечатление сходства с человеческим лицом пропало: рот усеивали мелкие конусовидные зубы. Их было много, гораздо больше, чем у человека. И пасть раскрывалась гораздо сильнее, чем на это способен человек.

Как только Тварь разинула пасть, крики Себа затихли. Он обмяк в стальных лапах. Зато Алан заорал и зажмурился, готовясь умереть.

— Эй!

Алан вытаращил глаза. К ним бежал давешний незнакомец в шляпе с пером, обнажая на бегу шпагу. В зеленоватом полумраке сверкнуло узкое лезвие. Ядовито зашипело, от раны на

теле Твари повалил желтый дым. Второй удар пришелся ближе к человеческой голове, потому что Тварь спешно втягивалась в колодец. В последний миг оно выронило Себа, мешком повалившегося на траву, сложило лапы и исчезло в глубине земли.

Незнакомец сгрел Себа и ринулся в сторону Черной границы.

— За мной! И не отставай, если тебе дорога жизнь!

Алан припустил изо всех сил. Никогда раньше так быстро он не бегал. Когда подошвы коснулись монолитной поверхности Черной границы, сердце готово было лопнуть.

Он набрался духу, чтобы оглянуться. Над лесом вздымались Твари — штук пять, не меньше. Еще три по-змеиному скользили по траве вслед за беглецами.

Будь Черная граница не пару десятков шагов дальше, они догнали бы людей.

Алан добежал до родного Оазиса и без сил рухнул наземь. Его легкие горели.

Незнакомец положил бездыханного Себа рядом с Аланом и, отдуваясь, присел рядом. Алан, как замороженный, смотрел на растворяющихся в полутьме леса Тварей.

Себ замычал что-то невнятное. Его ресницы затрепетали.

— Ну что, ребятки, хотели выяснить, кто из вас Пилигрим? — с усмешкой поинтересовался незнакомец, более-менее отдышавшись.

Алан испуганно кивнул.

— А Себ не умрет?

— Нет. Дуракам везет, как поговаривают в одном из Оазисов. Через полчаса очухается. Потом пару дней голова поноет, но и это не смертельно. Это чтоб неповадно было лазить через Черную границу. Еще три секунды, и Эманация Тварей его бы прикончила. Хорошо, что я проходил рядом... Как чувствовал, что вы надумали проверить себя!

— Эманация, монсеньер?

— Да, Твари излучают что-то... Какую-то дрянь, которая вырубает Оседлых в радиусе десяти метров... то есть, около пятнадцати шагов. Помнишь, когда Тварь разинула пасть, твой дружок отключился?

Алан кивнул. Незнакомец выражался странно, но понятно. Теперь было ясно, что это Пилигрим.

— Ну так вот, — продолжал Пилигрим, — мы называем это излучение Эманацией. И излучается оно из их поганых пастей. По крайней мере, мы так думаем.

— А вы — это кто? Пилигримы?

— О да, парень, ты прав. Только отныне ты должен говорить не “Вы, Пилигримы”, а “Мы, Пилигримы”.

— Почему? — тупо спросил Алан. После всего пережитого мозг работал плохо.

Пилигрим сурово и в то же время ласково поглядел на Алана.

— Потому что ты, малыш, настоящий Пилигрим! Эманация на тебя не подействовала, как на твоего дружка. Ты можешь остаться в родном Оазисе и прожить безопасную и скучную жизнь. А можешь отправиться в удивительные путешествия по свету и пережить тысячу приключений, но и умереть можешь в любой момент. У твоего дружка, увы, такого выбора нет: в Дебрях за ним всегда будут охотиться Твари, как пару минут назад. Ну, так что ты выбираешь?

Мозг Алана наконец-то заработал. Вот он — час истины! Алана переполняла даже не радость — счастье. Он не выдержал — из груди вырвался воинственный боевой клич, далеко прокатившийся над безлюдными просторами отныне безопасных Дебрей.

Глава 2. Город пара и дыма (спустя двенадцать лет)

Огромные, почерневшие от сажи трубы заводов выбрасывали в пасмурное небо клубы зловонного дыма. Сквозь пелену смога едва проступали очертания многоэтажных зданий густонаселенного города.

Алан Аркон слегка натягивал уздечку, сдерживая разгоряченного коня, и в ожидании спутников разглядывал задымленный Оазис. Передние копыта Вихря, рыжего жеребца Алана, в нетерпении били по Черной границе, высекая синеватые искры. Задние ноги стояли на земле Дебрей. Алан морщился при виде всей этой копоты: Грейстоунхилл ему решительно не нравился.

Большой, шумный, грязный, переполненный разными гремящими механизмами, если верить Эмилю, Грейстоунхилл составлял резкий контраст с Галльфраном.

С тех пор, как Алан покинул родной Оазис, прошло много лет, но воспоминания о нем оставались яркими и милыми сердцу. Так вышло, что за все эти годы Алан ни разу не побывал дома. Сотни раз он намеревался навестить родителей и друзей, однако жизнь Пилигрима с ее бесконечными торговыми экспедициями затягивала словно зыбучие пески. Ему удавалось только передавать письма и подарки, он знал, что и отец, и мать пребывают в добром здравии и давно смирились с судьбой единственного сына. Себастьян Келлер, друг детства, выучился на доктора, и Алан слышал, что он — изумительный хирург.

Алан сильно изменился за эти годы. Теперь это был высокий и стройный молодой человек двадцати четырех лет от роду, длинные черные волосы были зачесаны назад, на подбородке красовалась эспаньолка, под левым глазом белел короткий шрам — результат эпического сражения с бандой Могучего Момоа с Островного Оазиса. Он был одет по моде Галльфрана, в камзол и широкие штаны, поверх одежды был накинут плащ Пилигрима, в котором удобно укрываться на случай непогоды в Дебрях. На ремне в ножнах висела шпага.

Удивительно, но она действительно была лучше, чем у Эмиля Ламара — того самого Пилигрима, что повстречался Алану и Себу двенадцать лет назад. Шпагу Алан приобрел в одном из Оазисов, где использовались так называемые “альтернативные технологии” или, по мнению Алана, просто “магические”. Лезвие шпаги было прозрачно, как родниковая вода, если не присматриваться, и не разглядишь. Это давало преимущество во время боя: противник попросту не видел, куда наносится удар. Прозрачное лезвие, прочное как закаленная сталь, приобретало видимость лишь на мгновение, во время столкновения с твердыми предметами, например, с клинком противника.

Ножны были инкрустированы Черными камнями, отпугивающими Тварей. Когда-то эти камни были частью Черной границы Разрушенных Оазисов. Впрочем, Алан никогда не бывал в Разрушенных Оазисах и не мог проверить, насколько истинна гипотеза происхождения Черных камней. Их ему дал Эмиль.

Сзади послышался топот. Кто-то, кажется, Димитрий, захохотал. Караван наконец догнал Алана.

— Что скажешь? — спросил Эмиль, останавливая вороного коня рядом с Аланом.

— О Грейстоунхилле? — уточнил Алан и криво ухмыльнулся. — Большой. Грязный. Вонючий. Что можно сказать?

Эмиль рассмеялся. Его бородку и волосы тронула седина. На лице прибавилось морщин, но в целом он особо не изменился.

— Ты описал Димитрия, друг мой!

Алан непроизвольно оглянулся. Нет, Димитрий и Матиас были еще слишком далеко, чтобы услышать эту реплику. Тем более что Димитрий вдохновенно рассказывал какую-то байку Матиасу и не обращал ни на что внимания. Алан готов был спорить, что байка об очередной победе Димитрия на любовном фронте.

Матиас слушал с благосклонным видом. Его лицо цвета эбенового дерева с проколотыми ноздрями и губами расплывалось в добродушной улыбке, которую незнакомые с Матиасом люди могли принять за ухмылку людоеда перед обедом.

Димитрий — еще тот фантазер. Эмиль прав: Димитрий чем-то похож на Грейстоунхилл, он такой же большой, шумный и издающий крепкие запахи.

— Вот увидишь, Алан, они подружатся. Я о Димитрии и городе.

— А вот я вряд ли... — признался Алан. — Мне по вкусу более... спокойные Оазисы.

— В каждом Оазисе есть свои плюсы и минусы. Как, собственно, и во всём.

В это время Димитрий и Матиас поравнялись с границей.

— Ну? Чего встали? — прогремел Димитрий. — Скоро солнце сядет. А мне хотелось бы пожрать в цивилизованном месте и выпить чего-нибудь крепкого...

— Нужно проверить наших пассажиров, — сказал ему Эмиль. — Как самочувствие и так далее. Чтобы не было неожиданностей перед Оседлыми.

Следом за Димитрием и Матиасом на разномастных лошадях подъехали пять девушек, задрапированных в плащи Пилигримов. Но они не были Пилигримами.

— Невест, что ли, проверить? — буркнул Димитрий. — А что с ними станется? Живучие как кошки... Мысль о скорой брачной ночи в новом Оазисе греет им душу! Как и меня! Женщины Грейстоунхилла уже заждались, небось, Димитрия Кагановича, а?!

Эмиль проигнорировал глупые выкрики товарища. Он подъехал к девушкам.

— Снимите капюшоны, — велел он.

Те молча подчинились.

Все пятеро были белокожими, но очень загорелыми. Русые косы обрамляли узкие строгие лица и спадали на плечи. Прямые взгляды и сжатые губы намекали на твердый характер. Под плащами виднелись платья из грубой ткани, отороченные мехом.

Алан подумал, что с мягким характером в том Оазисе, откуда эти девушки родом, и не выжить.

— Всё в порядке? Есть какие-нибудь жалобы?

Невесты переглянулись. Затем та, что выглядела постарше, отрывисто сказала:

— Твой человек нас лапал!

Она указала на Димитрия.

Эмиль изогнул бровь.

— Я совсем чуть-чуть! — оправдывался Димитрий. — Помогал им залезать на коней... Разве это приставания? Я же помогал!

— Мы рождены на конях, — отрезала старшая невеста. — А за подобную помощь у нас в Оазисе отрубают руки!

От ее слов у Алана вдоль позвоночника пробежал холодок. Да, не приведи судьба жениться на этакой красотке...

Эмиль сделал примирительный жест.

— Отныне вы не в своем Оазисе на берегу северного моря. Вы должны принести клятву соблюдать законы и обычаи Грейстоунхилла. Отныне и навсегда. Понятно?

Девушки пробормотали, что им всё понятно.

— И чтить мужей, — добавил Матиас тихо. Заходящее солнце поблескивало на его многочисленных сережках. Старшая невеста зыркнула на него.

Эмиль повернулся в сторону Дебрей, откуда скакал еще один всадник. Тэн, пятый Пилигрим в их караване, не торопился: вертел головой, так что косички на висках болтались туда-сюда, щурил и без того узкие глаза. В его задачи входило контролировать обстановку в тылу.

— Что там, Тэн? — крикнул Эмиль.

— Тварей нет, — донесся ответ. — Пара шгук хотела высунуть свой гнусный голова из нора, но Тэн — вжик-вжик, кривой сабля рубил, и Тварь убежал!

— Молодец, — похвалил Эмиль. Он снова развернулся к спутникам. — Ну что, друзья? Добро пожаловать в Грейстоунхилл, город паровых технологий!

Скоро Алан убедился, что Грейстоунхилл и вправду — город паровых технологий.

Улицы, зажатые между двух- трех- четырех- и даже пятиэтажными кирпичными домами, буквально кишели паровыми механизмами. Ни одной нормальной кареты: все экипажи снабжались механическими двигателями, которые с шипением выпускали клубы пара.

По тротуарам текли потоки людей. Мужчины преимущественно были одеты в костюмы, на головах цилиндры или котелки, женщины предпочитали пышные и непрактичные платья и шляпки с искусственными цветами или фруктами.

Раз или два Алан заметил неуклюжие человекоподобные фигуры из меди или бронзы, с лязганьем шагавшие вдоль высоких каменных фундаментов домов.

Приезд Пилигримов с невестами привлек всеобщее внимание. В целом, жители города вели себя весьма сдержанно, не то что в Скаардфьорде, откуда Пилигримы набрали невест. Вот что значит цивилизация, подумалось Алану. Он решил, что это место имеет шанс ему понравиться.

В подтверждение его мыслей о цивилизованности, спустя несколько минут откуда-то возникли полицейские в черно-белой форме, вооруженные дубинками и какими-то рифлеными широкими стволами.

— А стреляют эти шгуки тоже при помощи пара? — спросил Алан у Эмиля, наклонив к нему голову.

— Можешь не сомневаться.

— А что за пугала из металла там ходят, Эмиль?

— Это гомункулусы, — пояснил тот. — Металлические люди. Жители этого Оазиса — паразитические инженеры.

Полицейские очистили улицу от зевак и паровых экипажей до самой центральной площади.

Алан ехал на Вихре рядом с Эмилем, слыша стук копыт лошадей невест и других спутников. Справа и слева высились серые и красные здания, и в каждом окне и на каждом балконе торчали любопытные жители. Алан кожей ощущал сотни взглядов, но это его особо не беспокоило. За годы путешествий он уже привык к вниманию.

Улица раздалась вширь, и караван вышел на круглую площадь. Очевидно,

величественное здание напротив с колоннадой — что-то вроде мэрии.

По широченной лестнице этого здания спускалась делегация во главе с мэром... Или как там у них называется главный в городе? Мэр был маленьким пузатым мужичком с массивным крючковатым носом. По обе стороны от него шли два металлических гомункулуса.

Кроме мэра и гомункулусов в делегацию входило еще человек десять разного возраста и полов. Все они держались поодаль.

Пилигримы спрыгнули с лошадей. Алан, придерживая Вихря за уздечку, потоптался на месте — от долгой скачки у него затекли ноги.

— Город Грейстоунхилл приветствует вас, доблестные Пилигримы! — высоким голосом сказал мэр. — Я — Ризз Мэддокс, Верховный Старейшина города. Кто из вас будет говорить от всего каравана?

Эмиль кашлянул.

— Меня зовут Эмиль Ламар. Это мои друзья: Димитрий Каганович, Алан Аркон Матиас Муронго и Тэн Тайджи-Ар. Мы привезли пять невест из Оазиса под названием Скаардфьорд, как и было договорено между вашим городом и Пилигримом Кроваком...

— Кстати, почему он не приехал сам? — спросил Верховный Старейшина.

— Хмм... Он... был занят другими делами. Он попросил меня выполнить контракт.

Алан услышал, как Димитрий прошептал Матиасу:

— Ага, обожрался какой-то дряни в Танаросе и неделю не вылезал из сортира...

— Должен предупредить, что из-за этой рокировки менять расценки на ваши услуги мы не будем, — сказал Ризз Мэддокс, заглушая беспокойный шепоток среди своей свиты.

— Ни в коем случае, — заверил его Эмиль. — Расценки останутся прежними. Но только за доставку невест. Мы привезли кое-какие безделушки, украшения... — Он похлопал по седельной суме. — Завтра, отдохнув в ваших гостеприимных краях, мы доставим эти товары на рынок. И цены назначим сами.

Мэддокс махнул короткопалой ладошкой.

— Быть посему. Джон, Риксби, проводите господ Пилигримов в приготовленные для них апартаменты. Селена, Рената, Фрейя, займитесь девушками. Дикки, Ральф, отведите коней в конюшни Совета Старейшин. Завтра будет Праздник Сватовства. Честь имею, господа!

Ризз быстро поклонился и ушел величавой походкой.

Девушки из свиты при упоминании о Празднике Сватовства оживились. Улыбаясь, они подбежали к напряженным амазонкам из Скаардфьорда.

Двое прыщавых молодых людей из его свиты подошли к Пилигримам и предложили следовать за собой. Несколько других юношей взяли лошадей под уздцы, чтобы отвести их в конюшни.

— Этот Ризз — еще тот пройдоха, — сообщил Димитрий, догоняя Эмиля и Алана. — Видали, как он изображал, будто ему всё равно, почему мы будем продавать украшения, а? Держу пари, он нас навестит не позднее заката или я — Тварь из Дебрей!

Никто не захотел с ним спорить. А Тэн задумчиво сказал:

— Все они одинаковые, большие начальники. Говорят одно, делают другое. Хитрая-хитрая задница!

Матиас и Димитрий громогласно загоготали, эпатировав наблюдавшую за ними приличную публику.

Апартаменты, предоставленные Пилигримам властями Грейстоунхилла, Алану пришлись по душе. Все пятеро странников были размещены в обширной квартире, состоящей из десяти комнат, каждая из которой была снабжена ванной и туалетом, и просторной гостиной.

В гостиной стояло множество круглых столиков в окружении мягких кресел. Стены были обиты лакированными кедровыми досками и задрапированы темным шелком. Одну сторону помещения целиком занимали книжные полки, другую — высокие, от пола до потолка, окна. Холл также был снабжен баром, тотчас оккупированным Димитрием.

Ужин доставили через полчаса после заселения. Алан успел помыться и сменить дорожный костюм на роскошный халат, найденный им в комнате. Пока он осматривал комнату, в прихожей что-то загремело, послышались шаги и голос:

— А, чугунная башка! Что ты нам принес, показывай!

Голос принадлежал Димитрию.

Алан вышел в холл и обнаружил спутника-Пилигрима в компании блестящего гомункулуса, прикатившего многоуровневую тачку на каучуковых колесах. Тачку накрывала белая ткань, но по аромату, исходившему от содержимого тачки, становилось понятно, что это ужин.

— Слышь, ты говорить умеешь? — допытывался до гомункулуса Димитрий. — Где тут у вас можно с девчонками пообщаться? Ну, чего молчишь, чугунная башка?!

Гомункулус молча смотрел на Димитрия круглыми глазами-фонарями. Рта у него Алан не обнаружил.

В холл вышли остальные Пилигримы. Они переоделись в халаты. Оказалось, халаты у всех разного цвета: у Алана — зеленый, Эмиля — красный, Димитрия — черный, Матиаса — светло-бежевый, Тэна — лиловый.

— Кажется, он не приспособлен говорить, — сказал Матиас, обходя гомункулюса. — Ну-ка, отойди!

Едва Пилигримы отошли от механизма, тот сразу зашевелился. Скинув ткань, ловкими и точными движениями разложил на столике блюда и кубки. Алана поразило, до чего умело гомункулус управляется со столовыми приборами и супницами. Накрыв стол, гомункулус двинулся к выходу. К тому времени Пилигримы потеряли к механизму интерес и, оживленно переговариваясь, усаживались за стол.

— Приятного аппетита, — вибрирующим голосом произнес гомункулус у выхода. Дверь за ним захлопнулась.

Пилигримы вздрогнули, Матиас захохотал, хлопая себя по бедрам.

— Насчет девочек этот железный дровосек не раскололся! — выпалил Матиас между приступами смеха. — Видно, рожа твоя не понравилась!

— На свою бы посмотрел! — заливался смехом Димитрий. Он наполнил всем кубки из серебряного кувшина. — Ну, ребятки, за нас, звонкую монету, веселых женщин, щедрые Оазисы, и к чертям Тварей!

Они чокнулись.

Алан понюхал содержимое кубка. Красная жидкость с запахом фруктов и спирта, видимо, местное вино. Алан отпил немного, памятуя о своем первом чудовищном похмелье.

Он надеялся, что оно окажется и последним.

Ужин затянулся надолго. Пили, ели, разговаривали. Алан чувствовал, как спадает напряжение нескольких последних дней и ночей, проведенных в Дебрях. Всегда есть риск, что Твари доберутся до невест. Конечно, Пилигримы постоянно держали ухо остро, по ночам выкладывали Ожерелье Невест — круг из Черных камней, в центр которого помещали девушек, и дежурили по очереди. Но практика показывала, что из десяти невест, перевозимых от Оазиса до Оазиса Пилигримами, добиралось в целости и сохранности около девяти. Остальные погибали от эманаций Тварей.

В Оазисе более-менее можно расслабиться. Бывали и случаи покушения на Пилигримов Оседлыми или нечестные личности, не желающие платить за невест и товар, но это было скорее редкостью. Оседлые слишком хорошо понимали свою зависимость от кочевников Дебрей.

Алана потянуло в сон. Он клевал носом, когда в дверь деликатно постучали, и вошел Ризз Мэддокс в сопровождении двух гомункулусов.

— А-а! — пьяным голосом заорал Димитрий. — Командир! А мы тебя ждали! Заходи! И свистни своим, чтоб принесли еще вина, у нас кончается.

Ризз смущенно присел в кресло.

— Торговаться пришел, — прошептал Эмиль Алану. — Специально дождался, пока мы накачаем. Чтоб были добрее и уступчивее. И заметь: пришел один. Сам хочет зацапать всё самое лучшее...

И действительно, Верховный Старейшина принялся торговаться как заправская торговка на базаре. Его тонкий голосок перекрывал даже бас Димитрия и баритон Эмиля. Торговались до поздней ночи, когда у всех уже слипались глаза. Слуги — гомункулусы — принесли еще вина. В конце концов Риззу досталась пятая часть украшений за устроившую обе стороны цену. Оставшийся товар Пилигримы собирались выставить на продажу завтра, на Празднике Сватовства.

Ризз ушел за полночь, ужасно довольный сделкой. Пилигримы разбрелись по комнатам. Димитрий всё требовал привести куртизанок, но вскоре захрапел.

На следующий день Эмиль растолкал свою команду рано, солнце только-только позолотило жестяные крыши домов, а вечные клубы дыма из заводов, плывущие над городом, стали розовыми и похожими на мороженое.

Завтракали в молчании. Димитрий был опухший и мрачный. Матиас то и дело хихикал, поглядывая на приятеля. Тэн, судя по кислой mine, тоже вчера перебрал.

Ризз Меддокс прислал за гостями Оазиса самоходный экипаж, управлял которым подобострастный тощий парень в высоченном цилиндре, сюртуке и перчатках. Внутреннее убранство экипажа предусматривало две расположенные друг напротив друга мягкие скамьи, небольшой столик и полки для вещей. Несмотря на рессоры, трясло нещадно, и Димитрий с Тэном позеленели.

— Высуньтесь в окно, — предложил Эмиль, — подышите. Если будете блевать, то не на наши сапоги.

Те с несчастным видом последовали совету.

Алан, отвернувшись от них, выглянул в другое окно. Мимо проплывали тротуары с

прохожими, стены, ряды электрических фонарей, редкие парки.

Внимание Алана привлекли многочисленные объявления, на которых был изображен портрет мужчины и кричащая надпись: “Разыскивается! Живым или мертвым. 1000 золотых стерлингов”.

— Здесь и преступники есть, — сказал Алан. — Вроде бы богатый Оазис, гомункулусы выполняют тяжелую работу... И всё равно есть преступники! Что он сделал? Обворовал и убил кого-то?

— Воруют и убивают не только из-за нужды, Алан, — явно думая о чем-то другом, произнес Эмиль.

— А есть Оазисы, где нет преступности?

— Если и есть, то мне не довелось в них побывать. Хотя... Что есть преступность в твоём понимании?

При этих словах Эмиль отвлекся от своих дум и с интересом поглядел на Алана. Он любил задавать трудные вопросы, ставящие Алана в тупик.

— Ну, преступники — это те, кто нарушает закон...

— Чей закон? Кто придумал этот закон? Я знаю Оазис, где запрещено быть холостяком или незамужней после двадцати лет. Иначе отправляют в каменоломни. Это закон. Думаю, по меркам этого Оазиса мы все тут преступники!

Матиас, прислушивающийся к разговору, засмеялся.

— Слышал я про этот Оазис! Ноги моей там не будет!

— Но это же дурацкий закон, — выпалил Алан. — Законы должны защищать людей от грабителей и убийц!

— А еще я знаю Оазис, — продолжал как ни в чем не бывало Эмиль, — где за убийство или любое другое преступление не наказывают, если ты заплатишь определенный штраф. У них даже расценки есть: убийство чиновника — столько-то монет, убийство простолюдина — столько-то медяков. И так далее. Заплатил — живи дальше. Не заплатил — ты преступник.

— А кому платят? Правительству?

— Нет, тому клану, откуда жертва. Ты можешь убивать хоть каждый день, пока не обанкротишься. Тогда тебя хлопнут за сущие гроши, потому что убийство нищего дешевле убийства простолюдина. Соответственно, никто не хочет быть нищим, и убийства в том Оазисе совершаются не чаще, чем в любом другом цивилизованном месте.

— Получается, всё зависит от Оазиса? — уточнил Алан.

— Всё зависит от условий. От позиции большинства. Можно быть кем угодно, не только преступником, но и лидером, изобретателем, избавителем, если ты попал в нужное место и нужный час. Помнишь, в примитивных Оазисах нас считают колдунами или даже богами?

Алан задумался. Матиас снова рассмеялся.

— Эмиль, ты совсем задурил парню голову. Сделай уже вывод из твоих туманных речей и успокойся.

Эмиль пощипал себя за бородку.

— Вывод? У меня несколько выводов! Вывод первый: никто — ни преступники, ни святые — не становятся таковыми без нужной обстановки, без определенных условий. Всегда нужна плодородная почва. Вывод второй: принимая вывод первый во внимание, можно оправдать кого угодно, понять и простить. Вывод третий: в мире нет единого закона, который бы со всей определенностью причислял одних людей к преступникам, других — к

законопослушным гражданам. Поэтому не стоит никого судить. Я говорю не про мирской суд, я про это... — И Эмиль похлопал себя по левой стороне груди.

— И вывод четвертый, — ввернул Матиас. — Не морочь себе голову, Алан, и просто живи. Наслаждайся жизнью, пока можешь.

У Алана было полно возражений против выводов Эмиля, но ему пришлось придержать их при себе: экипаж затормозил, и тощий оператор экипажа крикнул в специальное оконце, что они приехали.

И ярмарка, и Праздник Сватовства проводились в одном месте — главной площади Грейстоунхилла. К моменту прибытия Пилигримов на площади, казалось, собралось всё население города, включая детей, стариков и гомункулусов. Торговые палатки протянулись по соседним улицам.

Пилигримов встретили представители Совета Старейшин и препроводили к их торговым местам. Верховного Старейшины видно не было. Алан подумал, что коротышке торопиться некуда, он уже отхватил себе всё, что нужно.

Торговля пошла бойко. Через час продали весь товар. Еще полчаса подсчитывали и делили выручку. Потом на возвышении зазвучали трубы, и голос, усиленный рупором, провозгласил начало Праздника Сватовства.

Алан с товарищами уселись на скамьях в очень удобном месте — всё-таки они были почетными гостями. Отсюда прекрасно просматривалась трибуна со Старейшинами и радужный навес, под которым на креслах сидели новоприбывшие невесты.

Перед трибуной расчистили большое пространство. На него выступили одетые в самые лучшие свои наряды молодые женихи. Их было около тридцати.

— Сколько желающих, — пробормотал Алан. — Я еще столько не видел...

— Потому что это пока что самый густонаселенный Оазис в твоей практике, — пояснил Эмиль. — Раз много людей, много и женихов. И невест, разумеется.

— Надо было привезти больше невест.

— Нет, слишком опасно. Нас пятеро, значит, и невест должно быть не больше пяти. Ты ведь знаешь, что происходит, когда в Дебри забредает Оседлый, даже в присутствии Пилигрима.

— Твари не дремлют! — Алан кивнул.

— Да и с другими Пилигримами надо делиться, — добавил Эмиль. — Через неделк сюда должен явиться Кровкак со своими парнями. Они привезут еще невест. А еще через какое-то время обязательно прибудет Пилигрим Тиберий, Чен Шао или еще кто-нибудь. Понимаешь, что получается, Алан? Оазисы выживают благодаря нам, ведь если бы не приток свежей крови, Оседлые быстро бы выродились. А мы выживаем за счет Оазисов. Идеальное равновесие!

Пока они беседовали, начались состязания женихов: стрельба из мушкета, дуэль на специально затупленных шпагах, борьба, даже умение танцевать. В качестве жюри выступали невесты. От Алана не укрылось удовольствие, которое получала от происходящего старшая амазонка. Да и другие также не выглядели недовольными, как накануне.

Обедали там же, на площади. Праздник набирал обороты, вино и пиво лилось рекой, торговцы готовой едой едва успевали обслуживать клиентов.

Верховный Старейшина соизволил сойти с трибуны и сообщил, что завтра утром в руки Пилигримам будут переданы пять невест Грейстоунхилла для препровождения их в Оазис

Хоу Верден. Сегодня невесты будут прощаться с родными и близкими, а завтра, Алан знал это по опыту, все пятеро будут скорее всего зареванными донельзя. Исключение составляли невесты суровых Оазисов, вроде Скаардфьорда.

Наконец, ближе к ночи, Праздник Сватовства завершился. Невесты выбрали себе женихов по вкусу, невезучие кандидаты вернулись домой, утешаясь мыслями о следующем визите Пилигримов. Димитрий и Тэн куда-то исчезли, наверное, нашли себе бордель, о котором давно мечтали. Матиас подцепил себе подружку на ночь еще на празднестве — девушка была рыжая, как Вихрь, веснушчатая и веселая. Ее ничуть не устрашили цвет кожи Матиаса и множество серебряных колец в носу, бровях и ушах.

Эмиль ушел в гости к знакомому горожанину, и Алан остался представленным самому себе. Он решил прогуляться по городу.

Но далеко уйти ему не дали. Когда его окликнули, Алан обернулся и увидел девушку, явно встречавшуюся ему ранее.

— Я Фрейя, — представилась девушка, слегка присев в реверансе. — Работаю в канцелярии Совета Старейшин... Мы занимались невестами, когда вы приехали вчера.

Алан вспомнил. Она была одной из тех трех девушек, что встретили невест по приказу Ризза Мердока. Алан проводил ее до дома. Электрические фонари освещали улицы желтоватым светом, по улицам то и дело проходили люди с ярмарки и Праздника Сватовства.

— Вот вы постоянно возите невест, — говорила Фрейя, поглядывая на Алана из-под ресниц. — А сами не женитесь?

— Почти никогда, — признал Алан. — У нас кочевая жизнь, какая девушка согласится выйти за бродягу?

— А женщины среди Пилигримов есть?

— Есть. Но они тоже редко выходят замуж.

— А почему бы вам не осесть в каком-нибудь Оазисе? Вы же можете выбрать любой на свой вкус.

— Как? — поразился Алан. — И пренебречь целым миром?

Фрейя мягко улыбнулась. Она вовсе не собиралась спорить. Просто ее раздрало любопытство. Вероятно, она впервые общалась с Пилигримом вот так запросто.

— Расскажи, Алан, у вас, наверное, в каждом Оазисе отдельная жена, правда?

Алан промывчал что-то невразумительное.

— Эти девушки из Скаардфьорда такие дикие и резкие... — продолжала Фрейя. — Со временем они, конечно, станут нормальными... Но Оазисы разные... Женщины разных Оазисов отличаются друг от друга или на самом деле одинаковые, и разница лишь поверхностна? — Она погладила Алана по плечу. — Ты понимаешь, о чем я...

Алан здорово смутился и покраснел. Хорошо, что освещение неважное...

— Мне кажется, женщины все разные, — проговорил он. — И в то же время у них есть что-то общее...

Фрейя улыбнулась ему. В ее глазах горели отражения фонарей. Или огонь исходил из глубин ее естества?

— У тебя было много женщин?

Уши Алана запылали. Он остановился. Фрейя встала напротив, испытующе глядя на него.

— Сейчас это имеет значение? — спросил он.

— Никакого, — выдохнула она.

Ее теплые губы прильнули к его губам. Одновременно маленькие ручки увлекали в распахнутые двери дома.

“Не морочь себе голову, Алан, и просто живи. Наслаждайся жизнью, пока можешь”, — прозвучал в голове голос Матиаса.

“А, Тварь побери, была не была!” — подумал Алан и позволил Фрейе увести себя в дом.

Проснувшись наутро, он не сразу сообразил, где находится. Мгновение спустя подробности вчерашнего вечера встали перед внутренним взором во всей красе.

Фрейя лежала тут же. Ее буйные каштановые волосы рассыпались по подушкам, упругую грудь едва прикрывало одеяло.

Стоило Алану пошевелиться, как Фрейя, не раскрывая глаз, потянулась к нему и хозяйски закинула на него ногу.

Алан замер, не желая будить девушку. Но пора вставать, Эмиль скоро хватится. Он осторожно выскользнул из-под ноги и принялся тихо одеваться.

— Будешь завтракать? — послышался сзади сонный голос.

Он вздрогнул. Заспанная Фрейя смотрела на него с насмешливым видом.

— Боюсь, нет времени... — пробормотал Алан. — Сегодня мы выезжаем.

Ему пришло в голову, что стоило бы немного задержаться, чтобы его уход не был похож на бегство.

— Расслабься, Алан, — промурлыкала Фрейя. — Ты очень милый. И ты мне ничего не должен... после вчерашнего. Или уже сегодняшнего? Неважно. Я всегда мечтала переспать с Пилигримом.

— И до сих пор не удавалось? — Алан не сумел скрыть недоверчивые нотки в голосе.

— Представь себе, нет. То есть Пилигримы нас постоянно навещают, но они в основном как тот ваш бородатый...

— Димитрий? — вырвалось у Алана.

— Ага. Ты гораздо лучше тех, что были...

Алан закончил одеваться с пылающими щеками и ушами. Завтракать он не остался. Надо было двигаться. Он вошел в гостиничный номер Пилигримов вместе с гомункулусом, притащившим завтрак. В номере были только Эмиль и Матиас.

— Собираемся потихоньку, — констатировал Эмиль, хитро поглядывая на Алана. — Ну, как провел время?

— Недурно, — проворчал тот.

— И всё? Недурно, и всё? — поразился Матиас. — А вот моя подруга сделала мне сюрприз...

И Матиас принялся описывать пикантные подробности встречи с той рыжей на ярмарке. Алан похохатывал, радуясь, что никто не требует его выдавать подробности общения с Фрейей.

— Мы, конечно, бродяги, — добавил Матиас в финале насквозь пошлого рассказа, — и семей у нас, как правило, нет, но и в свободной жизни есть много плюсов, уж поверь мне!

Димитрий и Тэн пришли к концу завтрака. Поэтому к условленному часу все были на местах. Верховный Старейшина со свитой явился прямо к гостинице. Помощники вели под

узды свежих и накормленных лошадей. В стороне маячила небольшая толпа.

Ризз произнес подходящие случаю слова, поблагодарил за визит, приглашал еще. Кроме невест, он не мог предложить ничего существенного.

Алан покосился в сторону толпы. В центре ее жались пять молоденьких невест, вокруг суетились близкие и родные. Слышался плач.

Ризз откланялся, и Эмиль кивнул Алану: займись невестами. Алан оттеснил провожающих от невест и повел их к лошадям.

— Почему нельзя ехать в экипаже? — раздался чей-то голос. — Так удобнее!

— В Дебрях нет нормальных дорог, — отозвался Алан. — И там не работает никакая техника.

Больше вопросов не последовало.

Невесты, как и ожидалось, были зареванные, с опухшими носами и глазами. Матиас и Тэн накинули на них плащи.

Алан отметил, что одна из невест вовсе не заплаканная. Она была серьезна и молчалива, но особого горя на ее личике не обнаруживалось. Алан пригляделся к ней: стройная, высокая, хорошенькая, с длинными темными волосами, большими глазами цвета вечернего моря и прямыми бровями, придающими лицу трагический вид. Никто ее не провожал, и сама она ни на кого не глядела.

Димитрий помог ей забраться на лошадь. Алан на секунду отвернулся, и в эту секунду раздался глухой удар, рёв и звук падения тяжелого тела. Он обернулся.

Димитрий сидел на заднице, держась ладонью за щеку. Девушка, та, что не плакала, криво улыбаясь, садилась на лошадь.

— Ах ты!.. — заревел, вскакивая, Димитрий. Матиас повис на нем, удерживая от атаки. — Эта сучка ударила меня локтем!

— В следующий раз не будешь распускать руки, — с поразительным хладнокровием заявила девушка.

— Димитрий, успокойся, — осадил буйного Пилигрима Эмиль. — Я думал, твой визит в бордель должен удержать тебя от желания щупать женские попки хотя бы на пару дней.

Взбешенный Димитрий внезапно успокоился. Борода раздвинулась, и он загоготал.

— Эмиль, ты плохо меня знаешь!

К удивлению Алана, никто из провожающих не выразил протеста по поводу этого инцидента. Некому вступиться?

Он решил разобраться в дороге. Предстоял неблизкий путь. Хоу Верден лежит высоко в горах, за крутыми обрывами и пропастями.

Через некоторое время караван был готов к отбытию. Пилигримы в последний раз проверили, не забыли ли чего: провизию, личные вещи, оружие, кошель с заработанным золотом...

Жители Грейстоунхилла провожали караван до самой Черной границы. Среди толпы Алан заметил Фрейю. Она помахала ему платочком. Алан взмахнул рукой на прощание.

Когда они встретятся вновь? Возможно, никогда. На несколько мгновений Аланом овладела печаль. Но караван перешел границу, впереди раскинулось горное плато, мир манил бесчисленными чудесами, и Фрейя благополучно вылетела у Алана из головы...

Глава 3. В Дебрях

За первый день путешествия караван преодолел всего около полусотни километров. Невесты часто уставали, привыкнув кататься на самоходных экипажах, сидеть много часов в седле им было невероятно тяжело, и приходилось делать привалы. Кроме того, местность повышалась, путь преграждали овраги и лощины, красно-бурые скалы торчали из земли, словно пальцы мертвого гиганта. В густом разнотравье водилось неисчислимое множество мелких грызунов и змей, поэтому нужно было держать ухо остро, чтобы лошадь не провалилась в очередную нору или не испугалась гадюку.

Твари побеспокоили за весь день только раз. Когда караван пересекал узкую долину к юго-востоку от Грейстоунхилла, из колодца вынырнула Тварь. Девушки дружно завизжали, но умные кони не поддались панике всадниц и не сбились с шага. Пилигримы ехали вокруг невест со шпагами, мечами и саблями, инкрустированными Черными камнями, и Тварь вынуждена была втянуть длинное сегментированное тело обратно в колодец.

Алан прикрывал левый фланг. Рядом с ним очутилась та дерзкая девушка, что ударила Димитрия. Когда появилась Тварь, девушка сильно побледнела, губы приоткрылись, но она не завизжала. Алана одолело любопытство: кто она, эта смелая незнакомка?

— Как тебя зовут? — спросил он.

— Какое это имеет значение, Пилигрим? — холодно отозвалась она, глядя вперед, где покачивался в седле Эмиль. — Ты забудешь мое имя, как только мы прибудем в Хоу Верден и ты получишь своё золото.

Алан улыбнулся.

— Ты этого не знаешь наверняка! Может быть, я буду помнить тебя и после того, как получу своё золото!

Девушка промолчала.

Ветер тянул печальную песню, ковыль на склонах катил серебристые волны, по небу с поразительной скоростью неслись тяжкие тучи. Солнце то исчезало за ними, то возникало снова, и его лучи рисовали на вздыбленной местности причудливые узоры.

— Меня зовут Алан Аркон, — опять заговорил Алан. — Я родился и вырос в Галльфране. Это Оазис за много дней пути отсюда. Он не настолько многолюден, как ваш, и технологии весьма примитивны, но в нем есть своё очарование.

Девушка бросила на него косой, но внимательный взгляд.

— Зачем ты мне это рассказываешь?

Алан пожал плечами.

— Чтобы дать тебе понять: я человек с именем и историей, а не безликий Пилигрим. А вы для меня не просто невесты, а люди с именами и историями жизни. И пусть мы скоро расстанемся, это не значит, что знакомство нежелательно. Я — Пилигрим, и у нас опасная жизнь. Я могу умереть в любой момент. Поэтому стараюсь ценить каждый миг... Так как тебя зовут?

— Меня зовут Кассия, — после короткой паузы сказала девушка. — Кассия Ринн.

— Ты очень хорошо держишься, Кассия.

— Спасибо.

Эта странная невеста явно не была расположена говорить, и Алан подумал, что на первый раз достаточно. Впереди как минимум неделя пути, времени поболтать хватит.

Кассия вызывала у Алана любопытство. Почему-то хотелось узнать ее лучше. За годы странствований он перевез сотни невест, иногда та или иная девушка вызывала вполне естественный интерес. Он не давал разрастись этому интересу, ведь все они — чьи-то невесты... В Оазисах и без них было достаточно девушек, мечтающих провести с удивительными странниками хотя бы один вечер.

Однако Кассия вела себя слишком независимо. Она не создавала впечатления чьей-то невесты. Алан при всем желании не мог представить себе Кассию, сидящую под навесом на Празднике Сватовства и с удовольствием вззирающую на соревнующихся женихов.

Вечер застал их на берегу горного ручья. Вдоль него росла крохотная рощица. Кругом вздымались зеленые склоны с желтыми пятнами голого камня.

Алан и Матиас разожгли костер при помощи огнива и трута. Димитрий и Эмиль возвели Ожерелье невест с расчетом, чтобы в нем поместился не только костер, но и два шатра. Они же поставили шатры — один для невест, другой для Пилигримов. Принеся охапку хвороста про запас, Алан оставил Матиаса разогревать воду для еды и питья и принялся расседлывать лошадей.

Тэн прискакал позже, когда солнце скрылось за скалой и воздух стал холодным. Тучи всё неслись по темно-синему небу, обещая ночную грозу.

— Что там у тебя, Тэн, дружище? — пробасил Димитрий. — Горная коза? Молодчина! Вот это я понимаю!

Тэн, расплываясь в улыбке, сбросил с седла добычу. Коза была небольшая, для десятерых человек этого хватит на один ужин. Но Пилигримы не собирались экономить на еде. В горах полно дичи, а Тэн — изумительный охотник, с расстояния в тридцать метров сшибает стрелой летящих стрекоз.

Козу зажарили целиком на вертеле. Жир с туши капал в огонь, костер шипел и дымился, аппетитный запах распространялся по всей роще.

Невесты отказались есть дичь. Они удовольствовались галетами и сушеными фруктами, прихваченными из дома.

— Подумаешь, какие мы цивилизованные, — пробурчал Димитрий. — Нам больше достанется.

— Через два-три день, — сказал Тэн, обгладывая кость, — они станет кушать дичь. Свежий воздух, постоянно седло — голод заставит.

— Я буду сейчас, — заявила Кассия.

Ее подруги поглядели на нее с ужасом.

— Ха-ха! — взревел Димитрий. — Вот это молодец девочка! Мы подружимся, вот увидишь. А тот маленький инцидент забудем, ладно?

— Какой инцидент? — полюбопытствовала Кассия.

Димитрий от неожиданности разинул рот, затем повторил:

— Молодец, да...

Ужин закончился почти в полной темноте. Во мраке краснели угли от костра, вспыхивающие при порывах ветра, да в черном небе сверкали молнии.

Пилигримы и невесты разбрелись по шатрам.

Алан забрался в спальный мешок. Некоторое время слушал дыхание товарищей, шум ветра, шелест дождя и хлопанье плохо закрепленной полы шатра. Ничего, после полуночи его вахта, тогда закрепит полу. Если Димитрий не догадается сделать это раньше. Сейчас он стоит на вахте.

Скоро Алана одолела дремота. Он успел подумать, что в Дебрях засыпает даже быстрее, чем в цивилизованных Оазисах.

Ему приснился Себ. Он выглядел так же, как и тогда, восемь лет назад: двенадцатилетним мальчишкой. Алан стоял возле Черной границы на стороне Дебрей, а Себ — на стороне Оазиса. На лице Себа застыл немой укор. Алан хотел сказать, что ему жаль и он не виноват в прихоти судьбы, решившей сделать одного друга Пилигримом, а другого Оседлым. Но слова никак не шли с языка.

Потом Себ исчез. Алан увидел Кассию: она стояла посреди равнины и смотрела куда-то вдаль. Ветер трепал ее волосы и плащ. Сбоку к ней подползала Тварь, но Кассия не замечала ее. Алан бросился на помощь, на ходу вынимая шпагу и понимая, что не успеет...

Сон снова изменился. Теперь Алан ужинал в родительском доме, а отец с важным видом резал мясо. Потом было еще много снов, но, когда Димитрий разбудил его на вахту, он ничего не мог вспомнить.

Кроме укора на лице Себа...

Караван забрался в горы так высоко, что стала ощущаться нехватка кислорода. Эмиль уверенно вел людей по опасным горным тропам, над бездонными пропастями, через бурные реки и осыпи.

— Приспичило же богам устраивать Хоу-Верден так высоко, — ругался Матиас, кутаясь в плащ.

Порывы ледяного ветра заставляли слезиться глаза.

— Зато он цивилизованный, — крикнул Эмиль. — Недаром Совет Старейшин настаивал именно на этом Оазисе!

— Да разрази гром эти цивилизованные Оазисы! — прорычал Димитрий. — Я бы на месте невест пожил в диком райском уголке без штанов, чем в культурном холодильнике на голых скалах. Да, девчонки?

— Мы слышали, у них есть машины, летающие по воздуху. Думаю, с отоплением у них тоже всё в порядке, — ответила блондинка. Кажется, ее звали Рене. Сейчас, спустя несколько дней путешествия с Пилигримами, невесты раскрепостились и почувствовали вкус к странствиям. Алан полагал, что они наслаждаются нелегкой поездкой, потому что сознают: больше в их жизни ничего подобного не произойдет.

Никогда.

Алану было жаль Оседлых.

— Справа по курсу колодец! — крикнул Матиас.

Эмиль жестом велел Тэну присоединиться к Матиасу и заблокировать Тварь, если она надумает вылезти из логова.

Алан подивился, что колодцы есть и на этой высоте. Впрочем, чему удивляться? Это всё Дебри, включая горы и океаны. Тварей нет только в Оазисах.

— Кто построил эти колодцы? — раздался рядом голос.

Алан ответил не сразу — настолько был поражен, что Кассия соизволила заговорить. Со времен их первого разговора она словно не замечала его. Как, в сущности, и всех остальных Пилигримов. Алан слышал иногда, как она обменивается парой-тройкой слов с другими невестами, но и с ними она была немногословна.

— Мы не знаем, — наконец ответил он. — Колодцы существовали от начала времен. Наверное, их построили те, кто создал Оазисы и Черные границы.

— Кто же?

— Боги.

Кассия пожала плечами.

— Зачем богам создавать чудовищ и одновременно защиту от них?

Алан никогда особо не задумывался о намерениях неведомых богов. Раз создали мир таким, значит, у них были резоны. Лично его этот мир устраивал.

— Может, чтобы каждый знал своё место? — предположил он.

— А где твое место? — спросила Кассия, глядя на дорогу. Караван объехал колодец и продолжил движение по горной тропе.

— Здесь, в Дебрях. Я перевожу с друзьями невест и не даю Оазисам выродиться.

Алан был доволен своим ответом. Интересно, что ответит странная девица?

— Оазисам можно не давать выродиться и иным способом, — сказала Кассия.

— Каким же?

— Перевозить женихов.

Алан рассмеялся. Кассия не улыбнулась, и Алан понял, что она не шутит.

— Я слышал, иногда это случается, Кассия, — сказал он, посерьезнев. — В некоторых Оазисах правят женщины. Это примитивные Оазисы, и тамошние правительницы требуют привозить им женихов. И они же дают Пилигримам своих холостых парней для обмена. Однако это бывает редко.

— А бывают Оазисы, где мужчины и женщины правят на равных?

Алан почесал затылок рукой в перчатке.

— Возможно, и есть. Но я их не видел.

Кассия вздохнула. Больше она ни о чем не спрашивала.

— Стой! — крикнул Эмиль.

Алан натянул поводья. Караван замер на каменистой площадке, ограниченной с одной стороны невысокой скалой, с другой — мелким ручьем. Невесты зашептались.

— Что такое, Эмиль? — прогудел Димитрий.

Ответ не понадобился. Из-за скалы вышел, шатаясь, человек.

Алан заморгал, потрясенный.

Человек был совсем юн — мальчик лет четырнадцати, не старше. И выглядел он ужасно: худой, измученный, в грязи и запекшейся крови. На нем болтались лохмотья.

— Разрази меня великая пустыня, кто это? — рявкнул Димитрий.

Тэн сдернул с плеча лук и натянул тетиву.

— Тэн, ты что делаешь? — спросил Алан.

— Ребенок в Дебри — это ненормально! Шаманство! Тварь хочет обмануть нас!

— Какое, к черту, шаманство?

— погоди, Алан, — прервал Эмиль, не оборачиваясь на спорщиков. — Тэн прав: это необычно, а значит, опасно. Эй, ты! — крикнул он. — Ты кто такой? Отвечай или худо будет!

Мальчик постоял секунду, качаясь, как хилое деревце под ветром, и рухнул на камни.

— Слушай, Эмиль, кажется, ему и так худо! — Алан начал сердиться.

Наконец, убедившись, что, кроме бедняги на камнях, поблизости нет больше никого чужого, Эмиль дал знак приблизиться. Пилигримы соскочили с лошадей и окружили парня.

— Дайте ему воды! — распорядился Эмиль, опускаясь на колени рядом с мальчиком.

Алан с готовностью подал свою флягу.

Вода оказала живительное действие. Глаза мальчика приоткрылись, потрескавшиеся губы зашевелились. После первого же глотка он закашлялся. Эмиль убрал фляжку.

— Кто ты? И откуда? — спросил он. — Можешь говорить?

— Я — Сигурд, — прошептал раненый так тихо, что Алан скорее догадался по движению губ, нежели услышал слова. — Из Хоу Вердена...

— Ты шел из Хоу-Вердена, Сигурд? — удивился Эмиль. — Отсюда до него полтора дня пути. Ты — Пилигрим?

— Они убили всех, — заявил Сигурд неожиданно отчетливо. — Рыцари Дебрей. Люди без лица. Они пришли в наш Оазис и убили всех. Они уничтожили Хоу Верден.

Эмиль глянул на спутников. Повисло молчание.

— Рыцари Дебрей? — наконец пробормотал Эмиль. — Уничтожили Оазис? Сколько их было?

— Их было мало, но они повелевали Тварями.

— Вот так дела! — поразился Матиас. — О чем он говорит, Эмиль? Какие-то рыцари, повелевающие Тварями... Что за чушь?

— Лучше бегите, — прошептал Сигурд. — Там живых нет...

Он пристально всматривался в лицо Эмиля, словно хотел донести до него что-то еще, то, чего не высказать словами. Взгляд был настойчивый, тяжелый, почти неприятный, и прошло некоторое время, прежде чем Пилигримы поняли, что мальчишка умер. Впервые в жизни Алан видел настолько незаметную смерть.

— Кто-нибудь что-нибудь понимает? — спросил Димитрий. — Я, например, ни черта не понимаю!

— Он бредил, — заключил Матиас.

— А почему его не тронули Твари? — буркнул Эмиль. Он всё еще держал голову мальчишки на коленях.

— Потому что он — Пилигрим! — озарило Алана. Он вспомнил их с Себом испытание у Черной границы. — Вылез из своего Оазиса, как я когда-то, помнишь, Эмиль?

— Не только ты, — сказал Эмиль. — Все мы так делали. Но зачем он шел так долго? И откуда столько ран?

Никаких соображений по этому поводу ни у кого не нашлось.

— Всё это очень странно, — сказал Эмиль. — Что ж, надо его похоронить. Потом мы продолжим путь.

Пока шел этот разговор, невесты сидели на лошадях неподалеку. Рене кусала губы, Кассия хмурилась. Остальные трое, чьих имён Алан не запомнил, перешептывались.

По команде Эмиля Димитрий и Матиас вернулись к невестам — контролировать ситуацию на случай появления Тварей или еще каких-нибудь незваных гостей. Из-за появления мальчишки Пилигримы на некоторое время позабыли о своих обязанностях. Эмиль, Алан и Тэн положили тело Сигурда в углубление и насыпали сверху камней. Тэн спел заунывную молитву, призывающую духов гор милостиво отнестись к душе усопшего.

Затем караван вновь построился, и путешествие возобновилось. Сюрпризов больше не последовало. Сделав короткую остановку на обед на каменистом склоне, путешественники перевалили через очередной гребень горы, и перед ними предстала живописная панорама обширного плато. Плато напомнило Алану картину из лоскутов ткани разного цвета, виденную где-то в Оазисах. Серо-коричневые пятна скал перемежались зелеными низинами, там и тут поблескивали горные ручьи, над ними дрожали крохотные радуги.

Зрелище было редкой красоты. Если бы не Оазис Хоу-Верден.

Он темнел посреди плато, будто почерневший струп на теле больного чумой человека. От него в блеклое небо поднимались клубы черного, жирного дыма. От домов мало что осталось, лишь руины. Пожар, который бушевал здесь недавно, уничтожил всё.

Димитрий громко и витиевато выругался. Невесты вскрикнули в один голос. Кто-то заплакал.

— А ведь Сигурд не соврал, — сказал Алан Эмилю.

— Я надеялся до последнего, что парень бредил, — мрачно отозвался тот. Он перешел на шепот. — Теперь у нас на руках пятеро неостребованных невест, а где-то поблизости бродит неведомый враг... Что будем делать, Алан?

Алан слегка опешил. Не ожидал, что Эмиль спросит, что делать. Обычно он сам решал, что делать в той или иной ситуации. Видимо, и этот бывалый Пилигрим растерялся.

Алан выпрямился в седле. Мозг лихорадочно заработал. Что же делать?

— Сначала нужно обследовать этот Оазис. Там могли выжить некоторые жители. Узнать от них, кто сжег Оазис. Потом действовать по ситуации. В любом случае, нам придется возвращаться до ближайшего Оазиса с невестами и выжившими, если они будут. Ближайший Оазис — Грейстоунхилл, так что придется Риззу Мердоку опять принять гостей...

Эмиль, не спуская глаз с дымившего Хоу Вердена, кивнул с удовлетворенным видом. Алан подумал, что их лидер вовсе не растерян, он проверяет Алана. И доволен результатами проверки.

— Ближайший Оазис — не Грейстоунхилл, Алан. За этим плато простирается равнина, и в ней таится Оазис Санти. Он всего в четырех днях пути.

— Мы пойдем туда? А если и он сожжен?

— Посмотрим. Эти... Рыцари Дебрей ушли не в сторону Грейстоунхилла, иначе мы бы их встретили. Другой дороги в горах нет. Вряд ли они умеют летать, в Дебрях механизмы не работают, кроме совсем примитивных... Значит, они должны были двинуться либо в Санти, либо еще дальше, в Зэн Секай.

— А если они остались и прячутся где-то здесь? — предположил Алан.

— Сомневаюсь. Судя по всему, пожар бушевал здесь много дней. Да и Сигурд был слишком истощенным, значит, сбежал из сожженного Оазиса не вчера. Они ушли, я уверен. Кем бы ни были эти чудовища...

— Эмиль, — прервал Матиас. — Ты ведь понимаешь, что это значит? Кто бы ни уничтожил этот Оазис, это, скорее всего, Пилигрим.

— Мы пока не знаем, — отрезал Эмиль. — Сначала мы должны выяснить всё, что только можно. Осмотрим Хоу-Верден... то, что осталось...

Путешественники переглянулись. У Алана возникло твердое убеждение, что никто из них не горит желанием посещать то, что осталось от Оазиса.

Полчаса спустя он понял, почему.

Первым разорванную границу увидел Тэн. Всадники стояли перед огромной, размером с котлован для многоэтажного здания, воронкой. Тонны земли были выброшены некоей могучей силой, они завалили ближайшее русло ручья, и вода уже проделала ход в рыхлой

глине и камнях. Справа и слева от воронки тянулась черная лента границы.

— И как это понимать? — спросил Дмитрий, ни к кому конкретно не обращаясь. В его голосе Алан уловил растерянность.

Никто не ответил. Эмиль молча объехал груды земли, когда-то лежавшую под границей, и двинулся в город. Остальные так же молча последовали за ним. Алан немного задержался, вглядываясь в земляной вал. Странно, что в ней нигде не было заметно обломков взорванной границы. Алану было любопытно, какой она толщины, и также он хотел бы разжиться парой-тройкой кусочков... Уж очень они эффективны против Тварей.

Ближе к пепелищу чистый горный воздух пропитался гарью. К гари подмешивался тошнотворный запах разложения мертвой плоти.

Черные, покрытые сероватым налетом с металлическим блеском тела встречались на каждом шагу — поодиночке и целыми группами. Алан с ужасом смотрел на них и с жутковатой отчетливостью представлял, как они бежали от ревущего пламени, толкались, как матери выгалкивали вперед детей, но тщетно... Они падали, корчились и умирали, как муравьи от лесного пожара...

До Алана в полной мере дошел масштаб трагедии. Хоу Верден превратился из “культурного” Оазиса в одну колоссальную могилу.

Пилигримы хранили молчание, невесты дрожали и всхлипывали. Они прощались с планами обрести здесь будущее.

— Какая сволочь это сделала? — вдруг взревел Димитрий, заставив вздрогнуть даже невозмутимого Тэна.

Будто в ответ груды пепла по левую руку взорвались фонтаном камней и золы. Тварь извернулась, вывинчиваясь из земли, от визга тишина разбилась на миллионы осколков.

Кони, дуреющие от отвратительных ароматов, не выдержали и шарахнулись в сторону. Некоторые невесты с воплями чуть не вывалились из седел.

Алан удержался, пригнувшись к холке Вихря и натягивая поводья. Он очутился ближе других к Твари. Прозрачный клинок вылетел из ножен. Вихрь, явно стараясь реабилитироваться после мимолетного испуга, скакнул вперед, едва Алан коснулся сапогами его боков. Алан рубанул со всей силы.

От раны на сегменте тела Твари повалил дым. Монстр Дебрей, забредший в Оазис, стремительно скользнул прочь, точно гигантская змея, оставляя за собой извилистый след, продавленный в пепле.

С четверть часа люди приходили в себя. Пилигримы окружили невест, на случай появления других Тварей. Невесты, хлюпая носами, усаживались на лошадей, то и дело озираясь. Алан заметил на лице Кассии слезы. Неужели она плакала?

Что ж, ничего удивительного... Тысячи сожженных заживо людей кого угодно введут в истерику...

— Да, — протянул Матиас. Несмотря на холод, его черное лицо блестело от пота. — Парень не бредил, это точно.

— Сигурд сказал правду, — подхватил Алан. Сердце после короткой схватки по-прежнему билось в грудной клетке быстрее и громче обычного. — Эти Рыцари Дебрей повелевают Тварями!

Ему не терпелось сразиться с неведомыми врагами. Неизвестно было, правда, что делать с невестами, но Эмиль что-нибудь придумает.

— Не факт, — возразил Эмиль. — Они взорвали Черную границу, и Твари ринулись

осваивать новое пространство. Наверняка они добились тех, кто выжил после пожара... Кем бы ни были эти Рыцари, я мечтаю лично перерезать глотки каждому!

Близился вечер, небо налилось густой синевой, и кое-где появились звезды. Узкий серп луны висел над скалой на юго-западе.

— Как поступим, Эмиль? — спросил Димитрий. — Не тянет мне здесь ночевать... Да и вообще, хочу поскорее убраться с этих проклятых гор!

Алан насторожился. Что решит Эмиль?

— Я хотел бы услышать мнение невест, — ответил тот. — Если большинство из вас решит вернуться домой, мы вас проведем. Если большинство пожелает пойти в Санти, мы и тут будем с вами. Санти тоже может быть разрушен. Но он находится в четырех днях пути отсюда, и если мы увидим, что Рыцари добрались до него, мы повернем назад.

— Что это за место, Санти? — отрывисто спросила Рене. Ее глаза покраснели, а руки, державшие поводья, дрожали.

— Оазис, где люди научились управлять своими телами в такой степени, что диву даешься... Они очень спокойны и умеют врачевать души...

Рене повернулась к подругам. Невесты зашептались. Через несколько минут Рене обратилась к Эмилю.

— Мы очень хотим вернуться домой, к нашим родным. Однако если мы вернемся в родной Оазис, нас посчитают...

— Неудачницами, — подсказала кудрявая невеста.

— Да, спасибо, Мария. Именно так. Я прямо слышу, как перешептываются некоторые соседушки... Тем более, мы приучили себя к мысли, что скоро выйдем замуж и будем жить в новом Оазисе. Кажется, сейчас самое время пожить с людьми, которые могут врачевать души. Это как раз то, что нам нужно... Возможно, там мы найдем своё счастье.

Невесты закивали.

Кроме Кассии. Она равнодушно смотрела на остатки приусадебного сада, в котором валялись обломки странного сооружения, похожего на лодку с двумя парами коротких крыльев. Алан вспомнил, что, по словам Рене, в Хоу-Вердене летали на воздушных машинах. Не это ли одна из тех машин? И спросить некого...

И что же на уме у Кассии?

— Значит, решено, — подытожил Эмиль. — Едем в Санти!

Глава 4. Рыцарь Дебрей

По единогласному решению Пилигримов и невест караван заночевал в неглубокой лощине в пяти километрах к северо-востоку от сожженного Оазиса. Никого не привлекала идея разбивать лагерь ближе. Из лощины Хоу Вердена видно не было, но по небу всё ещё ползли черные клубы дыма. Ужин прошел в тягостном молчании, и лишь когда ночная тьма накрыла лагерь звездным куполом, Алана прорвало.

— Их надо покарать! — заявил он, дождавшись, когда невесты уйдут в шатер.

— Кого? — спросил Эмиль.

Он сидел вдали от костра, отсветы пламени играли на его одежде и позолоченной гарде, лицо же скрывалось во тьме.

Алана покоробил вопрос. Что значит — кого? Как будто неясно, о ком речь!

— Этих... Рыцарей!

— А ты знаешь, кто это, Алан? Или знаешь, где они?

— Нет... Но их можно поискать!

— В Дебрях? — Эмиль покачал головой и издал короткий смешок.

Наступило молчание. Тэн выстрегивал что-то из ветки кривым ножом, Димитрий кряхтел, поудобнее устраиваясь возле огня, Матиас лежал на спине, вперив взгляд в небо.

Алан засопел. Разумеется, он понимает, что искать неведомых Рыцарей в безграничных Дебрях — дело сложное... Если не сказать, невозможное... Но попытаться-то хотя бы можно? Нельзя оставлять чудовищное злодейство просто так! И почему Эмиль так равнодушен?

— Нужно подумать, — сказал Алан твердо. — И попробовать... Они убили тысячи людей, значит, могут убивать еще...

— В том-то и дело, мальчик, — влез в разговор Димитрий. — Они могут убивать. Поэтому я сегодня вряд ли засну спокойно. Зная, что в Дебрях есть не только Твари, но и монстры похлеще!

— И у них есть оружие, — добавил Матиас, не меняя позы. — Как минимум взрывчатка. Ведь как-то они разворотили Черную границу! Что мы можем им противопоставить? Лук и стрелы? Шпаги?

Пока Алан, весь пылая, думал, чем ответить на эти аргументы, Эмиль произнес:

— Самое плохое в этой ситуации то, что Рыцари — это Пилигримы. Они пришли в Хоу-Верден по Дебрям. Они не боятся Тварей. Тот мальчишка говорил, что у них нет лиц... Я еще тогда подумал, что на них, должно быть, маски... Они могут прийти к нам как друзья, и мы не заподозрим в них Рыцарей...

— Да черта с два они подойдут к нам как друзья! — зарычал Димитрий. — Я воткну свой клинок в каждого, кто появится в ночи!

— Если это тот самый клинок, — ухмыльнулся Матиас, — что ты обнажаешь в борделях, то на месте Рыцарей я бы обошел это место за сотню километров!

Димитрий заржал, а Тэн сказал:

— Эмиль, надо дежурить по два! Никого не пускать!

— Хм, — проговорил Матиас. — А если они враждебны только к Оседлым? Или у них счеты конкретно с Хоу Верденом? Если они не станут на нас нападать? Мы так и будем шарахаться от каждого Пилигрима? Что-то мне такая перспектива не по нутру.

— Они сожгли целый Оазис! — рявкнул Алан с испугавшими его самого интонациями. — Они безумцы! Ты смог бы преломить хлеб с ними?

Матиас сел. Красные всполохи костра высветили эбеновое лицо.

— Ты прав. Кем бы они ни были, они — сумасшедшие, и дружить с ними не стоит. К тому же с нами невесты. Они-то Оседлые.

Эмиль поднялся на ноги и велел:

— Дежури́м по двое. Оружие держим под рукой. Будьте готовы ко всему. Сначала будем дежурить я и Тэн. Потом Димитрий и Матиас. Потом Алан и я. Мне в любом случае плохо спится под утро... Старость...

Алан, Матиас и Димитрий поплелись в шатер. Алан был недоволен результатами разговора, но спорить больше не тянуло. Слишком многое им пришлось пережить сегодня.

— На старость жаловаться стал, — пробормотал Димитрий, заворачиваясь в спальный мешок. — Мне бы такую энергию в его возрасте...

— Дело не в этом, Димитрий, — мягко сказал Матиас. — Просто наш лидер тоже растерян...

Алан думал, что не заснет, однако горный воздух и молодой организм вкупе с усталостью взяли своё. Он провалился в сон, не донеся головы до седла, которое Пилигримы использовали в качестве подушки.

В следующее мгновение, как ему показалось, кто-то потряс его за плечо. В темноте шатра разглядеть что-либо было сложно.

— Это я, — раздался голос Эмиля. — Третья смена подошла.

Отчаянно зевая, Алан выбрался из шатра. Холод набросился на него, изгоняя остатки сна. Алан закутался в плащ.

Светили звезды, горный хребет на юго-востоке уже отчетливо выделялся на фоне посветлевшего неба.

— Принеси-ка хворост, Алан. Эти двое весельчаков сожги весь запас, а новый принести не удосужились. Погреемся немного перед восходом. Только не отходи далеко.

Алан собрал хворост и принес к костру. Работа согрела его, кровь побежала по жилам живее, изо рта вылетал пар и растворялся в прозрачном воздухе. В мире разливалась благословенная тишина. Трудно вообразить, что где-то бродят неведомые и необъяснимо жестокие Рыцари Дебрей.

Вскоре затрещал огонь, и сразу стало веселее.

Пилигримы уселись рядом перед костром. Некоторое время оба молчали, грея руки у огня.

— Знаешь, Алан, — заговорил Эмиль, — иногда смерть приходит слишком неожиданно. Когда ты не готов... И ты понимаешь, что многого не сделал, что многого не успел. Да и не ценил время и саму жизнь... Вчера мы увидели очень много смертей, и я снова задумался: правильно ли живу? Ценю ли отпущенное мне время?

— Ну, наверное, ценишь, — пробормотал Алан. Он не ожидал подобной сентиментальности от Эмиля.

Тот усмехнулся.

— Уже почти тридцать лет я брожу по Дебрям и нигде не нахожу покоя... Ни один

Оазис не стал мне домом...

— Дом Пилигрима — весь мир, — осторожно напомнил Алан.

— Да... А когда-то у меня была семья и был сын.

Алан подскочил на месте. Он ушам своим не верил.

— Что?!!

— Именно так. Я серьезно подумывал завязать с жизнью Пилигрима и осесть. Тот Оазис называется Индренис, что значит “Радуга”. И люди, населяющие его, были удивительными, яркими, как радуга. И Уджвала была самой удивительной и самой яркой. Она умела изгонять дурные мысли, и мне рядом с ней всегда было хорошо. Если бы она не умерла при родах, я бы не сидел тут, возле костра, в диких горах!

— А что сын? — спросил Алан.

— Когда Уджвала умерла, я долго горевал, но благодаря сыну сумел сохранить здравый смысл и самое рассудок... Я, смею надеяться, был хорошим отцом для моего Бато. У меня была возможность жениться снова, но Урджвалу заменить никто не мог. Я растил Бато одиннадцать лет, а потом он впервые спросил, как стать Пилигримом.

Эмиль замолчал, грея руки и глядя на танцующий огонь. Алан подождал для приличия несколько минут, затем спросил:

— И что было дальше?

Он уже чувствовал, что рассказ завершится чем-то трагичным, и, тем не менее, хотел, чтобы Эмиль закончил его. Не случайно он завел этот разговор. После пережитого вчера ему понадобилось выговориться. Так пусть выговорится.

— Видишь ли, Алан, когда Урджвала была со мной, я не жалел о том, что пришлось променять весь мир на один Оазис. С ней вместе я был готов жить даже в тесной клетке... Но она умерла, и я стал думать иначе. Я мечтал бродить по Дебрям вместе с сыном, научить его противостоять Тварям, перевозить товары и невест... Я мечтал показать ему тысячи других Оазисов.

— А твой сын оказался Оседлым? — осенило Алана.

Эмиль оторвался от лицезрения огня и посмотрел на Алана. Губы его дрожали. Алану было неудобно: он никогда прежде не видел Эмиля в таком состоянии.

— Да, он оказался Оседлым, — подтвердил Эмиль. — Я и подумать не мог, что он не Пилигрим. Мы вдвоем перешли Черную границу. Всё было хорошо. Я был уверен, что мой сын — Пилигрим, и расслабился... Тварь появилась неожиданно, я успел ее прогнать, но эманация сделала своё дело.

Эмиль поковырял сучком в огне. Языки пламени взметнулись в светлеющее небо. Главный Пилигрим больше не выглядел убитым горем; кажется, он собрался с силами.

Алан сидел неподвижно. Вот оно что. Сын Эмиля погиб из-за того, что отец расслабился, будучи уверенным, что Бато — не Оседлый.

— После похорон Бато я ни секунды не задержался в Индренис. Видеть его не хотел! Очень много воспоминаний.

— Понимаю, — сказал Алан, хотя плохо представлял, что должен ощущать человек, потерявший любимых жену и сына.

Внезапно Эмиль улыбнулся. Улыбка получилась печальной, но очень доброй.

— Зато я встретил тебя, Алан.

Алан уткнулся взглядом в землю, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Вот этого не надо, Эмиль! Не надо говорить, что он заменил ему сына и всё такое...

К счастью, Эмиль впал в сентиментальность не настолько, чтобы говорить эти слова. Алан незаметно перевел дух. Да, Эмиль в каком-то смысле заменил ему отца, а Алан, соответственно, для Эмиля — замена сына... За годы путешествий между ними установились столь крепкие дружеские отношения, что их впору назвать родственными. Но некоторые вещи лучше не озвучивать, иначе магия исчезнет.

Пусть они просто будут...

Переход до Санти занял три с половиной дня, а вымотал на все десять. Пилигримы постоянно были настороже, спали урывками, не расставались с оружием. Невесты пребывали в подавленном состоянии. Еще бы: культура Санти весьма отличалась от культуры Грейстоунхилла или Хоу-Вердена. Кажется, Санти не был “цивилизованным” Оазисом в понимании жителей Грейстоунхилла. Рене вправе была подозревать, что в нем не водилось летающих машин, — да что там летающих машин, обыкновенных карет на паровой тяге, скорее всего, не водилось...

На третий день пути от Хоу Вердена караван покинул негостеприимные горы, не встретив ни таинственных Рыцарей, ни простых Пилигримов. Северо-восточные отроги гор утопали в буйной зелени обширной долины, которую прорезала полноводная река.

Над сплошным зеленым ковром солнечного леса вдали, в дрожащей дымке, сияли неземным светом золоченые купола и башни.

— Как красиво! — вскричала Клэр, смуглая и бойкая невеста.

Алан заметил, что невесты оживились. Действительно, есть причина для радости, ведь невежественная культура не построит роскошные здания!

Эмиль велел сделать короткий привал. Уставшие от горных троп кони щипали сочную траву, отгоняя хвостами слепней. Люди постелили на траву плащи и улеглись.

— До последнего боялся, что увидим эти купола сгоревшими дотла, — заявил Димитрий.

Алан, которого глодал тот же страх, вздрогнул. Воображение рисовало черный жирный дым, руины и пепельно-серые тела, рассыпающиеся от одного прикосновения...

— Слава богам, всё обошлось, — проворчал Матиас, прикрывая глаза от солнца.

Эмиль промолчал. Тэн затянул песню на родном языке; судя по не всегда рифмованным и ритмичным строкам, эту песню он сочинял на ходу. Наверное, пел обо всем, что попадалось на глаза.

В теплом воздухе порхали разноцветные бабочки. Клэр и Мария не удержались: вскочили, чтобы поймать парочку.

— Я бы на вашем месте не отбегала далеко, — подала голос Кассия. — Мы еще не в безопасности... — и добавила тише: — И вряд ли уже когда-нибудь будем...

Алан придвинулся к ней.

— Почему?

— Ты что, забыл Хоу-Верден? Пока сумасшедшие Рыцари Дебрей бродят на воле, нигде не безопасно.

— Они не всегда будут бродить на воле, — прошептал Алан, косясь на Эмиля. Никто из Пилигримов не обращал внимания на их разговор. Клэр и Мария перестали бегать, как дети, но настроение у них явно поднялось.

— Почему ты так говоришь, Алан? — спросила Кассия.

Она впервые назвала Алана по имени, которое в ее устах прозвучало музыкой. Алан на

мгновение забыл, что хотел сказать, в то время как Кассия, не подозревая, какое действие оказала на собеседника, спокойно ждала ответа.

— Мы их найдем, — наконец собрался с мыслями Алан. — И покараем.

Кассия кивнула, словно ожидала именно этот ответ.

— Думаю, это правильно. Но ваш главарь, кажется, против возмездия. И остальные не в восторге.

Алан скривился. Его до сих пор коробило при воспоминании о том разговоре.

— Они слишком... практичные, что ли, — выдавил он, не желая отзывать о товарищах плохо. — Они не геройствуют, делают только то, что...

— ...выгодно, — докончила Кассия. — Это общая черта Пилигримов, я заметила. Вы чересчур расчетливые. И неудивительно, вы же просто торговцы.

— Мы не просто торговцы! — вырвалось у Алана. Он прикусил язык, но поздно. Тварь бы побрала уязвленное самолюбие!

Кассия улыбнулась. От нее не укрылся его мальчишеский запал. Впрочем, она тут же стерла улыбку с лица.

— Возможно, не все Пилигримы такие сухари, — произнесла она. — Я ведь слышала ваш разговор тогда, возле Хоу Вердена... Ты единственный из всех горишь желанием покарать Рыцарей.

— Поверь, Кассия, они все хотят отомстить... Но еще они понимают, как это трудно. И вообще, Матиас говорит, что месть, любая, это путь потерь.

— А кто говорит о мести? Если вы уничтожите Рыцарей, это будет восстановлением справедливости и равновесия. К тому же, присутствие опасного врага помешает вашей торговле, разве это не понятно практичным Пилигримам?

Алан почесал затылок, потом — эспаньолку. Юная невеста говорила резонные вещи. Надо бы их высказать перед остальными Пилигримами.

— Ты очень умная, — наконец изрек Алан.

Кассия снова продемонстрировала тонкую улыбку.

— Спасибо, Алан.

Алан вернулся на место, подальше от Кассии с ее колдовской улыбкой и сине-зелеными глазами. Если она в третий раз назовет его по имени, он сойдет с ума... Надо бы выкинуть эту дурь из головы, она невеста, а, следовательно, принадлежит другому.

Похоже, в Санти и знать не знали о жуткой судьбе соседнего Оазиса. Украшенные диковинными барельефами ворота высотой метров пятнадцать, если не больше, распахнулись при приближении каравана. Стражники на стенах, смуглые, большеглазые и большеносые молодые люди в шлемах и сверкающих доспехах, качнули копьями в знак приветствия.

Насколько понял Алан, ворота построены исключительно для красоты, поскольку городская стена тянулись всего лишь метров на сто вправо и влево. Дальше виднелись окраинные дома в окружении садов.

Оазис поражал роскошью и великолепием. На его улицах не было ни паровых карет, ни обычных конных экипажей, зато здесь вышагивали величественным шагом слоны, на которых крепились целые беседки с пассажирами. Люд победнее предпочитал передвигаться на своих двоих или на телегах, что тащили ослы или круторогие волы. Дома в

центре города представляли собой архитектурные чудеса, настоящие дворцы. На каждом шагу журчали фонтаны.

Жители Санти, особенно мужчины, произвели на невест впечатление. Смуглые, гораздо темнее обитателей Грейстоунхилла, но светлее Матиаса, высокие, стройные, с гордыми лицами, в необычных одеждах, они не таращились на пришельцев, что уже говорило об уровне культуры. Женщины также отличались своеобразной, знойной красотой; на них были надеты туники из одного длинного куска ткани, завернутого сложным образом, лица украшались пурпурными точками на лбу и драгоценными украшениями в крыльях носа. Многочисленные браслеты на руках и ногах звенели при малейшем движении.

Димитрий громко цокал языком и вполголоса рассуждал, сколько ему понадобится времени, чтобы сдернуть с женщины Санти ее одежду. По его вычислениям выходило, что немного.

Караван встретила делегация, возглавляемая пожилым господином с пышной седой бородой и закрученными вверх усами, в белом тюрбане, длинном халате и с массивной золотой цепью на шее. Позади господина стояли четверо людей помоложе.

— Приветствую в Санти, благословенном и умиротворенном Оазисе, уважаемые странники! — пропел низким сильным голосом усатый господин, делая изящные жесты. — Пилигримы и их спутники всегда желанные гости! Меня зовут Лагху Салахакара Пракаш Махендра.

— Приветствую вас... хм... Лагху... э-э, — запнулся Эмиль.

Господин умильно улыбнулся и поклонился.

— Лагху Салахакара — всего лишь жалкий титул, коим я позволяю иногда блеснуть, уважаемые Пилигримы. Зовите меня просто Пракаш.

— Хорошо, уважаемый Пракаш, — с облегчением произнес Эмиль. Он представил остальных Пилигримов. — А это невесты, мы сопровождали их из Грейстоунхилла в Хоу-Верден... Рене, Миранда, Кассия, Клэр и Мария.

Пракаш поклонился девушкам, причем сопровождавшая поклон изысканная жестикуляция немного отличалась от той, которую он адресовал мужчинам.

— Прошу следовать за мной, уважаемые гости...

— Надеюсь, нас не заставят лезть на слонов, а, Тэн? — пробурчал Димитрий. Тэн хихикнул фальцетом и с опаской посмотрел на исполинское животное.

— А я бы с удовольствием покатался, — сообщил Алан.

— Ну и дурак! С этой животины упадешь — мозги из черепа выскочат!

— Это ты по своему опыту знаешь? — фыркнул Алан.

Димитрий замахнулся, чтобы дать Алану подзатыльник, но тот увернулся. Матиас захохотал.

К ужасу Димитрия и на радость Алану уважаемый Лагху Салахакара Пракаш Махендра предложил гостям воспользоваться именно таким транспортом. Эмиль вежливо отказался, сказав, что они предпочитают передвигаться на конях. Если есть желающие, добавил он, пусть не стесняются. Алан и Тэн изъявили согласие покатаваться на мощных животных.

Процессия выстроилась следующим образом: впереди слон с Пракашем и тремя его спутниками, за ними слон с восторженными Аланом и Тэном и четвертым спутником Пракаша, который управлял слоном; за ними трое Пилигримов и пятеро невест на лошадях.

Очень скоро Алан сообразил, что катание на слоне — занятие не из комфортных. Беседка, в которой они восседали, поджав ноги, качалась из стороны в сторону, грозя и вовсе

опрокинуться. Алан с Тэном ухватились за специальные рукоятки с внутренней стороны беседки, но страх от чувства, что они вот-вот рухнут на землю с высоты трех метров, не убавился.

Пракаш провел гостей по широкой улице, осененной пальмами и кудрявыми кустами. Тэн то и дело охал от местных красот. На тротуарах сидели бородатые мужчины разного возраста, сложив ноги в хитрую фигуру, держа спины прямо и прикрыв глаза. Лица их были раскрашены разноцветными красками. Женщины носили на голове корзины ужасающих размеров. Алан подумал, что попробуй он взвалить такую здоровенную штуку на голову, его шея мигом бы треснула.

У одного из дворцов процессия остановилась. Алан и Тэн с явным облегчением слезли с серого великана, помахивающего хоботом. Здесь помощники Пракаша занялись лошадьми, а гостей Малый Советник лично препроводил пред ясные очи Большого Советника.

Большой советник и вправду оказался больше малого во всех отношениях. Седая кудрявая борода достигала у него середины огромного живота, тюрбан был больше раза в два, да и к тому же украшен сапфиром, щеки и усы тоже были впечатляющих размеров.

— Я — Махана Салахакара Нараян Прабху, — представился большой господин. — Я Большой Советник Его величества Раджи Двадцать Первого.

— Это заметно, — пробурчал Димитрий. Тэн хихикнул, а Эмиль ожег обоих сердитым взглядом.

Пракаш представил гостей по именам, ни разу не сбившись. Память у него была исключительная. Или он успел записать, когда Эмиль представлял членов каравана?

— Мы очень редко принимали невест из Грейстоунхилла, — покачивая головой, проговорил Большой Советник. — Всё чаще из Зэн-Секай.

— Мы шли в Хоу Верден, — пояснил Эмиль. — У нас была договоренность. Но этот Оазис уничтожен.

Большой Советник вздрогнул, и его щеки всколыхнулись.

— Уничтожен? Как это?

Эмиль оглянулся на товарищей. Потом снова повернулся к толстяку и в общих чертах описал события последних дней.

— Это... это ужасно! — сказал Нараян Прабху. — Такого никогда не бывало прежде! Я должен известить Его величество!

Пракаш кашлянул и поклонился Большому Советнику.

— Прошу простить, уважаемый Махана Салахакара! Но что это даст? Мы беззащитны перед теми, кто не страшится Тварей Дебрей!

— Мы велим закрыть Золотые Врата и не пустим никого в Санти!

Алан переглянулся с Матиасом. Оба подавили улыбки. Мозги этого толстого старика, похоже, совсем заплыли жиром. Какой резон запирасть ворота, когда нет забора?

На минуту установилась неловкая тишина.

— В течение последних... двух недель, — заговорил Эмиль, — у вас были гости?

— Нет, — после паузы ответил Нараян. — Вы первые.

— Что ж, — сказал Эмиль. — Значит, Рыцари Дебрей не держат зла к Санти.

— Вот и прекрасно! — оживился Большой Советник. Он даже сделал движение, будто хочет встать с обширного кресла, но не встал. Алан подозревал, что он разучился ходить. — Санти не имеет врагов, это Оазис умиротворения и покоя. Уважаемый Пракаш Махендра, поместите гостей в Дом Лотоса, чтобы они не в чем не знали отказа.

Он махнул шелковым платочком, указывая на то, что аудиенция завершена.

— Простите, — сказал Эмиль. — А когда вы намерены устроить Праздник Сватовства? У нас мало времени, а невесты отказались от возвращения домой ради возможности создать семью в новом Оазисе...

Пракаш снова кашлянул.

Толстяк пристально поглядел заплывшими глазками сначала на Эмиля, потом поочередно на каждую из невест.

— Боюсь, что Праздника Сватовства не будет. У нас в Санти свои законы на сей счет. Тем не менее, мы не задержим уважаемых Пилигримов дольше, чем нужно. Мы заплатим вам за невест и предоставим своих невест для Зэн Секай. Если вы согласны выполнить эту работу.

— Но как вы намерены поступить с нашими невестами? — удивился Эмиль. — Когда я был здесь в последний раз, Праздники Сватовства проводились...

— Должно быть, это было давно, уважаемый Эмиль Ламар. Ибо ныне по указу Его величества и поддержке Его Советников женихов назначает Махана Салахакара, то есть я. Но не думайте, что я обижу уважаемых невест. Мой младший сын Аравинда достиг возраста мужчины и готов взять невест под свой кров. А он — достойный человек в Санти.

Среди невест пробежал шепоток. Рене, не удержавшись, вскричала:

— Один жених на всех? Что за дикость!

Советник поджал губы.

— В наших краях женщине не пристало открывать рот в присутствии мужчин, если ее не спрашивают! — чеканя слова, сказал он. — Если вы решили обрести здесь судьбу, вы должны соблюдать правила приличия!

Шепот перешел в возмущенные возгласы. Алан их понимал. Каково это, быть женами одного человека? А каково иметь сразу пять жен? Сплошная головная боль, наверное. Хотя — пять жен!..

— Подождите! — оборвал невест Эмиль. — Еще ничего не решено. Мы должны подумать, уважаемый Большой Советник.

Тот благосклонно кивнул. Аудиенция закончилась.

— Это полная чушь! — выкрикивала Рене через полчаса. — Это недопустимо! Подумать только! Я собиралась выйти замуж, а не запереть себя в гареме!

— И зачем только мы решили не возвращаться домой! — со слезами на глазах вскричала Мария. Ей вторила Миранда:

— За что нам эти наказания?!.

Клэр молча плакала. От хорошего настроения этим утром не осталось и следа. Кассия смотрела на поверхность воды в бассейне, выпятив челюсть.

Пилигримов и невест разместили в Доме Лотоса — просторном восьмиугольном здании с открытым двориком посередине — атриумом. Во дворе стояли мягкие стулья и лежанки, в кадках росли карликовые деревья и цветы, а в центре двора находился круглый бассейн с небольшим фонтанчиком. В бассейне купаться было нельзя: в нем росли кувшинки и лотос и плавали красивые рыбки с пышными плавниками.

Едва Пракаш, что привел их сюда, удалился, гости собрались во дворе для обсуждения возникшей проблемы.

— И что? — прогудел Димитрий. — Никто не хочет замуж за богатенького сынка? Не

думаю, что вам придется слишком уж туго в этом богатом Оазисе...

Рене посмотрела на него с ненавистью.

— Дело не в богатстве!..

— В каждом Оазисе свои законы, — пожал плечами Димитрий.

— Странно, — вступил в разговор Эмиль. — В прошлый раз они праздновали Сватовство, всё было как обычно... Не мог Его величество изменить этот обычай...

— Значит, этому Величеству ударила дурь в голову! — пискнула Клэр и шмыгнула носом. — Или маразм!

— М-да, — согласился Эмиль. — Царь уже тогда был в годах. Сейчас, наверное, совсем старик.

— А этого жирдяя раньше не было? — поинтересовался Матиас. — Я о перекормленном советнике.

— Не было. Не припомню... Итак, друзья, ваши предложения. Что вы об этом думаете?

— Если никто из невест не желает оставаться здесь, мы должны вернуть их домой, — сказал Алан, так как высказываться его спутники не спешили.

— Согласен, — подумав, сказал Матиас. — Хоть и придется отказаться от работы перевезти невест Санти в Зэн Секай.

— Хм, — проговорил Димитрий, — у меня вообще-то свое мнение... Круто, наверное, иметь гарем... Но если все жены будут постоянно лить слезы и проклинать тебя, то радости от такого гарема маловато. Я с вами, друзья!

— Спасибо, — внезапно сказала ему Рене.

Димитрий покраснел. Не ожидал, а может быть, и не привык к простой, искренней благодарности.

— А ты, Тэн, что молчишь? — спросил Эмиль.

Тот дернул себя за косичку. Его круглое лицо растянулось в хитрой улыбке.

— В мой Оазис богатый человек иметь много жен. Это почетно. Женщины драться, кто быть жена богатый человек. Я не совсем понимаю, чего они плакать? Я — сын пятой жена моего отца. У меня много братьев и сестер, мы все дружить, очень весело!

— Понятно, Тэн, — сказал Эмиль. — Итак, невестушки, кто согласен жить в Санти?

Девушки переглядывались, смущенные рассказом Тэна. Видимо, увидели ситуацию с другой стороны.

— Мы все хотим верну... — начала Рене, но Кассия перебила ее:

— Нам нельзя возвращаться домой. Это дурная примета. Мы уже покинули дом, попрощались с родными, сожгли все мосты...

— Ты хочешь быть в гареме? — ахнула Мария.

— Нет. Не хочу, — Кассия опустила голову. — Но и домой не хочу.

— Еще бы! — сказала Клэр. Рене толкнула ее локтем в бок, и Клэр умолкла.

Алан насторожился. Что там за секрет у Кассии? Надо выяснить.

— Ладно, — сказал Эмиль устало. — Дорога была тяжелая. Отдохнем, друзья. А завтра подумаем на свежую голову.

После вегетарианского ужина из овощей, фруктов и риса Алан ушел в приготовленную для него комнату и повалился на низкую кровать. Думал, проспит часов десять кряду. Не повезло: глубокой ночью кто-то потряс его за плечо. Алану почудилось, что он лежит в шатре где-то в Дебрях, а Эмиль будит его на дежурство.

— Что, уже моя смена? — пробормотал он.

— Т-сс, — зашипели рядом. — Это я, Эмиль. Мы в Санти, вспоминаешь? Просыпайся и иди за мной.

— Зачем? — прошептал Алан, с трудом соображая. Сел на кровати. Вокруг царила темнота. — Что стряслось-то?

— Ко мне пришел Пракаш, зовет во двор, переговорить. Старый хитрец что-то желает нам открыть. Я уговорил его позвать и тебя. Он с трудом согласился на одного спутника.

— А почему ты выбрал меня?

— Потому что... — Эмиль запнулся. — Я вижу тебя своим преемником.

До Алана не сразу дошел смысл сказанного.

— Эмиль, ты собираешься осесть? Бросить нас?

— Когда-нибудь придет пора выходить на пенсию. Я старею и скоро стану обузой...

— Чепуха! Никакой ты еще не старый. — Алану вспомнились слова Матиаса в шатре. — Это ты из-за Хоу-Вердена не в себе последние дни...

— Ладно, потом поговорим, — заторопился Эмиль. — Поспешу, пока Пракаш не струсил окончательно и не передумал раскрывать нам свои секреты.

Алан вскочил и быстро оделся. Вместе с Эмилем они спустились во дворик.

Ночь была благоуханна и тепла, звезды висели в бархатном небе совсем низко. Вероятно, в просторной долине у подножия гор, где располагался Санти, установился своеобразный мягкий климат.

Свет от горелок на улицах с трудом проникал во внутренний двор, и Алан не сразу разглядел среди теней фигуру Пракаша.

— Кто это с тобой, уважаемый Эмиль Ламар?

— Мой ученик и доверенный друг. Он мне почти как сын.

Алан порадовался, что темно. Всё-таки Эмиль это сказал!

— Что ж... — Пракаш запыхтел. — Я подвергаю себя большой опасности... Надеюсь, вы не выдадите меня... Наш Махана Салахакара Нараян Прабху затеял темное дело... Он договорился с пришельцами...

— Какими пришельцами? — резко спросил Эмиль.

— Они пришли в Санти за неделю до вашего появления. Их было пятеро, как в обычных караванах Пилигримов. Но с ними не было невест. И их лица были скрыты черными масками...

— Рыцари Дебрей! — вырвалось у Алана.

Эмиль схватил его за плечо: мол, помолчи.

— Стражники не пустили их, но их главный потребовал, чтобы им позволили поговорить с Нараяном Прабху. Они заперлись в кабинете, и... я не смог выяснить, о чем шла речь. Нараян не посвятил меня в суть дела. И Его величество также в неведении... Однако я заметил, что исчезло много слуг из дворца, человек двадцать. Я не видел их с того дня, как приехали безликие пришельцы...

— Где они сейчас? — прошипел Алан. — Эти безликие?

Его пальцы сами собой потянулись к шпаге, которую он не забыл прихватить.

— Мне это неизвестно, юный Пилигрим, — ответил Пракаш. — Только Нараян знает.

— Почему ты решил нам это рассказать? — осведомился Эмиль. — И что ты ждешь от нас?

— Я не собирался вам этого рассказывать, клянусь Слоноликим. Но когда я услышал о

гибели целого Оазиса, меня продрал холодок ужаса... Лишь Индре ведомо, где сейчас те несчастные сыны Санти, что ушли с Безликими, и что станет с нашим миром, пока рядом враги. Вы должны их остановить!

Он поклонился Пилигримам, делая элегантные жесты. Теперь Алан более-менее привык к полумраку и различал детали.

— Что мы можем поделать, если даже не знаем, кто наши враги и где они? — сказал Эмиль.

Пракаш задумался.

— Если и есть место, где Нараян надумал бы спрятать темных союзников, то это...

Тишину ночи пронзил приглушенный свист и удар. Пракаш выгнулся дугой, затем медленно повалился наземь без единого звука. Из груди его торчала какая-то темная пика, по белому халату расплывалось пятно крови.

— Алан, прячься!

Рефлексы сработали раньше окрика Эмиля и команды сознания. Алан метнулся за бордюр вокруг бассейна. Сердце заколотилось как бешеное, мысли рассыпались на миллион кусков. Тот, кто метнул пику, в него сейчас не попадет, но если враги окружили дворик, им крышка.

— Он больше ничего не скажет, жалкий предатель, — произнес голос, казалось, с небес. Голос был глубоким, сильным, низким.

Алан осторожно высунул голову из-за бордюра. Где этот дьявол? Неужели он один?

А, вот он! На фоне звездного неба на крыше сгустилось пятно мрака. Оно шевельнулось и выпрямилось во весь рост. Рослый человек, широкоплечий, подробностей не разглядеть.

Надо же, он не боится стрелы! Или знает, что у Пилигримов нет с собой лука и стрел? И как, во имя богов, создавших мир Оазисов, он видит их в темноте внутреннего двора?

— Выходите, Пилигримы, — спокойно сказал человек-тень. — Не прячьтесь, ибо нельзя спрятаться во тьме от того, кто порожден тьмой.

— Алан, сиди тихо! — окрикнул Эмиль. Словно решил, что Алан подчиниться магнетической силе спокойного, глубокого голоса. — Кто ты такой? Это ты сжег Хоу Верден?

— Хоу Верден... — задумчиво повторил человек на крыше. — Никчемный Оазис, он сам выбрал смерть...

Алан почувствовал, что не в силах больше сдерживаться. Плохо понимая, что делает, он вскочил на ноги; шпага вылетела из ножен с тягучим звоном, будто обрадовавшись предстоящей схватке.

— Алан!

Не обращая внимания на Эмиля, Алан размахнулся, намереваясь швырнуть шпагу во врага. Когда-то он потратил немало часов, тренируясь в метании ножей. Шпага — не нож, но Алан не сомневался, что попадет.

Человек-тень не дожидался, пока Алан совершит бросок. Силуэт подскочил, крутанулся в воздухе в невообразимом кульбите и приземлился во дворе на ноги почти без звука.

Проклятый акробат! В голову Алана ударила кровь. Перехватив шпагу подобнее, он ринулся в бой.

Рыцарь Дебрей выхватил неизвестно откуда две короткие палочки. Никогда еще Алан не сталкивался со столь проворным противником. Рыцарь уворачивался от ударов с поистине изумительной ловкостью, иногда изгибаясь так, словно в его теле не было костей.

Палочками он блокировал удары шпаги. Прозрачный клинок выбивал из них зеленые искры.

— Алан! — снова крикнул Эмиль.

Кажется, он бросился на помощь. Алан на мгновение отвлекся и тут же получил зубодробительный удар ногой в челюсть. В голове зазвенело, как в пустом колоколе, и Алан будто со стороны пронаблюдал, как падает на землю...

Тем не менее, сознания он не потерял. Он видел и слышал, как схлестнулись Эмиль и Рыцарь Дебрей. Эмиль бился более хладнокровно, и у Алана сложилось впечатление, что скоро он одержит верх. К тому же шум не мог не разбудить остальных Пилигримов. Теперь, когда стало ясно, что Рыцарь здесь один, у него нет шансов...

Послышались крики. Кто-то проснулся...

Держась за раскалывающуюся челюсть, Алан приподнялся. Ноги тряслись, не держали ставшее мягким и непослушным тело.

Во двор вышли три невесты. Алан застонал: только не они! Ну где же Матиас, Тэн, Димитрий, когда они так нужны?!!

— Что здесь... — начала одна из невест. Алан узнал по голосу Клэр.

Эмиль вскрикнул. Рыцарь умудрился его как-то ранить. Черный силуэт бесшумно подскочил к невестам, что-то свистнуло, рассекая воздух, ночь огласили полукрики-полустоны и задушенный вопль.

Две невесты повалились на землю. Алан не верил глазам. Наверное, ему снится кошмар, а он не в силах проснуться...

Рыцарь схватил оставшуюся невесту и прикрылся ею, как щитом. Вместо лица у него была черная дыра.

— Вы все уже давно мертвы, Пилигримы, — прошипел Рыцарь. Удивительное дело, но голос его ничуть не изменился, не запыхался. — Я убью эту невесту и твоего щенка у тебя на глазах, лидер! Кого ты выберешь первым?

Он нацелил на Алана палочку. Алан подумал мимоходом, что надо бы прыгнуть в сторону, однако тело не желало подчиняться. Зато это за него сделал Эмиль. С криком он преодолел метра два одним прыжком и заслонил собой Алана.

Теперь Алан был уверен, что видит кошмарный сон. Потому что наяву этого не могло произойти.

Черная пика, вылетевшая из палочки, пробила Эмиля насквозь и вышла из спины. Эмиль рухнул. Голова коснулась каменного пола с тошнотворным звуком.

— ЭМИЛЬ!

Алан подполз к наставнику, стал теревить его в надежде, что тот застонет, зашевелится... Тело было еще теплое, но, увы, жизнь уже покинула его. Нельзя выжить с пикой, пронзившей грудь насквозь.

— Нет-нет-нет, так не должно быть, — бормотал Алан, плохо понимая, что делает и говорит. Он совершенно забыл, что над ним возвышается Рыцарь.

Клэр закричала, но крик захлебнулся, когда Рыцарь перерезал ей горло. Он отшвырнул еще подергивающееся тело, как старую ненужную куклу, и шагнул к Алану.

Алан зарычал и взмахнул шпагой. Рыцарь отбил ее чуть ли не ленивым движением.

— Я тебя убью, — прохрипел Алан, скрючившись над телом Эмиля. — Слышишь? Я тебя убью.

— Сомневаюсь, — холодно сказал человек без лица.

— Клянусь, я тебя убью, — упрямо повторил Алан, прекрасно осознавая, что выполнить

клятву вряд ли удастся. Сейчас одним ударом неведомого оружия Рыцарь вышибет из него дух. — Не будь я Алан Аркон!

— Алан Аркон? — повторил Рыцарь. — Красивое имя... А что ты скажешь, Алан Аркон, если я предложу тебе присоединиться к нам? К нам, Рыцарям Дебрей? Наша цель благородна: мы хотим подарить Дебри всем людям, мы хотим разорвать границы и сделать всех людей Пилигримами. Чтобы все люди могли путешествовать по свету, а не сидеть в клетках под названием Оазисы...

— Никогда! Вы убийцы...

— Я сожалею, что убил твоего друга, Алан Аркон. Иногда жертвы необходимы. Но подумай о себе, о своих будущих детях. Что, если они родятся Оседлыми? Ты сможешь им помочь! Подумай о моем предложении, когда боль уляжется, и тогда мы поговорим снова.

— Да, поговорим, — прошептал Алан.

Почему Рыцарь его не убивает? Может, тогда эта боль исчезнет? Он погрузится в блаженное небытие, как Эмиль, и ему не придется смотреть в мертвое лицо друга, учителя... отца...

Раздались встревоженные голоса. Наконец-то Пилигримы проснулись, но было поздно. Рыцарь исчез, растворился в ночи, оставив пять мертвых тел и Алана, по-прежнему обнимавшего Эмиля.

Алан остался жив. Но ему чудилось, что какая-то часть его души всё же умерла.

Глава 5. Прощание

События той безумной ночи едва коснулись воспаленного сознания Алана. Он был словно во сне — тяжелом, горячечном бреде, который никак не желал кончаться.

Пилигримы наседали на него с вопросами, то и дело кто-то кричал, ругался, охал, ахал; Алан давал ответы, по возможности точные и краткие, а сам ощущал себя гомункулузом Грейстоунхилла.

Те жуткие минуты, когда его сознание отказывалось поверить в реальность случившегося, канули в небытие. На Алана навалилась апатия; случившееся не умещалось в сознании: неведомый Рыцарь убил на его глазах Эмиля, трех невест и Малого Советника и исчез, и Алан ничего с этим не сделал. Он воспринимал этот факт с пугающей ясностью, и разум по инерции принимался было анализировать произошедшее, выискивать ошибки, что совершил Эмиль и, конечно же, сам Алан. Надо было кричать, звать друзей, и — кто знает? — Пилигримам всем вместе и удалось бы справиться или хотя бы отогнать врага... Да, Эмиль позвал одного лишь Алана; да, Алан не настоял на том, чтобы позвать других, — что толку сейчас об этом думать, ведь никто не ждал нападения?

Постепенно Алан сконцентрировался на этом обстоятельстве: враг напал неожиданно, изначально планируя убить их всех... Покончив с Пракашем, Рыцарь мог бы скрыться, но он спрыгнул во двор с крыши, чтобы принять бой. Ему не нужны были свидетели.

Тогда почему он не убил Алана? В насмешку? Чтобы тот помучился? Если так, то Рыцарь Дебрей — настоящая извращенная тварь, хуже всех Тварей Дебрей вместе взятых. Учитывая Хоу Верден, в этом не приходится сомневаться...

Алану хотелось, чтобы его оставили в покое, но в эту ночь покоя ему было не видать.

— Кто это был, Алан? — вопрошал Матиас. — Рыцарь Дебрей? Ты запомнил, как он выглядел?

— Высокий, широкоплечий, весь в черном. Лицо закрыто маской. Целиком. Я даже глаз не разглядел, — отвечал Алан подробно, неживым голосом.

— Неужели он был один? — наседал позади Матиаса Димитрий. Борода его торчала дыбом, бешеные глаза вращались в орбитах. — Как вы с ним не справились? У него что, оружие мощное?

— Он был очень ловок, настоящий боец. И оружие у него было. Две какие-то палочки, стреляющие пиками. И, наверное, нож...

— Да, нож, — подтвердил Тэн. Он слегка побледнел после осмотра места трагедии, но в целом ничем не выдавал эмоций. — Он горло девушка перерезай.

— Кто из невест? — встрепнулся Алан. — Я рассмотрел только Клэр...

— Миранда и Мария, — сказал Матиас с тяжелым вздохом. — Бедные девчонки... Ехали за счастьем, а нашли смерть...

Алан перевел дух. Жестоко, конечно, чувствовать облегчение, когда погибли три ни в чем не повинные девушки. Но услышь он, что среди погибших Кассия, это добило бы его.

— Надо бы перенести тела, — пробормотал Димитрий. — Чего они на земле будут лежать?

Матиас кивнул, но посмотрел почему-то на Алана. Будто бы ждал его одобрения. Это потому что он выжил в мясорубке?

— Нет, — выдавил Алан. — Нужно позвать Большого Советника... Чтобы он своими

глазами увидел... Что сделал его союзник.

— Алан, — мягко сказал Матиас. — Ты прав, толстяк должен посмотреть. Но вряд ли от этого он одумается и отдаст Рыцаря с наши руки или руки здешнего правосудия. Однако он должен понять, что мы тут ни причем.

— Хочешь сказать, он еще и убийство на нас повесит? — взревел Димитрий. — Убили не только его мелкую сошку, но и Пилигрима, и не просто Пилигрима, а лидера каравана! Неслыханная вещь, друг Матиас! Если его тупая башка этого не поймет, я лично поубавлю у него жирок!

Тэн удерживал Кассию и Рене в доме, не позволяя выйти во двор. Матиас отправился звать кого-нибудь, кто знает, где Большой Советник. Димитрий мерил шагами коридор, ругаясь на чем свет стоит и ничуть не смущаясь присутствия невест.

Алан сидел на софе в роскошной гостиной, до слуха его долетали ругательства Димитрия и тихий плач. Кто это, Рене или Кассия? Кассия, кажется, редко плачет. Но сегодня особенный случай.

Через час вернулся Матиас в сопровождении отряда городской стражи. Стражники носили фиолетовые тюрбаны, легкие доспехи и ятаганы на широких поясах. Все как один были бородаты и суровы.

Стражники осмотрели место побоища с профессиональным хладнокровием. Главный стражник постоял над телом Пракаша, Алану почудилось брезгливое выражение на бородатом лице. Затем, негромко побеседовав друг с другом, стражники унесли тело Лагху Салахакара, главный стражник буркнул, что они увидели всё, что нужно, и сейчас они пригласят людей “прибраться”.

— Прибраться? — воскликнул Алан, не веря ушам. — То есть вы закончили? Для вас всё ясно? Эти убийства совершил человек, связанный с Нараяном!

— Вы обвиняете благородного Махана Салахакара Нараяна Прабху? — с угрозой уточнил стражник.

Матиас схватил Алана за локоть, оттаскивая подальше, Алан выдернул руку.

— Возможно! Мы желаем видеть благородного Нараяна! Надеюсь, он уже проснулся?

Стражник постоял, думая, как отреагировать на эту дерзкую реплику, потом, видимо, решив, что не стоит начинать конфликт с Пилигримами, проговорил:

— Махана Салахакара примет вас через час.

Стражники удалились с носилками, на которых лежало накрытое простыней тело.

— Не нужно нарываться, друг мой, — мягко сказал Матиас. — У нас нет доказательств причастности Нараяна, кроме слов уже мертвого Малого Советника...

— Я не оставлю смерть Эмиля без последствий!

— Месть — не решение...

— Это путь потерь, да. Матиас, я знаю это, слышал много раз. Но сейчас речь идет о восстановлении справедливости, — повторил Алан слова Кассии, вовремя пришедшие на ум. — Рыцари уничтожают Оазисы, убивают Пилигримов... Неужели ты думаешь, что они не доберутся до нас рано или поздно? Да и как мы выживем в мире, где бесчинствуют Рыцари?

— Ты прав, Алан, но всё же...

— Это Оседлые зависят от нас, а не мы от них! Если Большой Советник продолжит строить из себя напыщенного индюка, мы занесем Санти в черный список Пилигримов.

Тонкие, четко очерченные брови Матиаса поднялись.

— Алан, это серьезное решение... Оазисы, занесенные в черный список, обречены на медленное вымирание... Если в ближайшие несколько десятилетий Оазис не породит нужное количество собственных Пилигримов. Помимо этого, решение о черном списке принимается на Всеобщем Соборе Пилигримов. Ты должен обосновать его перед старейшинами.

— Думаю, Эмиль имел достаточный вес для того, чтобы старейшины прислушались... — пробормотал Алан в сторону, словно бы и не Матиасу, а размышляя про себя. Он уже передумал настаивать на черном списке. Слишком жесткая мера для тысяч невинных людей, которых вынудят отвечать за прегрешения одного толстого чиновника. — Главное, чтобы Нараян поверил, что мы можем это сделать!

— Вот это уже другое дело, — Матиас кивнул. — Эмиль верил в тебя не зря. Так не обмани его ожидания.

Несмотря на напыщенность и самомнение, Махана Салахакара Нараян Прабху не осмелился затягивать с аудиенцией и принял Пилигримов сразу после завтрака.

— Я понятия не имею, о чем вам говорил перед смертью Лагху Салахакара Пракаш Махендра, — заявил он, с нарочитой безмятежностью поглаживая маленькой ручкой объемный живот. Он, как и вчера, восседал на кресле. Алан заметил признаки некоторой нервозности, проявлявшейся, в частности, в бегающих глазках и несколько ускоренной речи. Вероятно, толстяк не считал Пилигримов людьми, от которых можно просто так отмахнуться. Или, возможно, слышал о черных списках...

— Вы должны понимать, уважаемые Пилигримы, — продолжал он мягким тоном, — у нас в Санти Малые Советники всегда немного... завидуют Большим Советникам и... э-э-э... хотят поменяться местами. Титул значит здесь немало. Поэтому неудивительно, что покойный Пракаш, да позволит Слоноликий его душе благополучно реинкарнировать, наговорил про меня всяких гадостей...

— Любопытно, чего он стремился достичь, клевета на вас нам, Пилигримам? — спросил Алан.

Нараян развел ручками, круглое лицо умильно вытянулось.

— Кто знает, что творилось у него под тюрбаном? Теперь уже никто не скажет... Чего он хотел достичь, понося мое имя перед Пилигримами? Испортить отношения с вами? Кто знает...

— Рыцарь Дербей назвал его предателем, — вспомнил Алан. Он сжал кулаки, боясь сорваться, заорать на толстяка, вытрясти из него правду... Рядом шевельнулся Матиас. Алан бросил на него косой взгляд: всё в порядке.

— Вполне допускаю, что Пракаш предал своего пособника, — быстро сказал Нараян.

Алан перевел дух. Скользкий этот тип, Нараян! Не зря занимает свой высокий пост. Алана охватило отчаяние. Неужели он не сумеет ничего доказать?

— То есть вы отрицаете...

— Полностью отрицаю. Не знаю, какие темные делишки творил покойный Пракаш Махендра, но, похоже, он поплатился за это, да простит меня Слоноликий за злые — но справедливые — слова.

— Пракаш также говорил, что вы куда-то отослали слуг из здания, — почти выкрикнул Алан. Он хватался за соломинку. — Малый Советник не обладает достаточными полномочиями, чтобы куда-то переводить слуг. Это было сделано по желанию Рыцарей...

Толстошее лицо Нараяна налилось кровью.

— Ты меня обвиняешь, мальчик? Да, я отправил слуг во дворец к Его величеству, скоро наш повелитель будет праздновать день рождения. Они нужны для подготовки к празднеству. И что? В чем мой проступок? Еще раз заявляю: я ничего не знаю о Рыцарях Дебрей и ничего не замышляю ни против Санти, ни против уважаемых Пилигримов, ни против других Оазисов. Мне очень жаль ваших погибших, и жаль, что это прискорбное событие случилось на земле Оазиса Умиротворения. Я приложу все усилия, чтобы найти убийцу. Но лично я никак не связан с этим. Индра видит!

— Мы пришли на игру без козырей, — прогудел Димитрий тоскливо. — Нечем крыть. Пошли отсюда, парни.

— Нет! — вырвалось у Алана. — Я требую аудиенции у Его величества Царя Санти!

Матиас вздохнул, не пытаясь более помешать упрямому коллеге.

Требование вызвало у Большого Советника неожиданную реакцию. Он не возмутился, не принялся переубеждать Алана, уверять, что Царя нельзя просто так отвлекать от государственных дел. Нараян лишь хитро улыбнулся и медовым голосом произнес:

— Конечно, как пожелаете. Его величество Раджа Двадцать Первый примет вас после обеда.

— Ну и чего ты добьешься разговором с царем? — пробурчал Матиас на пути обратно в Дом Лотоса. — Этот старый черт, видно, ничего не решает в этом месте.

— Я должен использовать все возможности, Матиас. — Алан говорил тихо и твердо. Впервые за долгое время он чувствовал каждой клеточкой, что поступает правильно. Откуда явилась эта уверенность, он не знал. Интуиция подсказывала, что речь идет не о банальной мести или восстановлении справедливости. Ставки гораздо выше.

Матиас ничего не ответил. Непонятно было, согласен ли он с Аланом или предпочитает не углубляться в спор. Димитрий и Тэн тоже были непривычно молчаливыми.

В молчании дошли до Дома Лотоса.

Вокруг кипела жизнь Санти. Прогуливались слоны с пассажирами, полуобнаженные бородачи медитировали на тротуарах под пальмами. Все эти вещи едва касались краешка сознания Алана.

Дом Лотоса охранялся стражниками. Пилигримов, впрочем, впустили без разговоров.

Заслышав голоса мужчин, из внутренних покоев выбежали Рене и Кассия.

— Что с нами будет? — крикнула Рене. — Я не хочу здесь оставаться! Ужасное место! Заберите меня домой, пожалуйста! Я хочу в Грейстоунхилл!

У нее началась истерика. Димитрий уверенно обхватил ее за плечи и прижал к могучей груди. Более чем фривольный жест ничуть не возмутил блондинку; наоборот, она прижалась к волосатому, грубому и не всегда приятно пахнущему Пилигриму и горько расплакалась.

Кассия посмотрела на них покрасневшими глазами, потом перевела взгляд на Алана. У того мелькнула мысль обнять ее, как Димитрий Рене, но тело не желало двигаться, и он не тронулся с места.

Впрочем, Кассия вовсе не нуждалась в объятиях.

— Я верну вас домой, — сказал он.

— Я не хочу домой, — тихо, почти шепотом ответила Кассия.

“Почему же ты так не любишь родной Оазис? — хотел спросить Алан. — Ведь больше тебе некуда идти!”

— Тогда... — проговорил Алан с трудом. — Тогда твоя судьба незавидна...

Кассия вздрогнула. Опустила глаза. И, развернувшись, медленно ушла в покои.

Кто-то потянул Алана за рукав. Он обернулся — Тэн.

— Надо думать, Алан, что делать дальше! Эмиль хоронить, девушка-невеста хоронить, мертвые остаться, мы идти живые. Живые идти другой дорожкой. Какой дорожкой? Надо думать.

С тяжелым сердцем Алан признал, что старина Тэн прав. У живых и мертвых разные пути.

— Мы решим это после аудиенции с царем, — сказал Алан Тэну.

Пилигримов препроводили пред сияющие очи Его величества Раджи Двадцать Первого с помпезностью, свойственной Оазису Санти. Пилигримы прошли по мягчайшему ковру цвета крови по колоссальному коридору. По обеим сторонам стояли охранники, придворные, слуги и прочие личности, все — в разноцветных одеждах, так что пестрело в глазах.

Высокие золотые двери распахнулись перед странниками Дебрей, пропуская в тронный зал.

К удивлению Алана, тронный зал был не больше коридора, ведущего к нему, и людей в нем почти не было. Тем не менее, трон из украшенного искусной резьбой имелся, и стоял, как полагается, в конце зала. С двух сторон от него возвышались два могучего телосложения охранника с большими кривыми саблями наголо.

Алан уверенно пошел вперед, к трону. В десяти метрах замер. Его спутники тоже остановились, растерянно хлопая глазами.

Его величество Раджа Двадцать Первый с любопытством наблюдал за визитерами. Он был одет в белоснежный длиннополый сюртук со стоячим воротничком и широкие шаровары, на голове поблескивал стразами тюрбан с павлиньим пером. Ни усов, ни бороды Его Величество не носил по той простой причине, что в десять лет растительность на лице не появляется.

— А старый маразматик неплохо сохранился, — пробормотал Матиас.

— Что за черт? — вырвалось у Дмитрия. Он покосился на каменные физиономии стражников и добавил: — Прошу прощения...

Пилигримы, справившись с оторопью, низко поклонились. Раджа нетерпеливо кивнул, его смуглое лицо буквально светилось от любопытства.

— Всё понятно, — шепнул Алан Матиасу, кланяясь. — Старый царь умер, новый Царь — ребенок, и толстяк этим пользуется...

— Кхм, — Матиас кивнул.

— Пилигримы приветствуют тебя, о, Царь Санти, Раджа Двадцать Первый! — громко и отчетливо сказал Алан. Прозвучало, по его мнению, ужасно фальшиво и напыщенно. — Мы хотели...

— Это же прекрасно! — выкрикнул Раджа тонким голосом. — Надо было сразу требовать аудиенции со мной! Подумать только, Пилигримы! Я обожаю истории о вас. Скажите, а Твари правда душат Оседлых, попавших в Дебри, стальными руками? У них есть

детеныши? Как они размножаются?

Пилигримы переглянулись.

Алан понимал теперь, почему Нараян улыбался такой ехидной улыбкой. Знал, жирная сволочь, что толку от аудиенции не будет.

— Ну что, Алан, — прошептал на ухо Димитрий, — ты хотел с царем поболтать, ты получил эту возможность. Давай отвечай, как Твари размножаются...

Похороны состоялись на следующий день. Единогласно решили хоронить Эмиля, Клэр, Марию и Миранду в Дебрях, хотя Нараян предлагал организовать похороны в Санти “в соответствии с обычаями усопших”.

Ночью перед похоронами Пилигримы дежурили по очереди, несмотря на усиленную охрану вокруг Дома Лотоса. Но Рыцари Дебрей не вернулись. Алан почему-то и не ждал их. Если бы в их планы входило уничтожение всех Пилигримов из группы Эмиля, они бы сегодня уже не дышали.

Четыре завернутых в белые саваны тела опустили в могилы, засыпали землей, сверху навалили камней, чтобы не добрались стервятники.

— Мне вспомнились слова Эмиля, которые он сказал незадолго перед смертью, — произнес Алан. — Он сказал, что смерть иногда приходит слишком неожиданно. Когда ты не готов... И ты понимаешь, что многого не успел. Не ценил время и жизнь... Эмиль задумывался: правильно ли живет? Ценит ли отпущенное время? Я не могу говорить за всех, поэтому скажу за себя. В детстве я был уверен, что быть Пилигримом — самое великое счастье, которое только может выпасть на долю человека. Жить во всем необъятном мире, а не в узких границах родного Оазиса, разве это не означает “ценить отпущенное время”? Наслаждаться каждым мгновением? Он открыл мне большой мир. Он сделал меня счастливым. Возможно, это и мелочь, но он определил мою жизнь. Я благодарен ему за это... Покойся с миром, друг и учитель.

Вдали каркнула ворона. Пилигримы схватились за оружие. Но это была не Тварь. Долина радовала глаз буйством красок, вдали таяли в дымке горы. Санти сверкал на солнце, как исполинский бриллиант. День выдался на удивление солнечным и безветренным.

— Клэр, Мария, Миранда, — со вздохом продолжил Алан. — Я так и не узнал вас хорошо... Я не знаю, что сказать... Единственное, что я могу сделать сейчас, это пообещать, что ваша гибель не останется безнаказанной. Покойтесь с миром.

Он отошел от могил, на его место встал Димитрий.

— Прощай, Эмиль Ламар, ты был хорошим товарищем... Черт, — Димитрий смахнул слезу и сразу сделал вид, что в глаз попала соринка. — Прощайте, девчонки... Простите, если что не так...

Он уступил место Матиасу.

— Покойтесь с миром, друзья. Эмиль, ты когда-то сказал, что не хотел бы умирать дряхлым и немощным... Не знаю, к лучшему это или к худшему, но твое желание исполнилось... Но как бы мы все желали, чтобы ты побыл с нами еще немного... Прощайте!..

— Эмиль, Мария, Клэр, Миранда, — сказал Тэн. — До встречи. Я надеюсь, что встреча еще нескоро, но когда она наступает, мы радоваться встрече...

Алан покосился на Тэна. Он единственный сказал не “Прощай!”, а “До встречи”. А ведь он прав. Все смертны, вот только об этом забывается... Потому что пока ты жив, смерти нет, а когда смерть приходит, нет тебя...

Рене не смогла произнести прощальные слова, рыдания разрывали ее. Алан не мог описать, насколько ему было жаль этих несчастных, ни в чем не повинных девушек.

Тэн затянул ритуальную песню своего Оазиса. Тягучие звуки поплыли над безмятежной землей, Пилигримы стояли нахохлившиеся, умершим было всё равно, а сердце Алана сжалось в грозном предчувствии. Двенадцать лет приключений и путешествий — детский период, пришла пора взросления. Алан впервые столкнулся со смертью близкого человека. Ему вдруг сильно захотелось посетить Галльфран, повидать родных и близких.

Ибо на него снизошло понимание — времени мало.

В тот вечер путешественники собрались в гостиной Дома Лотоса. Следовало срочно составить план дальнейших действий. Еще до начала обсуждения Алана посетило подозрение, что к единому мнению они придут не скоро. Если вообще придут.

Он ошибался. Так, по крайней мере, ему представлялось поначалу.

— Девчонок надо вернуть домой, в Грейстоунхилл, — заявил Матиас. — Зэн Секай слишком близко от Санти, есть риск, что Рыцари побывали и там. В Зен Секай будет небезопасно. Кроме того, их культура отличается от культуры Грейстоунхилла сильнее, чем от культуры Санти. Девушки и так пострадали, чтобы еще и мучиться в чуждой среде...

Алан закрыл рот, не произнеся того, что вертелось на языке. Матиас озвучил его соображения гораздо точнее, чем это смог бы сделать сам Алан.

Он с беспокойством посмотрел на коллег. Пилигримы и две злосчастные невесты сидели в креслах вокруг приземистого круглого столика, сделанного в виде бронзовой черепахи с блюдом на панцире. На столе в тарелках были разложены сладости. К ним пока никто не прикоснулся.

— Это самый дерьмовый поход в моей карьере! — Димитрий с чувством грохнул волосатым кулаком. — Никакой выгоды, никаких приятных неожиданностей, зато неприятностей по самое горло! И всё благодаря проклятым Рыцарям! — Димитрий сделал короткую паузу, затем неожиданно добавил: — Я с тобой согласен, Матиас, я иду с тобой назад, в Грейстоунхилл.

Алан чуть не подавился засахаренной долькой неизвестного оранжевого фрукта, которую надумал взять со столика.

— Димитрий, ты... — проговорил он. — Ты молодец. Спасибо.

— То есть до этого дня ты считал меня сволочью? — прорычал тот. — Ладно, я шучу, Алан... Но когда мы вернем невест домой, надо будет серьезно обсудить, как поступить дальше. Нас теперь всего четверо, а минимальное количество Пилигримов в караване должно быть пять, чтобы уверенно надирать задницы Тварям. Или берем новенького Пилигрима, или вливаемся в караван Кровака, он давно уже предлагал объединиться.

Напоминание о переменах в их караване болезненно кольнуло Алана. Со смертью Эмиля много изменилось, и Алан еще не полностью осознал эти последствия. Матиас бросил на него быстрый, но цепкий взгляд. Матиас — единственный, кто догадывался о планах Эмиля передать бразды правления караваном Алану. Уж не думает ли он, что Алан

воспротивится идее присоединиться к Кроваку, у которого Алан снова станет рядовым Пилигримом? Если так, то перспектива быть лидером волновала Алана очень мало.

— Куда табун, туда и жеребец, — сообщил Тэн, правильно истолковав выжидающее молчание друзей. Он засмеялся и, похлопав себя по животу, пояснил: — Жеребец — это я!

Вместе с благодарностью Алан ощутил легкое облегчение. Вопреки ожиданиям, разногласий пока не предвиделось...

Вечерние сумерки наполняли помещение, дневной зной сходил на нет, сквозь открытые окна из сада лились птичьи трели. Неслышно зашла служанка, замотанная в единый кусок желтой ткани, зажгла свечи. Димитрий проводил ее откровенным взглядом, который женщина предпочла проигнорировать. Когда она удалилась, Алан сказал:

— Значит, единогласно решено возвращаться в Грейстоунхилл?

— Да, отведите нас домой, пожалуйста! — дрожащим голосом сказала Рене. До сих пор невесты помалкивали, с напряжением следя за разговором.

Кассия сидела вполоборота к Алану, и лицо ее оставалось в темноте. Трудно понять, поддерживает ли она желание подруги.

— Кассия? — позвал Алан.

— Я против, — заявила Кассия. Одновременно с ее негромким голосом в помещение словно ворвался холодный порыв ветра. — Но выбор у меня невелик...

Пилигримы одарили ее любопытными взглядами, но никто не уточнил, почему же она, собственно, против. Алан в очередной раз подавил в себе позыв задать ей этот вопрос. Наверняка она напомнит, что это не его дело.

— Значит, решено, — сказал Матиас. — Возвращаемся в Грейстоунхилл.

А Рыцари, убийцы Эмиля, останутся здесь, в Санти, подумал Алан. Вероятно, на его лице отразилось неудовольствие, потому что внимательный Матиас тут же добавил:

— Сделать с Рыцарями мы ничего не можем. Ты сказал, что Пракаш не договорил, где Нараян спрятал Рыцарей. Я не вижу способа теперь это выяснить.

— Да черт с ними, с Рыцарями, — в сердцах проговорил Алан. — Когда-нибудь всё равно встретимся...

Утром следующего дня караван был готов к выступлению. Посланник Нараяна заикнулся было о заключении договора на транспортировку некоего товара до Зэн Секай, но Матиас повернул к нему каменное лицо, и посланник ретировался.

Среди провожающих были лишь стражники пафосных врат. Алан часто оглядывался на Санти, пока караван удалялся вглубь леса у подножия гор. Хотелось увидеть темную фигуру на стене, чтобы немедленно вернуться... С чего он решил, что таинственный Рыцарь пожелает присутствовать при отъезде Пилигримов? Непонятно. Но в глубине души занозой засела эта идея...

К тому времени, когда солнце поднялось в зенит и в лесу разлилась духота, караван вплотную подошел к горам. Выход из леса принес облегчение: духота сменилась приятным прохладным ветерком с гор.

Алан и Матиас сбавили скорость. Нужно было посоветоваться, какой дорогой двигаться. Ни у кого не возникало желания снова посещать колоссальную могилу Хоу-Вердена. Через горы должен пролегать другой путь. Увы, эти места знал хорошо лишь один Эмиль. Матиас

поделился с Аланом опасением, что попытка найти другую дорогу самостоятельно грозит вылиться в долгое блуждание в ущельях. Алан согласился, что, по всей видимости, придется идти старым путем.

Разговор, к которому присоединились остальные Пилигримы, прервало отчаянное ржание лошади и женский крик. Алан обернулся одновременно с товарищами. Рене во весь опор неслась к кустам на берегу ручья в двухстах метрах.

— Змея! — крикнула Кассия, пытаясь успокоить своего скакуна. — Лошадь Рене испугалась змеи.

Алан даже успел заметить змею — довольно крупную гадюку, свернувшуюся в траве, — прежде чем рванулся за Рене, которая отчаянно хваталась за гриву погнавшей лошади. Позади загромыхал бас Матиаса. Черный Пилигрим велел Тэну и Димитрию защищать от Тварей Кассию, а сам, судя по всему, последовал за Рене и Аланом.

Алан несся вслед за Рене, сердце колотилось, ноздри раздувались не хуже, чем у коня. Он уже прикидывал, как оттеснит Рене от ручья и схватит животное за узцы.

Вдруг он увидел колодец. Он прятался в тени кустов прямо впереди.

Сердце пропустило удар, потом застучало сильнее. Алан нещадно подгонял рыжего Вихря, и тот, подтверждая справедливость своего прозвища, стал быстро нагонять Рене.

Скорее всего, он догнал бы невесту в ближайшие пару минут и встал между ней и колодцем. Но лошадь Рене споткнулась. Невеста не удержалась в седле и с пронзительным воплем покатила по траве, а лошадь помчалась дальше, немного забирая влево.

Позади слышался топот нескольких лошадей. Алану было некогда оглядываться, чтобы выяснить, что там происходит. Он притормозил и, не дожидаясь полной остановки, спрыгнул на землю.

Рене была жива и вроде бы невредима. Она поднималась на ноги, озираясь на колодец, расположенный в десятке шагов.

Алан не сделал и трех шагов, когда из колодца с визгом вылетело длинное сегментированное тело Твари. Оно изогнулось с поразительной скоростью, блеснули металлические руки. Тварь схватила Рене и взмыло вверх.

Алан выдернул шпагу и принялся наносить удары по панцирю Твари. Рене барахталась и вопила где-то высоко. Откуда-то прилетел камень, затем второй. Они ударялись о Тварь без какого-либо результата. И кому это пришлось в голову кидаться камнями? Алан быстро глянул назад. На мгновение удивление затмило страх за Рене и горячку боя. Это была Кассия; она спешила и швыряла камни.

Подоспевшие Пилигримы скопом навалились на Тварь, и та была вынуждена ретироваться. Рене лежала на траве без признаков жизни. Матиасу не понадобилось много времени, чтобы убедиться в смерти.

Пилигримы сгрудились вокруг тела Рене.

— Мы прокляты, — заявил Димитрий. — И ее не сберегли.

Никто ему не ответил. Алан не верил в проклятия, но найти другую причину их злоключений было сложно. Кассия опустилась перед Рене на колени и провела рукой по исцарапанному лицу подруги.

— Это судьба, — сказала она спокойно. Ее спокойствие поражало. Кассия словно преобразилась. Алан подумал, что горе последних дней изменило их всех. Те, кто не сломался, сделался сильнее. — Больше нет нужды идти в Грейстоунхилл. Мы можем заняться поисками Рыцарей Дебрей.

— Кто это мы? — хмыкнул Димитрий. Он выглядел сбитым с толку. Очевидно, необычная реакция Кассии на неожиданную смерть Рене впечатлила и его.

— Мы, Пилигримы, — сказал Матиас вместо Кассии. — Друзья, нас снова пятеро, к добру это или нет.

— Я не... — начал Алан и умолк. Догадка ударила подобно молнии.

— Тварь излучала Эманацию все время, — продолжил Эмиль в полной тишине. — У бедняжки Рене не было шанса выжить. Но Кассия, как видите, жива. Она Пилигрим.

Глава 6. Зэн Секай

На третий день после того, как караван покинул Санти, заморосил назойливый дождь, который не прекращался до самого вечера. С наступлением сумерек он ослаб, но едва Пилигримы развели костер под невысоким обрывом на берегу речушки, как с темных небес вновь полилась влага. Было холодно и сыро, сухого хвороста не добыть. Димитрий громко и изобретательно клял дурную погоду, пока с Тэном ставил шатры.

Матиас молчал, но тоже не светился от счастья. Предстояло ужинать холодной пищей. И это после тяжелого перехода! Другое дело Кассия. Она воплощала собой саму энергию; помогала мужчинам стреноживать коней, ставить шатры, кинулась было за хворостом, но Матиас с усталой улыбкой ее остановил — все равно бесполезно.

Алан наблюдал за Кассией краем глаза. Ему, как и всем остальным, энтузиазм девушки был вполне понятен. Девушка внезапно обрела новую сущность, сущность свободного странника, тут есть от чего радоваться. И возвращаться домой она решительно не хотела. Если бы не смерть подруг, радость была бы намного сильнее. Алан порадовался про себя, что Кассия не сломалась окончательно после пережитого ужаса, и что обретение новых способностей приключилось так вовремя.

Вероятно, радость Алана за нее посоперничала бы с счастьем самой Кассии. Хоть какое-то радостное событие за прошедшую неделю! Алану было жаль погибших, а смерть Эмиля он воспринял как потерю отца, но обретение Кассии — именно Кассии, а не кого-то иного — проливалось целебным бальзамом на душу. Ситуация в караване, конечно, осложнилась, ведь прежде в чисто мужском коллективе женщинами были только невесты и кобылы. Как девушка вольется в их небольшое общество? Как примут ее остальные? И что случится, если — и тут дыхание Алана пресекалось — они с ней станут парой?

После смерти Рене возвращение в Грейстоунхилл потеряло смысл. После похорон невесты Пилигримы единогласно решили двигаться в Зэн Секай. Сейчас это решение было единственным, не вызывавшим у членов каравана кисло-хмурых мин. Никто из них не горел желанием тащиться через горы в Грейстоунхилл, где придется признавать полный провал экспедиции и говорить с родителями погибших девушек. Наверное, еще никогда путешествия не заканчивались гибелью лидера каравана и большей части невест. Но и никогда за всю историю, добавлял Алан мысленно в стремлении успокоить себя и обелить честь их каравана, на пути Пилигримов не становились Рыцари Дебрей.

— Завтра к обеду прибудем в Зэн Секай, — сказал Матиас громко. Наверняка желал подбодрить приунывших товарищей. — Надеюсь, там найдется работенка для Пилигримов, — добавил он тише, обращаясь к Алану. — Пора уже обзавестись золотишком.

Поставив шатры вместе с Тэном, Кассия уселась рядом с Аланом. Ветер растрепал ее каштановые локоны, лицо покраснелось. Все её стройное тело излучало энергию, и, видимо, бывшей невесте приходилось прилагать усилия, чтобы сдерживаться.

— Теперь всё измениться?

Алан кивнул. У него чуть было не вырвались слова: да, все наладится, все будет хорошо. Но он вовремя прикусил язык. Еще не все решено. Члены каравана должны сказать свое слово. Он уверен в Матиасе, возможно, в Тэне. Димитрий мог иметь иное мнение. Алан потряхнул головой. Еще рано размышлять об этом. Время покажет.

— Хорошо, — сказала она, правильно истолковав его молчание. — Я подожду решения.

— Пилигримы — свободный народ, — проговорил Алан, тщательно выбирая слова. — Мы не навязываем свое мнение друг другу. И каждый из нас имеет право на мнение. Лидер принимает большинство решений, чтобы не тратить время на бесконечное обсуждение каждого шага, но любой из нас может возразить ему. А сейчас Эмиля нет... И нужно голосование, чтобы оставить тебя в караване... Наши еще не голосовали, но я буду за то, чтобы ты осталась. Матиас, думаю, тоже...

Кассия выслушала внимательно. Отблески костра переливались на ее мокром плаще. Половина лица и фигуры тонула во тьме.

— Не волнуйся, Алан, — ответила она. — Если я не останусь в вашем караване, найду другой. Я ведь Пилигрим!

Алан не совладал с мимикой. Заметив его выражение лица, Кассия беззвучно рассмеялась.

— Прости, Алан... Я пошутила!

Она помолчала и добавила:

— Но даже при плохом для меня раскладе... Ты ведь сам сказал, что Пилигримы — свободный народ... При плохом раскладе, ты можешь уйти вместе со мной.

Девушка ушла раньше, чем до Алана дошел весь смысл сказанного.

Алан спал плохо, и когда наступила пора дежурить, он заступил на вахту с чувством некоторого облегчения: не надо стараться уснуть и будет время как следует обдумать ситуацию.

Итак, Кассия равнодушна к нему! Она ясно дала это понять. Как всегда опережая события, фантазия рисовала ему картины, где они с Кассией живут вольной жизнью Пилигримов, вдвоем торгуя в разных Оазисах. Редко кому из вольных бродяг выпадала удача найти спутника жизни с той же способностью гулять по Дебрям. Почему-то среди Пилигримов преобладали мужчины. Никто из них не жаловался на это обстоятельство; многие были даже рады, что оседлые подруги не в силах контролировать их большую часть времени.

Алан то и дело одергивал себя. Рано еще мечтать о совместной жизни. Да и что за караван из двух человек? Так или иначе им придется работать с другими Пилигримами. И было бы прекрасно, если бы этими другими людьми оказались старые друзья.

Так Алан предавался приятным размышлениям, прислушиваясь к шороху камыша за спиной, подбрасывая время от времени сучки в тлеющий костер, а вокруг кружилась в беззвучном танце ночь, и никакие звуки, кроме редких вскриков какой-то птицы, не нарушали благословенной тишины.

Восток осветило алым, когда из палатки выбрался и подошел к Алану заспанный Матиас.

— Ты чего меня не разбудил? Моя же вахта!

— Прости, задумался, — пробормотал Алан.

— Ты не уснул, часом? — Матиас внимательно всмотрелся в товарища. — Нет, вижу, что нет. Так что случилось-то? Решил дать мне выспаться?

— Послушай, Матиас, — сказал Алан и похлопал по бревну рядом с собой, приглашая присесть. Матиас сел и приготовился слушать. — Мы не дали дежурить Кассии...

— Ну и что тебя удивляет? Она девушка, в конце концов. И пережить ей довелось немало в эти дни.

Алан обрадовался.

— А я подумал, это из-за того, что она не в команде. Ну, понимаешь, не член каравана. Ведь мы не голосовали...

Матиас словно видел Алана впервые. После паузы он фыркнул.

— Я поговорил с Тэном и Димитрием еще позавчера. Они не против ее присутствия. Тем более она, кажется, уже определилась с парой, и никаких конфликтов на сексуальной почве не предвидится.

Откуда-то из-за стены камышей долетели трели пробудившейся птицы. Но песня, зазвучавшая в душе Алана, была несравненно прекраснее.

— Повезло тебе, — сказал Матиас. — Я даже завидую немного. Хотя иметь подружку, которая всегда рядом и не спускает с тебя глаз, которая так же свободно ходит по Дебрям как и ты... Не знаю... Это твоя жизнь. Видишь, как получается? Что-то теряешь, что-то обретаешь. Иди спать, друг Алан, я подежурю. Завтра прибываем в Зэн Секай, и все должны быть бодрыми и свежими.

Ближе к полудню караван перевалил через низкий хребет и спустился в широчайшую — от горизонта до горизонта — долину реки. Река текла неспешно, то разливалась на сотни протоков, омывающих острова самых разных размеров и формы, то сужалась между обрывистыми берегами. Некоторые острова поражали воображение причудливыми формами. Высокие, с вертикальными склонами, поросшие тростником, травой и бамбуком, она напоминали сказочные замки. Над рекой витала беловатая дымка, и солнечный свет, пробивающийся сквозь нее, делался жемчужным.

— Красота! — провозгласил Димитрий. Он отпустил поводья и потянулся. Хруст его костей долетел до Алана, который остановился шагах в десяти.

— А это кто? — воскликнул Димитрий мгновение спустя, поднеся ладонь козырьком ко лбу.

Пилигримы дружно взгляделись туда, куда указывал Димитрий. Километрах в трех выше по течению, на пологом берегу копошились белые фигурки в широких шляпах. Они постоянно наклонялись, будто искали что-то на земле.

— Землепашцы? — первым догадался Матиас. В его голосе звучало неприкрытое удивление. — Здесь, в Дебрях?

Его изумление передалось остальным. Пилигримы подстегнули лошадей. Спустя полчаса загадка раскрылась. Черная граница пересекала долину поперек, змеилась по обеим берегам и по дну реки. Издали разглядеть ее было непросто. Дебри переходили в Оазис Зэн Секай так плавно и незаметно, что поначалу нельзя было обнаружить никакой разницы.

— Тварь меня раздери! — хохотнул Димитрий. — Я уж подумал, что Пилигримы взялись выделывать землю!

— Не, не! — закивал Тэн. — Кочевник земля никогда не копай!

Земледельцы, а их было пятеро, давно заметили подъезжающих Пилигримов и выпрямились. Они были коренастыми, невысокими, с темной кожей, пусть и не настолько темной, как у жителей Санти. Круглые лица скрывались в тени широкополых конических

шляп, сплетенных из соломы. Одежда на них была неважная и состояла из рубахи и подвернутых до колен штанов. Крестьяне стояли в воде до середины икр. Вода заливала все прямоугольное поле, из которого торчали зеленые кустики. Эти кустики, похоже, крестьяне и сажали в мягкий ил, вынимая из наплечных мешков.

— Приветствуем вас! — обратился Матиас.

Крестьяне переглянулись. Появление Пилигримов, как почудилось Алану, у них не вызвало радости. Обычно Оседлые воспринимают приезд Пилигримов с восторгом. Они любят слушать истории и свежие сплетни. И прикупить какую-нибудь новенькую вещицу, сделанную в другом Оазисе, не отказываются.

Все пятеро поклонились гостям. Никто из них не обронил ни слова. Самый младший шмыгнул носом и вытер пот со лба грязной рукой.

— Это Зэн Секай? — уточнил Матиас. Видно, и его такая встреча сбила с толку.

Крестьяне кивнули. А, может быть, поклонились.

— В таком случае мы поехали в ваш город, — сказал Матиас. Теперь он был растерян. — К вашим вождям. Мы хотим торговать.

Пилигримы поскакали по травянистому берегу дальше. Алан недоумевал. Он несколько раз оглянулся. Крестьяне долго тарачились им вслед, потом вернулись к работе.

— Странные они какие-то, — сказал Алан на скаку. — Ты был здесь раньше, Матиас?

— Увы, нет. Только Эмиль... — Матиас резко замолчал. Алан сделал вид, что не расслышал имя, которые ныне под негласным запретом. — Я не был здесь, — добавил Матиас.

Оазис Зэн Секай раскинулся в долине реки на протяжении десятков километров. Никаких стен и ворот, пусть и декоративных, как в Санти, тут не было. За рисовыми полями потянулись лачуги крестьян, потом — более крупные и красивые дома. Алан загляделся на архитектуру. Она поражала воображение необычными очертаниями и плавными изгибами. Отряд проскакал мимо многоярусной пагоды с изогнутыми краями крыши, — она была восхитительна.

Местные жители при виде гостей останавливались и провожали их пристальными взглядами. Причем понять, о чем они думают, по их непроницаемым лицам было сложно.

Ближе к центру поселения копыта лошадей застучали по вымощенным камнями дороге. Дома по обеим сторонам дороги преобладали одноэтажные, с навесами, под которыми на скамейках и креслах сидели пожилые люди.

Пилигримы продвигались к центру поселения, справедливо полагая, что руководство должно обитать в сердце города.

Как-то незаметно улицы опустели. Всего пару минут назад спешили по делам крестьяне, шествовали важные господа в шелковых одеждах, семенили похожие на кукол женщины в кимоно и с кружевными зонтиками. И вот все куда-то исчезли, как по волшебству.

Пилигримы остановились, чтобы посоветоваться. Алан держал руку поближе к эфесу шпаги, готовый выхватить ее в любой момент. Нападения он не ждал, но странный оазис действовал на нервы, а оружие успокаивало. Товарищи Алана поступили так же. И только Кассия не притронулась к оружию. Зато она озиралась с тревожным видом.

Совещание было коротким. Раз уж пришли, надо было начинать диалог с местной властью. Даже если эта власть не спешит появляться на глаза.

Откуда-то донесся стук палки о мостовую, и через несколько мгновений из-за угла

приземистого деревянного строения с бумажными фонариками под крышей вышел весьма любопытный субъект. Это был низкорослый и худой старик в светло-сером балахоне. Гладкая лысина блестела на солнце, жидкая бороденка свисала с морщинистого подбородка, но черные глаза под густыми бровями смотрели живо и внимательно. Опираясь на палку, он просеменил мимо Пилигримов.

Матиас окликнул его и как можно вежливей поинтересовался, где находится местное начальство. Старикашка погладил бородку, хитро улыбаясь, и указал на двухэтажный дом, который ничем особо не отличался от других подобных домов, за исключением разве что двух бело-красных флагов по обе стороны от входа.

— Я так и подумал, что это ихняя мэрия, — заявил Димитрий глубокомысленно.

— Это и дурак понимай, — сказал Тэн.

Димитрий побагровел.

— Не понял?! Это ты меня имеешь в виду?

Алан поглядел на “мэрию”, потом повернулся опять к старику, но тот словно испарился. Алан удивился: площадь просторная, старик не успел бы убежать за угол.

— Тихо, ребята! А куда делся старик?

Тронув пятками бока лошади, он проскакал до ближайшей улочки, но там лишь гулял легкий ветерок, да позванивали декоративные колокольчики под навесами. Странно...

Остальных Пилигримов тоже удивил фокус со стороны старикашки. Однако времени стоять на месте и гадать не было. Всадники спешили, привязали лошадей к коновязи и сгрудились у входа в мэрию. Матиас постучал сначала осторожно и деликатно, потом, когда никто не откликнулся, громко и настойчиво. От ударов дверь слегка откатилась на роликах в паз — не заперто.

Разгорелась короткая дискуссия: входить в дом или нет, если тебя не приглашали. Димитрий и Алан выступали за незваное вторжение. Матиас и Кассия против. Тэн воздержался.

— Здесь явно происходит что-то непонятное, — сказала Кассия. — Нужно для начала разобраться, в чем дело, а потом входить в дом без приглашения.

— И как ты разберешься, в чем дело, если вокруг никого, кроме исчезающего деда? — сыронизировал Алан. — Надо войти и узнать, что к чему.

— Никто из нас не знает, какие в Зэн Секай законы и порядки. — Матиас озабоченно почесал бритую голову. — Вдруг наш поступок расценят как ужасное преступление?

— Да Тварь с ними, с преступлениями! — заорал Димитрий. — Мы же Пилигримы! Мы можем нарушать местные приличия, мы ведь не в состоянии помнить миллионы приличий в десятках тысяч Оазисов! Нам простят! Матиас, ты перестраховываешься! Скажи, Тэн!

Матиас дернул плечами, и Алан внезапно понял, что тот без Эмиля чувствует себя не в своей тарелке. Раньше решения принимал Эмиль, а остальные привыкли ему доверять.

Тэн прищурил и без того узкие глаза и с безмятежным видом произнес:

— Я всё равно, заходи или не заходи. Я ждать, пока вы решай.

Димитрий сплюнул и выругался. В караванах всегда нечетное количество Пилигримов именно для таких случаев: чтобы при голосовании кому-то принадлежало решающее слово. Но Тэн уперся и отказывался отдавать кому-то предпочтение.

— Вот что, — решил Алан. — Мы с Димитрием заходим, а вы оставайтесь, если хотите. Заодно подстрахуете.

Кассия сделала движение, будто хотела последовать за Аланом, но замерла и позволила

ему и Димитрию войти в двухстворчатую дверь.

Дверь захлопнулась — видимо, где-то скрывалась пружина. Алан и Димитрий оказались в темном коридоре. После света дня понадобилось время, чтобы глаза привыкли к полумраку.

В конце коридора Алану почудилась человеческая фигура. Он моргнул, и фигура исчезла.

— Эй, вы! — крикнул Алан. — Мы Пилигримы!

— Ты кому говоришь, парень? — спросил Димитрий.

— Ты его не видел?

— Кого видел?

Алан махнул рукой.

— Пошли.

Пилигримы двинулись вперед почти в полной темноте. Алан держался рукой за правую стену, Димитрий — за левую. Два шага — и оба нащупали дверные ручки. Или нечто, на них похожее.

Алан подвигал ручку туда-сюда. Дверь открывалась вбок, каталась на шарнирах, вдвигаясь в паз. И двери, и стены представляли собой деревянные каркасы с натянутой на них бумагой. Если как следует разогнаться, подумал Алан, без труда пробьешь весь дом насквозь, как шпага пробивает кишки.

В комнате, куда заглянул Алан, было посветлее. Уличный свет проникал сквозь небольшие окна. Никакой мебели, лишь встроенные в стены шкафы и стол на очень низких ножках посередине комнаты.

Алан вернулся в коридор.

— Что у тебя? — спросил Димитрий.

— Пусто.

— И у меня. Сумасшедший дом какой-то.

До конца коридора нашлись еще две двери друг напротив друга, а за ними — одинаковые пустые комнаты.

Коридор заканчивался развилкой; ход направо упирался в запертую дверь, на вид ведущую в подсобку. Слева узкая и крутая лестница возносилась на второй этаж. Ступени ее ужасающе скрипели. Если тут и прошел человек, то они его слышали бы. А может быть, он укрылся в подсобке?

Воображение архитекторов не блистало оригинальностью, и на втором этаже планировка ничем не отличалась от таковой на первом. Середину одной комнаты занимал миниатюрный стол с письменными принадлежностями, и Алан поклялся бы, что чернила на свитках, испещренных странными символами, высохли совсем недавно.

Димитрий, забредший в противоположную комнату, чертыхнулся. Что-то в его интонации заставило Алана выскочить из комнаты с письменным столом и присоединиться к нему. Кожа на шее и руках покрылась мурашками, а желудок болезненно стянуло.

— Что это? — вырвалось у него.

— Задница, — пояснил Димитрий. Голос его сел. — Вот что это. Задница для всех нас. Влипли.

Комнату наполнял тяжелый сырой запах с металлическим привкусом. Алану запах был знаком. Запах крови не забывается. Под потолком висела темная фигура в белом с пятнами саване. С кончиков пальцев рук и ног в корыто снизу стекала кровь. Судя по всему, человек

умер недавно.

Перед корытом стоял сундучок. Крышка откинута, и даже в полумраке видно, что он полон золотых монет.

— Почему это мы влипли? — поинтересовался Алан. Он уже пришел в себя, страх уступил место болезненному возбуждению пополам с любопытством. — Мы ничего не сделали.

— Поди докажи это здешним психам, — проворчал Димитрий. — Валить надо, друг Алан... И это... ларец прихватим.

— Украсть? — поразился Алан.

— Это будет возмещение за моральный ущерб, — Димитрий заговорил уверенней. — Все равно тут никого, Алан!

— Ну уж нет! Видал, как здесь разговаривают с желающими быстро разбогатеть?

Алан мотнул головой в сторону повешенного. Это был мужчина лет сорока, худой, жилистый, с длинными черными волосами и узким темным лицом.

— Пошли отсюда, Димитрий.

Пилигрим не спорил. Поворчав, он последовал вслед за Аланом.

Они беспрепятственно спустились по лестнице и миновали коридор на первом этаже. Входная дверь откатилась в паз после легкого толчка.

На улице возле коновязи переминались с ноги на ногу лошади. Бумажные дома напротив выглядели покинутыми людьми. Солнце скрылось за перистыми облаками, воздух над булыжной мостовой словно потемнел.

Матиас, Тэн и Кассия пропали.

— Нормально! — рявкнул Димитрий. — Куда наши упёрлись?

У Алана вспотели ладони. Пока не хотелось думать, что случилось непоправимое. Он вынул шпагу из ножен.

— Оружие — нет, — проговорил кто-то позади мягко.

Алан развернулся на каблуках. В дверях дома, откуда секунду назад вышли Пилигримы, стоял знакомый старичок с козлиной бородкой. Как он так очутился? На сухом лице хитрая улыбка, в уголках глаз морщинки.

— Прощу! — Старик посторонился. — Ваши друзья ждать.

Алан опустил шпагу, но прятать в ножны не торопился. Ситуация непонятная, в любой момент оружие пригодится. Старик усмехнулся и промолчал.

Вслед за стариком Пилигримы вошли в одну из комнат на первом этаже. При первом посещении в ней никого и ничего не было.

Сейчас в ней стояла скамейка, на которой рядком сидели Матиас, Кассия и Тэн. Позади них темнели силуэты людей в черном.

Тело Алана сначала пробил озноб, потом жар. Люди без лиц! Рыцари Дебрей! Алана поразила страшная догадка: его друзья взяты в заложники проклятыми Рыцарями.

— Нет! — Он прыгнул на черного человека, замершего позади Кассии.

Тишина в одно мгновение взорвалась криками, шарканьем, лязгом металла. Все задвигались. Алан не отвлекался на шум, его целью был черный человек. Узкое лезвие шпаги свистнуло, рассекая воздух. Алан миновал Кассию, возликовав в душе: теперь он находился между Кассией и черным человеком. Человек-тень беззвучно отлетел назад, в руках появились палки. Знакомые палки! Держа их обратным хватом, черный человек парировал атаки Алана.

Слишком знакомо! Алан знал, чем закончится этот поединок, даже если никто из остальных не вмешается. Его мимолетно поразило то, что им никто не мешает. Наверное, черные люди отвлеклись на бой с другими Пилигримами. В любом случае, думать об этом некогда. Алан швырнул шпагу в голову соперника, не особо надеясь попасть. Действительно, черный человек отбил шпагу куда-то в угол комнаты. Но этот отвлекающий маневр позволил Алану броситься вперед и схватить врага обеими руками поперек тела.

Миг — и Алан прогибом назад швырнул черного человека через себя на пол. Он оседлал врага и принялся наносить удары. Злость и восторг по поводу того, что удалось победить врага, оглушили Алана. Он не чувствовал, как его оттаскивают от поверженного человека. Его мускулы налились жестокой, тяжелой силой, он бил и бил, не ощущая боли в разбитых костяшках, и сдвинуть его не могла бы никакая сила.

Кто-то нежно коснулся пальцами его шеи. И внезапно силы покинули Алана. Навалившаяся слабость буквально превратила его в грудку тряпья. Он повалился на пол рядом с избитым человеком в маске. Комната повернулась вокруг оси, сбоку выскочила пара ног, загудели голоса. Затем в поле зрения теряющего сознание Алана всплыло морщинистое лицо старика.

— Хороший воин! — сказал он с акцентом, похожим на акцент Тэна. — Хороший смелость, хороший танден, полный Ки! Честный и не боится смерть! Если быть мой ученик, получается хороший синоби. Жаль, уже слишком поздно и скоро умирать.

Глава 7. Искатели смерти

Сознание ускользало от Алана, не покидая его насовсем. В ушах шумел прибор, перед глазами плыл туман, тело будто растворилось в небытии. Эмоции слабым дуновением колыхались на границах сознания, а мысли обрели текучесть и поразительную логичность. Алан еще никогда не мыслил столь беспристрастно.

Он думал, что Рыцари Дебрей поймали их. Пилигримы проиграли и, вполне вероятно скоро умрут. Кассия умрет также. Это скверно. Старик говорит с акцентом, а тот, что убил Эмиля, акцента не имел. Это странно, но объяснимо. Старик — житель Зэн Секай, а убийца — нет. Но оба они — одного поля ягоды, взять хотя бы палки, которыми они дерутся, и черные костюмы.

Сколько продолжалось бесцельное плавание на грани сна и реальности, Алан сказать бы затруднился, но придя, наконец-то, в себя, он обнаружил, что лежит на открытой веранде какой-то старой лачуги, а черное небо полно звезд. Рядом кто-то проворчал басом:

— Алан очухался... Интересно, чем это его приложили?

Голова у Алана кружилась. Он с трудом приподнялся, оперся на локоть и замер от отвратительного чувства, что пол под ним встает на дыбы. Под навесом тускло горели бумажные светильники, и в их свете просматривалось прямоугольное пространство веранды, устланное набитыми соломой тюфяками. На них в разных позах лежали и сидели Пилигримы. Что-то в их позах Алан почудилось странным, но мысль не успела оформиться: Кассии среди них не было.

— Где она? Где Кассия? — хрипло спросил он, пытаясь найти взгляд Матиаса. В полумраке сделать это было сложно.

— У старикашки, — ответил Матиас. — Они держат ее внутри дома.

Алан замычал и вскочил на ноги. Выпрямиться не получилось, что-то с силой дернуло его на пояс, и он повалился обратно на соломенный матрас. Тонкая и скользкая на ощупь веревка обвивала его за пояс и приковывала к стальному крюку в полу у стены. Длины веревки не доставало, чтобы выпрямиться. Алан сообразил, почему позы друзей показались ему странными: они должны были сидеть возле своих крюков у стены, а лечь, выпрямившись, мог только один из них. Алан схватился за шпагу — ее не было. У него забрали оружие.

— Не дергайся, братишка, — сказал Димитрий. — Мы уже пробовали. Веревку не разорвать, не протереть, не прокусить. Эти проклятые зэн-секайцы умеют плести веревки.

— Что им он нее надо?! — вскричал Алан.

— Ты, парень, совсем сдурел, как эта девчонка появилась среди нас, — прорычал Димитрий. — Надо говорить: “Что им от нас надо?” Мы все в одной упряжке, сечешь?

Алана посетило сильнейшее желание ударить Димитрия прямо по бородастой физиономии. Понадобилась вся сила воли, чтобы подавить это желание. Димитрий был, в конце концов, прав.

— У нас не было шансов, — спокойно сказал Матиас. Алан подумал, что спокойствие напускное. — Они дерутся как боги войны.

— Рыцари Дебрей дрались так же, — прохрипел Алан.

Матиас покачал головой.

— Сомневаюсь, что это они. Рыцари Дебрей были Пилигримами, а эти — Оседлые.

Алан уселся со скрещенными ногами, как Тэн, который сидел с закрытыми глазами, словно воплощенная невозмутимость. Происходящее его будто бы не касалось.

Головокружение у Алана, кажется, прекратилось, хотя слабость осталась. Действительно, чем его приложили? Он помнил лишь легкое прикосновение к шее. Он потрогал шею; ни шея, ни другая часть тела не болели.

— Люди в черном разоружили нас и посадили сюда, как слепых щенков, — рассказал Матиас. — Кассию тот дед увел в дом. Никаких звуков мы не слышали.

— Каких еще звуков? — набычился Алан.

Димитрий вдруг загоготал и издал несколько звуков страсти и похоти, сопровождая их недвусмысленными движениями. В его исполнении пантомима выглядела омерзительно. Даже у Тэна задергалось закрытое веко.

— Вообще-то я подумал, что ее будут пытаться, — пояснил Матиас. — Но вроде бы обошлось. Наверное, дед — джентльмен и предложил Кассии... более комфортные условия.

Димитрий снова разразился смехом.

Алан дотянулся до него сапогом и ударил по бедру.

— Заткнись!

Димитрий вскочил с неожиданной для его громоздкой комплекции легкостью. Веревка не позволила выпрямиться, и бородатый Пилигрим застыл на полусогнутых ногах, являя собой зрелище одновременно страшное и комичное.

— Я сам тебя сейчас заткну, щенок!

— Закрой рот или... — начал Алан, тоже вскочив и стоя на полусогнутых. Кровь стучала в груди и висках.

— Или что? — заорал Димитрий. — Убьешь меня, да? Из-за девки? Ты же, салага, вырос рядом со мной, Эмилом и другими, а стоило этой стерве покрутить задницей, и ты расстался с остатками разума! От этих бешеных дикарей она отобьется, не сомневайся, я-то помню, как она заехала мне локтем! А не отобьется — так хоть кто-то научит ее, как правильно вести себя с мужчинами.

— Димитрий, прекрати, — сказал Матиас, не поднимаясь.

Тэн открыл глаза, но не сменил позы.

— Кто тебе сказал, что ты мужчина? — тихо произнес Алан. — Ты до сих пор помнишь, как она заехала тебе локтем за то, что ты лапал ее!

— Ах, вот как? — прошипел Димитрий. — Значит, ты у нас заделался настоящим мужиком, а остальных ни во что не ставишь? Как выберемся из этой заварушки, мы с тобой поговорим по-другому.

— Договорились, — сказал Алан, кипя от злости.

— Да что с вами такое...

Договорить Матиасу не дала невысокая и тоненькая девушка, завернутая в белый, украшенный цветами лотоса, халат, что появилась из дома. Она отодвинула дверь, почему-то сидя на коленках, потом подняла с пола поднос с чашками и дощечками, на которых лежала какая-то еда, и переместилась через порог. Ее черные блестящие волосы были уложены в высокую прическу, из которой торчали деревянные спицы.

Она снова опустилась на колени, аккуратно подоткнув под них полы халата, и поставила поднос между Пилигримами.

— Кусати, — сказала она тонким, нежным голоском. Очевидно, так в ее устах звучало слово “кушать”.

Димитрий воззрился на нее, борода раздвинулась в широкой улыбке.

— Скажи-ка, детка, что вашим мужикам от нас надо? Мы ведь вам ничего не сделали!

Как-то вы невежливо поступаете с гостями.

Девушка улыбнулась, ее черные глаза блестели, как две смородины.

— Кусати, — повторила она певуче. — Говоричи потом.

— Да когда “потом”? Эй! — Димитрий схватил повернувшуюся, чтобы уйти, девушку за широкий рукав.

В следующую секунду произошло нечто удивительное. Девушка развернулась, перехватив руку Димитрия, который скривился и осел на пол. Стройная нога девушки описала быстрый, как взмах крыла бабочки, полукруг и придавила лицо Димитрия к полу. При этом девушка не выпускала вывернутую руку Димитрия.

— Я сказара “кусати, говоричи потом”, — внушительно повторила она, не переставая улыбаться. — Хоросё понимара?

— Да-да, я хорошо понял! — прохрипел Димитрий из-под ее маленькой ступни.

Дверь отодвинулась. На веранду вышел старик.

— Нани да окотта? — спросил он. — Назе коре ходо созоси?

Девушка выпустила Димитрия, поклонилась старику и удалилась в дом.

Димитрий медленно, постанывая, встал, растирая запястье.

— Дьяволица!

— Куноити — дьяволицы! — согласился старик. — Аико — лучшая ученица! Зря вы сопротивлялись ей. Лучше кушайте. Потом поговорим.

— О чем? — крикнул ему вслед Матиас. Но старик, проигнорировав вопрос, ушел в дом.

Ничего не оставалось, кроме как подкрепиться. Тем более, есть хотелось всем. Алан съел несколько рисовых валиков и кусочков сладкой рыбы, стараясь не смотреть в сторону Димитрия.

Ссора произошла как-то неожиданно, Алан вовсе не хотел, чтобы дело дошло до такого поворота.

Впрочем, подсознание шептало ехидно, что Димитрий нарывался давно...

Через полчаса на веранду снова вышел старик, руки сложены на животе, спрятаны в широких рукавах, морщинистое лицо растянуто в умильной ухмылке. Он спокойно уселся на колени рядом с Пилигримами, не волнуясь, что на него нападут. Не боится, потому что отобьется, подумал Алан, если вон у него ученица без усилий справилась со здоровенным Димитрием, то что говорить об учителе...

— Я имею к вам предложение, — заговорил старик. Акцента у него почти не было, но предложения он строил чуточку неправильно. — Нам надо победить Западного Дзёнина до летнего солнцестояния, и вы нам поможете.

— Кого надо победить? — спросил Матиас. Он хмурился, предложение ему не нравилось.

— Западный Дзёнин, — повторил старик. — Наш враг.

— А если мы не поможем, тогда что? — буркнул Димитрий.

— Мы вас всех убьем, — сообщил старик с прежней умильной улыбкой.

— Ну, я так и понял, — проворчал Димитрий.

— Зачем тогда спрашивал?

Бородатый Пилигрим не нашел, что ответить.

— Дзёнин, — продолжал старик, — это лидер секты, самый сильный синоби. Всего в

Зэн-Секай две секты — Восточная и Западная. Я — Исиро, Дзёнин Восточной секты Зэн Секай.

— А твой враг — лидер Западной? — уточнил Матиас.

— Да!

— А почему вы враги?

— Потому что Рафу, Западный Дзёнин, мой хозяин, а я — его раб.

На веранде установилась тишина. В ночной темноте стрекотали сверчки, вокруг фонарей толклась мошка. Алан переглянулся с Матиасом.

— Ничего не понял! — сказал Матиас.

Старик мелко засмеялся. Потом погладил жидкую бородку и степенно пояснил:

— Синоби — дети войны. А какая война может быть в одном Оазисе? Как сохранить свое предназначение, как не утратить боевой пыл? С древних времен мы разделены на две части, чтобы соревноваться друг с другом, воевать, состязаться и остаться благородными воинами. Победитель повелевает, проигравший подчиняется. За три ночи до летнего солнцестояния можно использовать все способы, чтобы победить соперника и стать господином на весь следующий год. Сегодня первая такая ночь, и я хочу использовать вас.

Старик умолк.

— Но это же бессмысленно! — воскликнул Алан. — Война вам нужна, чтобы оставаться воинами, а воины нужны, чтобы воевать! Чушь полная!

— Для вас — да, — не стал спорить дзёнин. — Но для синоби это смысл жизни.

— Какой от нас толк? Мы не умеем драться так хорошо, как ваши люди. Наверняка и люди этого вашего Западного дзёнина сражаются не хуже ваших.

Старик махнул сухой рукой.

— Вы нам понадобятся не как воины. Деретесь вы и правда неважно. У нас и своих воинов хватает. Вы нужны для другого. У меня есть план.

Тэн и Димитрий шевельнулись, видимо, собираясь полюбопытствовать, какой именно план придумал старик, но Алан их опередил с другим, более важным, на его взгляд, вопросом:

— Если мы сделаем всё, как вы хотите, нас отпустят?

— Да. — Дзёнин слегка поклонился.

— А если победит Западный дзёнин? — вмешался Матиас. В слабом свете бумажных фонариков он походил на чернильное изваяние; на лице поблескивали серебряные кольца, глазницы превратились в черные провалы.

— Я сделаю всё, чтобы вы покинули Зэн Секай в целости. Я помогать вам бежать, чего бы это мне не стоило.

Эти слова здорово успокоили бы Алан, если б в завершении фразы старикашка не хихикнул. Издевается он над ними или это у него такая манера общения?

Кто-то позади Алана едва слышно выдохнул — кажется, Тэн. Дзёнин Исиро застыл с полуприкрытыми глазами и легкой улыбкой, давая, как видно, Пилигримам возможность переварить сказанное. Товарищи Алана не спешили высказываться, даже крикливый Каганович помалкивал. Ночные мотыльки бесшумно бились о тонкую бумагу фонарей, где-то в невидимой листве дерева пел козодой.

— Значит, — произнес Алан, — мы участвуем в вашем плане по покорению Западного дзёнина, а вы, независимо от результатов мероприятия, отпускаете нас пятерых, включая девушку.

Старик молча кивнул всё с той же мерзкой ухмылочкой.

— Надеюсь, вы понимаете, что нарушили правила приема Пилигримов? Кое-кто в курсе, что мы отправились в Зэн Секай... Вам ведь известно о черных списках Пилигримов и Разрушенных границах?

Алан не удержался и глянул на Матиаса. Тот слегка кивнул: мол, ты прав, что напомнил старику о некоторой ответственности. Правда, никто из других Пилигримов не знал, что группа Алана ушла в Зэн Секай, но при желании любой — тот же Кривак, к примеру, — мог бы проследить маршрут.

На дзёнина угроза Алана не произвела должного впечатления.

— Ты грозишь уничтожить наш Оазис быстрым способом или медленным, — спокойно сказал он. — Но синоби не боятся смерти. Мы просыпаемся каждый день с мыслью о смерти, мы холим и лелеем ее. Мы — искатели смерти. Каждый настоящий воин должен помнить: скоро он умирать. Неважно, когда именно, важно лишь — как. Об этом я говорил тебе при второй нашей встрече. В то же время мы уважаем жизнь и не убиваем никого просто так, даже червяка.

“Так значит, он не угрожал мне, когда сказал, что мне скоро умирать?” — промелькнула в голове Алана мысль.

Вслух же он заговорил о другом:

— Кстати, совсем недавно мы повстречали Пилигрима, одетого как синоби и сражающегося как синоби. Это было в другом Оазисе. Он убил многих людей. Он и его приятели уничтожили целый Оазис Хоу Верден в горах! Он убил наших друзей...

Косматые брови дзёнина приподнялись. Впервые за всё время общения он выглядел удивленным.

— Вы оскорбить его?

— Нет!

— Тогда это не наш синоби, не из Зэн Секай. Потому что мы никого не убивать просто так. И потому что Пилигримы из наш Оазис не владеют искусством ниндзюцу. Мы проверяем детей, когда им исполняется пять лет. Мы выгоняем их через Черную границу. Если Тварь не нападет, мы отдаем ребенка в первый же прибывший к нам караван Пилигримов. Если Тварь нападет, мальчик или девочка бежать назад, на землю Оазиса. Если не успевать, не жалко: это не Пилигрим и плохой синоби. Пилигримов мы больше не обучаем, но они уметь немного сражаться. Примерно как вы.

Алан проигнорировал ехидство старика. Сколько Оазисов, столько и законов. Некоторые на редкость жестокие. Пилигрима этим не удивишь.

— Вы можете сказать, кем могут быть эти люди?

Исиро пожал плечами.

— Это может знать Западный дзёнин. Если мы победим, я спрошу его, и он не сможет не ответить.

Алан вздохнул. Оглянулся на товарищей. Они отвечали ему напряженными взглядами.

В сущности, выбора у них нет. Или помочь старику в его непонятных и глупых играх и, вероятно, заодно узнать личности Рыцарей Дебрей — или распрощаться с жизнью.

— Каковы наши шансы выжить в битве с Западным дзёнином? — неохотно спросил Алан.

— Мы не измерять шансы. Мы...

— Холите и лелеете смерть, — договорил за него Алан. Он тяжело вздохнул и спросил:

— Ну и каков ваш план?

Звезды поблекли в ожидании зари над восточными отвесными скалами, чьи подножия утопали в бамбуковых рощах, когда Пилигримы в сопровождении двух синоби выплонули из-за гребня холма. Дзёнина в отряде не было — он куда-то смылся, оставив гостей на попечении маленькой, стройной и очень опасной Аико, которая специально для этой вылазки переделалась в черный костюм.

— Там, дарьше, земря Западный дзёнин, — негромко сообщила она, указывая вперед, где расстились затопленные водой рисовые поля. — Туда ходи нерзья. Гэнины Рафу смотри!..

Сколько Алан ни напрягал зрение, никакого движения на полях, где вроде бы и спрятаться негде, не обнаружил. Однако не сомневался, что невидимые безликие гэнины тут кишмя кишат. Это была первая ночь из трех перед летним солнцестоянием, когда разрешается использовать любые методы, чтобы победить в извечном противостоянии дзёнинов. Рафу, несомненно, ждал своего визави, и его люди не дремали.

— Что она там бормочет? — прошипел сзади Димитрий.

— Сидим здесь и ждем сигнала, — ответил Матиас, поскольку Алан промолчал. — Как и договаривались.

Алан не стал отвечать Димитрию, хотя тот, похоже, больше не держал обиды на молодого Пилигрима. В ночном сумраке Алан положил руку с разбитыми костяшками на эфес шпаги. Предстояла заварушка... Кстати, синоби вернули оружие хозяевам. Кассия, с которой Алану разрешили перемолвиться парой слов, осталась в плену, как залог того, что Пилигримы не устроят Исиро какой-нибудь неприятный сюрприз.

После того как Алан убедился, что с Кассией всё в порядке, злость на дзёнина, заставившего их участвовать в дурацкой войне, заметно поубавилась. Алан даже с нетерпением ждал встречи с Рафу, чтобы задать ему пару вопросов.

Пока Алан смотрел на поблескивающие в звездном свете рисовые поля, спутник Аико, безымянный гэнин, куда-то подевался.

— А где?..

Мягкая ладошка Аико легла поверх запястья Алана.

— Не ворновасся, — прошептала она ему в ухо, встав на цыпочки. — Твоё сердце стучати быстро-быстро... Это из-за страх смерти ири из-за берая девушка?

Алан слегка отклонился, и ладонь куноити сорвалась с его руки.

— Не твое дело, — грубо сказал он.

Аико беззвучно рассмеялась.

— Из-за девушка!..

Больше глупыми вопросами она ему не досаждала. Минуты ожидания текли одна за другой. В постепенно светлеющем небе носились маленькие тени летучих мышей, где-то квакали лягушки и тянули заунывную песню ночные цикады.

План, который изложил им дзёнин Исиро, был прост и ясен, как намерения Тварей перед атакой на Оседлого. Да и опасность он представлял по большому счету только для самих синоби.

Далеко впереди, где, неразличимый за сумеречной мглой, лежал городок Западного

дзёнина, разгорелось красноватое сияние. Прежде чем Алан догадался, что это пожар, вдали, казалось, в самих Дебрях, протяжно и тоскливо завыл равнинный волк.

— Сигнал! — возбужденно прошипел Матиас.

Алан и сам понял, что это долгожданный сигнал. Он бросился вниз по склону, слыша позади топот спутников. Аико обогнала его тотчас же, серой тенью скользнув мимо. В ушах Алана свистел прохладный воздух; повернув на мгновение голову в сторону западного селения, он услышал слабое эхо встревоженных криков. На фоне усиливающегося пожара носились фигурки людей.

Бегущая впереди Аико махнула рукой, что-то коротко свистнуло, и прямо по курсу раздался отрывистый вопль. Спустя минуты три Алан пробежал мимо черной кучи — это остывало тело гёнина из противоборствующей фракции. Аико больше не метала стилеты, но вокруг то и дело кто-то вскрикивал, и Алана не покидало отвратительное ощущение, что летающие повсюду метательные звездочки — кажется, они называются сюрикены — сейчас вонзятся ему прямо в глаза...

Он не видел земли под собой, бежал по прямой, стараясь не упускать Аико из поля зрения, а ночь наполнилась криками и смертью. Невидимые синоби мельтешили во тьме, будто летучие мыши, пытаясь убить Пилигримов и защищая их, и Алан не представлял, как они отличают друга от врага.

Наконец они добежали до пункта назначения — Черной границы, что блестела в свете нарождающейся зари и пожара как река маслянистой черной крови. Здесь бегунов ждали около десятка синоби Исиро. Среди них наверняка был и исчезнувший с гребня холма напарник Аико.

— Посмотри! — прошептал Матиас, протянув руку к Черной границе.

Ее гляцевая поверхность не везде была гладкой. Алан отчетливо различил идущую поперек границы шероховатую полосу.

Аико обменялась с соратниками отрывистыми фразами, затем повернулась к Алану:

— Вы готовы?

— Мы готовы.

Она кивнула черным людям, и двое из них, пошарив на земле у самой границы, с усилием потянули что-то, напоминающее длинный кусок кожаной полосы шириной в локоть.

Одновременно шероховатая полоса на Черной границе сдвинулась и поползла внутрь Оазиса.

“Когда-то давно, — сказал Пилигримам старый Восточный дзёнин, — мои предшественники, великие синоби, разорвали с помощью громового порошка Черную границу. А после закрыли разрыв осколками так плотно, что ни одна Тварь не могла проникнуть к нам. Этот разрыв постоянно напоминай нам, что мы живем в кольце смерти и как хрупка человеческая жизнь”.

“Это ведь опасно, — возразил Алан. — Любой дурак может запустить Тварей, и тогда вашему Оазису конец. Зачем постоянно помнить о смерти?”

Синоби хитро улыбнулся и поднял сухой палец.

“Только в присутствии смерти жизнь обретает вкус!”

Алан не собирался с ним спорить: понял уже, что эти люди просто помешаны на смерти. Но в последних словах старика он углядел некоторый смысл. Что, как не опасность в купе с зовом новых земель влечет Пилигрима за горизонт? Почему сам Алан начинал

тяготиться, если проводил в одном Оазисе больше недели? Смерть придает жизни остроту, с этим не поспоришь, хоть и звучит эта мысль подчас дико.

Сейчас Алан не без содрогания следил, как два гэнина тащат кожаную полосу, на которой крепились осколки взорванной когда-то Черной границы. План Исиро был гениально прост и ужасен. Основные силы восточных синоби этой ночью были направлены на Западный поселок. Люди Исиро устроили там суматоху и пожар, чем отвлекли сторожей Разрыва границы. Всех отвлечь не удалось — да никто этого и не ждал, — но отряд Аико с охраной справился без потерь. Разорвав границу, синоби впустят в Оазис Тварей, а Пилигримы постараются направить их в Западный поселок.

“Ваш план слишком опасен, — сказал Алан дзёнину, — для вас же. Мы можем упустить Тварь, и она убьет много людей, причем ей будет всё равно, из Западного поселка человек или из Восточного”.

Он ожидал очередных сентенций о том, что синоби не страшатся смерти, однако старик его удивил. Он положил узкую, но твердую ладонь Алану на плечо и сказал:

“Я верю, ты справишься. В твоих глазах горит огонь небесной Ки, а это хороший знак”.

“Тварь в любом случае кого-нибудь да убьет. Ее эманация для Оседлых гибельна”.

“Вы выгонять ее из Оазис и закрыть разрыв, когда Рафу сдаваться. А синоби очень быстрый, они убегают от Тварь. Рафу сдать, чтобы его люди не умирать, это я знаю точно”.

Препираться было бесполезно, и Пилигримы согласились выполнить свою часть работы. В сущности, риск для самих Пилигримов в этой аванюре был минимальный. Дзёнин обещал защищать их от противников, а Пилигримы обещали защитить синоби от Тварей.

— Аико, — позвал Алан. Куноити обернулась. — Кому-то из вас придется выйти в Дебри, чтобы вызвать Тварь. Он будет рисковать. Остальным нужно отойти как можно дальше от разрыва.

— Хоросё, — Аико кивнула и что-то скомандовала воинам на своем языке. Синоби, все как один, отступили во мрак и исчезли. Осталась одна Аико.

— Так это ты?!

— Не ворновасся, — хихикнула она.

Не медля больше, она перебежала через Черную границу и остановилась метрах в тридцати от нее в Дебрях. Алан уже почти отчетливо различал в свете зари ее тонкую фигурку, стоявшую по колено в траве.

— Тиотто аната, курицся, дэтэкюрю! — звонко закричала она.

О чем она кричала, Пилигримы, ясное дело, не поняли, но Алан догадывался, что бесстрашная куноити вызывает Тварь.

— Огонь девка, — пробормотал Димитрий позади Алана, который вдруг подумал, что как минимум один раз Аико уже бывала в такой ситуации и выжила. Тогда ей должно было быть пять лет.

— Такой девушка можно брать в жены, — поддакнул Тэн. Он, как и все Пилигримы, вынул оружие, готовясь к столкновению с Тварью. — И не боятся ничего и никого.

— Кроме нее самой, — добавил Димитрий. — Будет не в духе, яйца тебе снесет одним мизинцем левой ноги, Тэн...

Аико замолчала, и на краткое время наступила тишина. Лишь за спиной Алана похрюкивали давящиеся от смеха Димитрий и Тэн, чье похабное воображение, видимо, разыгралось вовсю. Это они от напряжения, подумал Алан. Раньше они никогда не

готовились управлять Тварью внутри Оазиса.

— Вам не кажется, друзья, что мы в чем-то похожи на Рыцарей Дебрей? — произнес задумчиво Матиас, который оставался спокойным и серьезным. — Если не удастся совладать с Тварью, она разнесет всё тут вдребезги, а пожар, который учинили наши приятели, докончит начатое Тварью. И уже к утру Оазис Зэн Секай будет выглядеть не лучше Хоу Вердена!

Хрюканье мгновенно прекратилось.

— Да ну тебя, Матиас! — пробасил Димитрий. — До такого не дойдет. Мы не Рыцари мать их, Дебрей и уничтожать Оазис не намерены. А в крайнем случае эти узкоглазые попрыгунчики сами нарвались... Прости, Тэн, ты ж у нас тоже узкоглазый, гы-гы...

— Пошел ты, Рыжая Борода!

У Алана при словах Матиаса холодок пробежал вдоль хребта. Теория о том, что Рыцари Дебрей родом из Оазиса Зэн Секай, находит всё больше подтверждений: Рыцари дерутся, как синоби, одеваются так же и уничтожают Оазисы, взрывая Черную границу. Но почему дзёнин Исиро отрицает, что Рыцари могут быть Пилигримами?

Алан сжал челюсти. Вся надежда на Западного дзёнина...

Тварь появилась, как всегда, неожиданно.

Колодец, очевидно, прятался в высокой траве. Тварь вылетела из него с леденящим душу металлическим визгом и, словно гигантский многосуставчатый палец, согнулась в сторону Аико.

Куноити побежала к Черной границе, благополучно пересекла ее и снова повернулась лицом к монстру, который по-змеиному скользил к ней в колышущейся траве. Вероятно, Аико беспокоилась, что Тварь замешкается перед границей и не заметит разрыва.

— По местам! — крикнул Матиас.

Пилигримы, как было оговорено ранее, растянулись в линию, спиной к Восточному селению, лицом — к Западному. Ни в коем случае нельзя было допустить Тварь в селение Исиро. Тварь следовало гнать в Западное селение, а потом залечь в окрестностях, чтобы не быть убитыми синоби противников. Когда люди Восточного дзёнина дадут сигнал дымовой пашкой, что будет означать капитуляцию Рафу, Пилигримы постараются изгнать Тварь обратно через разрыв в Дебри.

Всё просто и в то же время безумно.

Вопреки ожиданиям Аико, Тварь не промедлила перед границей ни мгновения. Серо-стальной сегментированной тушей она скользнула по разрыву на территорию Оазиса, где ее встретили Пилигримы. Матиас, Димитрий и Тэн, громко вопя и размахивая оружием, погнались Тварь в нужном направлении, а Алан встал прямо перед разрывом, чтобы отрезать ей путь назад.

Пока всё идет как по маслу, восторженно подумал Алан, наблюдая, как Тварь помчалась к Западному селению. За ней трусцой побежали Пилигримы. Алан дернулся было вслед за ними, но его внимание привлекла Аико.

Солнце было готово вот-вот взойти, и при свете зари он мог разглядеть ее лицо, не скрытое маской. Она улыбалась.

— Хоросё... — сказала она с блаженным видом. Ее раскосые глаза закатились.

Алан прыгнул к ней и успел подхватить на руки. Аико потеряла сознание — то был результат воздействия эманации Твари.

— Эй, кто-нибудь! — крикнул Алан.

Никто из синоби не появился.

Алан не сумел нащупать пульс на белой шее Аико.

“Ну вот и первая жертва этого сумасшествия, — подумал он мрачно, положив ее на траву возле рисового поля, — неужели нигде в мире нельзя жить без глупых жертв?”

Глава 8. Западный дзёнин

— До сих пор поверить не могу, что план удался, — сказал Матиас тремя часами позже, сидя на трясущейся телеге, запряженной парой волов. — Такое ощущение, что какая-нибудь гадость еще даст о себе знать.

Матиас обливался потом, отчего его гладкая темная кожа блестела как отполированная, широкие ноздри раздувались от тяжелого дыхания. Такими же запыхавшимися выглядели и Тэн с Димитрием.

— Тварь мы выгнали и разрыв закрыли, — сказал Алан немного смущенно. Он единственный, кто не запыхался. Неудивительно: он оставался у Черной границы с Аико на руках всё то время, что остальные Пилигримы носились, как угорелые, за Тварью. Эта беготня длилась битых два часа, пока в воздух над Западным селением не взвилась дымовая пашка. Алан не имел права покидать пост, чтобы не дать другим Тварям проползти в Оазис, но менее виноватым себя от этого не чувствовал.

— Гадость вполне может и случиться, — прохрипел Димитрий, — если этот старый пердун Исиро откажется от своих слов. Мы и сделать-то ему ничего не сможем!

Тэн, утирая мокрое лицо широким рукавом халата, оптимистично проговорил:

— А я думать, что старый пердун держать слово.

Алан кивнул ему:

— Вот и я так думаю.

Но на душе кошки скребли. Дзёнин уже нарушил негласное правило гостеприимства по отношению к Пилигримам. Во всех Оазисах принято принимать Пилигримов как почетных гостей, всячески ухаживать и не оставлять без внимания. За пока еще недолгую карьеру Алан никогда не сталкивался с подобным обхождением. Если старик нарушил это правило, то нарушить собственное слово для него, в сущности, не проблема. Хотя где-то глубоко в подсознании Алан был уверен, как и Тэн, что Исиро их не обманет. Этот фанатик не боится смерти, но честь кое-что для него значит.

Повозка, на которой везли победителей Западного дзёнина, никак не походила на триумфальные колесницы, на которых возвращались с локальных войн правители Оазиса под названием Ромул. Ею правил флегматичный юноша в потрепанной одежде земледельца и соломенной широкополой шляпе. На самом деле это был синоби под прикрытием. Алан порадовался про себя, что суровые воины догадались навалить на повозку мягкого и пахучего сена, иначе на ухабах Пилигримы отбили бы себе все кости.

После бессонной ночи у Алана слипались глаза, да и его друзья то и дело громогласно зевали. Желание упасть и уснуть мертвым сном подавлялось нарастающим чувством голода и тряской повозки. К счастью, вскоре они подъехали к двухэтажному зданию в центре Восточного селения, где Пилигримам пришлось пережить не самые приятные в жизни приключения.

День уже был в разгаре. По яркому небу плыли кучевые облачка, но ни малейшего ветра не ощущалось, солнце палило, и начиналась нешуточная жара.

Вокруг здания выстроились синоби в черном, но без масок. Скуластые и раскосые лица были непроницаемы. На длинном флагштоке перед зданием повис флаг темно-синего цвета с непонятным кроваво-красным иероглифом, выглядевшим так, будто его нарисовали несколькими ударами меча.

Что-то подсказывало Алану, что весь прошлый год этот флаг красовался перед “домом советов” в Западном селении.

Охая и крякая, Пилигримы слезли с повозки. К ним подошел один из синоби, совсем еще юноша, с перышками редких усиков на верхней губе, круглолицый и прыщавый.

— Уважаемые Пилигримы, прошю за мной, — проговорил он.

Вслед за проводником Пилигримы вошли в темный и прохладный коридор. На сей раз он не пустовал: справа и слева вдоль него застыли воины в черном с выглядывающими из-за плеч рукоятками мечей.

Юный проводник абсолютно беззвучно прошел по коридору, затем по лестнице поднялся на второй этаж. Остановился возле двери в комнату, в которой Алан при первом посещении обнаружил только стол с письменными принадлежностями. А за дверью напротив Димитрий наткнулся на повешенного человека и ящик с золотыми монетами...

Согнувшись в три погибели, юноша отодвинул в сторону дверь и жестом пригласил Пилигримов войти.

Стол стоял на прежнем месте. Никуда не делись и письменные принадлежности: чистый пергамент, похожая на квадратное корытце чернильница и аккуратные кисти.

Исиро сидел с поджатыми под себя ногами лицом к двери. Он зачем-то обмотал голову белой матерчатой полосой. При виде Пилигримов слегка кивнул.

Напротив него, спиной к вошедшим, в той же неудобной позе сидел какой-то человек в черном халате и маске.

Алан быстро оглядел помещение в поисках Кассии, но других людей здесь не было. У Алана неприятно захолонуло сердце. Где Кассия? И кто этот человек, похожий на Рыцаря Дебрей?

— Белый цвет в Зэн Секай — цвет траура, — объявил Исиро. — Мы потеряли много людей с обеих сторон, но такова наша судьба. Тварь убивать людей Рафу. Люди Рафу убивать наши люди. Мы убивать шпион и предатель. Один из них вы видеть повешенный в первый наш встреча...

Алан и Димитрий обменялись выразительными взглядами. Оба прекрасно помнили повешенного беднягу в этом доме. Он истек кровью; наверняка его пытали перед смертью. Что за суровый и жестокий народец...

— Больше всех я скорблю о моей лучшей ученице Аико, — продолжал Исиро. — Она могла стать великой куноити...

Старик повернул голову к Алану. На губах у него заиграла легкая улыбка. Скорбь по погибшим не особенно испортила ему настроение.

— Вы сдержали слово, Пилигримы. Теперь настала моя очередь выполнить обещание.

Он хлопнул в ладоши. Тотчас дверь открылась, в проеме промелькнули темные фигуры, а потом — Алан заморгал от неожиданности — вошла Кассия. Алан не видел ее всего лишь чуть менее суток, а радость, что он испытал, была такая, словно они встретились после нескольких лет разлуки.

— Привет... — немного неуверенно сказала она.

Алан не сразу сообразил, отчего она смущается. Вероятно, считает себя виновной в том, что стала инструментом манипуляций остальными Пилигримами. Ведь она такая гордая и независимая... То, что всё это произошло не по ее вине, конечно же, совесть не успокаивало. Так уж устроен человек.

Мужчины загомонили, приветствуя коллегу. Алан улыбнулся Кассии, но не стал, в

отличие от Матиаса, обнимать ее. Или целовать ее в щеку, как наглец Тэн.

— Я также обещал, — продолжил Исиро, который больше не казался противным и ехидным старикашкой, — что в случае победы вы зададите Западному дзёнину любой вопрос. Он перед вами. Знакомьтесь, Западный дзёнин Рафу, мой враг и отныне покорный раб.

Он что-то приказал на стрекочущем наречии. Сидящий напротив него человек в черном поднял руку и снял маску.

Алан ожидал увидеть такого же сухонького старика, как и Исиро. Или в крайнем случае, мужчину помоложе.

Но дзёнин Рафу его удивил. Стянув маску, он встряхнул длинной гривой черных с проседью волос. На Пилигримов спокойно и даже холодно глянули раскосые глаза пожилой дамы. Впалые щеки, узкий подбородок, испещренный морщинами лоб — вряд ли Рафу была моложе Исиро.

Чёрт, подумал Алан, разве Исиро не отзывался о Рафу как о мужчине? Тварь бы побрала этот зэн-секайский акцент...

— Мать моя женщи... — начал было Димитрий, но смешался и не закончил.

— Мы хотим знать, кого из Пилигримов вы обучили искусству синоби, — сказал Алан.

Пилигримы сидели вокруг стола на полу, Рафу оставалась на прежнем месте, невозмутимая, точно идол. Исиро неслышно передвинулся в угол, не поднимаясь с колен.

Сонливость Алана как рукой сняло. Наступил момент истины. Алану уже представлялось, что он хватает проклятого Рыцаря Дебрей за горло... Воображение, впрочем, не подсказывало, каким образом он сможет победить Рыцаря, но бурлящим в груди эмоциям было наплевать на эти мелочи.

— Девять лет назад я была раб Исиро, — нараспев произнесла величественная и смертоносная старушка, прикрыв веки, — как сейчас. В битве с Восточный Дзёнин погиб мой гэнин Осаму. Мой единственный сын. Я хотела прервать своя жизнь от горя, но закон Зэн Секай велит жить, пока не избран следующий дзёнин, а достойных, способных победить меня в равной схватке, не было среди синоби Западное селение. Однажды я гуляла в Дебри, призывая смерть, но смерть не хотела прийти. В одном дне пути на восток от наш Оазис я наткнулась на мальчик, почти юноша. Он умирал от жажды и голода. Я привела его домой. Я взяла его в семью. Он сказал, что сбежал из свой Оазис. Я думаю, он был Пилигрим. Я обучала его ниндзюцу, и он был неплохой воин.

— Вы целый день ходили по Дебрям, и Твари не напали на вас? — удивился Матиас.

— Как его звали? — воскликнул Алан. — Из какого Оазиса?

— Он не сказал своё имя, — строго ответила Рафу. — Он хотел забыть прошлое, а я не заставляла его. Я называла его Осаму...

— Великий дзёнин, куноити, — презрительно заговорил из своего угла Исиро, — всего лишь женщина, пусть и с мужским именем, и ее танден наполняет слабое Инь!..

Старушка бросила на него равнодушный взгляд.

За нее внезапно вступилась Кассия:

— Она очень сильная и сделала доброе дело! Не нужно так презрительно о ней отзываться!

Узкие глаза Исиро блеснули, он причмокнул губами, но от дискуссии воздержался.

— А другие? — с нетерпением спросил Алан. — Другие Пилигримы, которых вы обучили?

— Других не было. Только мой Осаму.

Ответ привел Алана в замешательство. Рыцарей Дебрей было несколько, хотя он видел лишь одного. Пракаш говорил о нескольких пришельцах без лица, да и не мог один человек уничтожить Оазис. Скорее всего, этот чертов Осаму нашел впоследствии единомышленников и обучил их ниндзюцу сам.

— Где он сейчас? Куда он делся?

— Он покинул Зэн Секай с Пилигримами три года назад.

— Какими Пилигримами? Как их имена?

— Их лидер назывался Куроваку.

— Кто?

Матиас чертыхнулся.

— Кровак, мать его!

Алан потрясенно разинул рот.

— Кровак заодно с Рыцарями Дебрей?

— Да ну, брось! — рявкнул Димитрий. — Я знаю Кровака как облупленного! Он конечно, любитель пожрать и выпить, да и ведет себя иногда как полный козёл, но чтобы связываться с маньяком!.. Я с ним ездил по Дебрям сто лет назад. Нет, нет и еще раз нет! Вряд ли он знал, кого пригрел!..

Алан посмотрел на Матиаса. Тот молчал, но на лице застыла тревога. Надо с ним поговорить без Димитрия и остальных...

— Какие поблизости есть Оазисы, Матиас? Кроме Санти? Откуда мог взяться этот парень?

— В паре дней пути есть Либера... Дальше — Парадайз, парочка диких Оазисов названия не помню... Потом, если забирать в северу — Разрушенные Оазисы...

— Те, о которых ходят легенды? — спросил Алан.

— Да.

— А еще дальше?

— Не знаешь? — усмехнулся Матиас. — Дальше Галльфран, твой родной Оазис. — Но до него далековато, почти три недели пути верхом.

В иное время на Алана накатило бы мгновенное чувство ностальгии, которое время от времени его посещало, но ни разу не достигло такой силы, чтобы решиться навестить его. Возможно, пришло время это сделать. Вернуться туда, где всё начиналось.

— Что это за Оазис — Либера? — спросил он.

Матиас заулыбался. Тэн, к удивлению Алана и Димитрия, тоже.

— Удивительный Оазис, жители которого превыше всего ценят личную свободу. Свободу от всего...

— Там хорошо! — сладко жмурясь, поддакнул Тэн.

— А ты-то когда там успел побывать? — буркнул Димитрий, не скрывая досады.

— Ты тогда работай с Кровак, — объяснил Тэн. — Это потом ты подраться с ним и перебежать к Эмиль Ламар.

— Ясно. — Димитрий побагровел. — Кто старое помянет, тому глаз вон — слышал такое, Тэн?

— Как выглядят жители Либеры? — поинтересовался Алан у Матиаса.

— Они очень красивы, — признал Матиас. — То есть, они белые, как ты. И волосы у них как у Кассии. Или даже светлее. И они все загорелые.

— Очень загорелые! — снова поддакнул Тэн со смешком.

Алан раздраженно глянул на него, и тот сразу посерьезнел. Веселье Тэна отвлекало от главного — выяснения личности Рыцаря. Он повернулся к Рафу:

— Как выглядел Осаму? Тот, которого ты нашла в Дебрях? Он был похож на вас? Или на Матиаса? Или на жителей Санти? Вы ведь все знаете Санти?

Рафу окинула его взглядом. Тонкие губы тронула легкая усмешка.

— Мой Осаму был необыкновенный... — мягко произнесла она, и Алан сообразил, что она по-своему любила этого мальчика, который позже стал страшным убийцей. Не исключено, что благодаря ее воспитанию. — И он был похож на тебя, юный Пилигрим.

Когда Алан проснулся, сквозь бумажные окна гостевого домика в помещение проникал голубоватый вечерний свет. В комнате, где Исиро разместил Пилигримов, напрочь отсутствовала мебель. На матрасах, набитых рисовой соломой, храпели на разные голоса Дмитрий и Тэн. Матрас Матиаса был пуст.

Стараясь не шуметь, Алан поднялся и вышел на узкую открытую веранду, опоясывающую весь дом. Возле крыльца выстроились сапоги путешественников. Алан нашел свои и, усевшись на порог, принялся их натягивать.

Вокруг домика, окутанный вечерними сумерками, рос удивительно красивый и аккуратный садик. Неподалеку, сразу за цветником, журчал ручей. По изогнутой тропинке беззвучно перемещался темный силуэт Матиаса; заложив длинные мускулистые руки за спину, он оглядывал декоративные деревца.

— Давно встал? — окликнул его Алан.

— Недавно. — Матиас подошел и присел рядом. — Красиво здесь. И тихо.

Алан усмехнулся.

— Не везде. И не всегда.

— Это верно, — согласился Матиас.

— Выспались на славу!.. Эти двое всё ещё дрыхнут. А где Кассия?

— Она не выходила из своей комнаты.

— Когда все проснутся, надо будет решить, когда уходить в Дебри.

Темнело стремительно. В кустах застрекотал сверчок. После краткой паузы Матиас сказал:

— Полагаю, это очевидно. Утром.

— С каких пор ночевка в Дебрях пугала Пилигримов? — тут же отреагировал Алан.

— С тех самых, как появились Рыцари Дебрей! — горячо зашептал Матиас.

— Рано или поздно нам придется заночевать в Дебрях!

— Но не вблизи от Оазиса, который породил этих чудовищ!

В лицо Алана ударила кровь. Он порадовался, что темно, и не видно его багровой физиономии. Усилием воли сдержался и спокойно сказал:

— Хорошо, Матиас. Подождем, что скажут остальные.

Снова повисла пауза.

Потом Матиас заговорил мягким и прочувственным тоном:

— Я понимаю, Алан, что тебе не терпится отправиться в погоню за Рыцарями. Но поспешность не доведет до добра.

— Он убил Эмиля! — вспыхнул Алан. Всё-таки горячий нрав дал о себе знать. — Твоего друга! Моего друга! Этот человек без лица, этот Осаму, Тварь бы его подрала, без причины, от нечего делать убил моего... — Он запнулся. Слово “отец” чуть не сорвалось с губ.

Матиас помолчал. В саду стало почти совсем темно. В доме кто-то приглушенно заговорил хриплым басом. Парни проснулись.

— Мы даже не знаем, как его убить... — пробормотал Матиас.

— Что-нибудь придумаем.

— Что? Оружие сложнее лука со стрелами в Дебрях не действует! С учеником Рафу нам не справиться, даже если к нам присоединятся люди Кровака!

— Кстати, насчет Кровака. Он должен кочевать где-то в этих местах. Он собирался в Грейстоунхилл... Он должен что-то знать. Он ничего не рассказывал вам с Эмилем о парне из Зэн Секай?

Матиас покачал головой.

— Может, и рассказывал, но мы не запомнили. Он знатный сказочник, этот Стефан Кровак. Понарассказывает небылиц — хоть записывай.

Алан мрачно уставился на сплетенные на коленях пальцы рук. Разбитые о лицо синоби костяшки пальцев покрылись коростой. Тогда он считал, что избивает Рыцаря Дебрей. Боли он не чувствовал. Встреться Рыцарь ему еще раз — а этого не избежать — Алан не пожалеет ни костяшек, ни здоровья, ни жизни, чтобы покарать этого убийцу.

Так, сначала следует навестить Либеру — это в двух днях пути, совсем близко. Разузнать там насчет сбежавших пареньков-Пилигримов. Потом, смотря по обстоятельствам, поискать караван Кровака. Это отличная зацепка.

Есть риск, что ребята имеют другие планы. Алан сжал челюсти. В сущности, планы у Пилигримов одни и те же: подзаработать золотишка, прогулять их в Оазисах и идти за горизонт... Тэн явно не будет возражать прогуляться в Либеру: кажется, от этого Оазиса у него остались приятные воспоминания. Димитрий тоже вряд ли заупрямится. Сомнения внушал Матиас, которого, судя по всему, смущает идея мести. Отчасти Алан его понимал: Матиас просто-напросто боится. Много лет он странствует по земле, и никогда им не двигала месть. Он хочет, чтобы всё было по-старому, чтобы всё вернулось на круги своя.

Такая черепашня тактика — спрятать башку в панцирь и притвориться, что ничего не случилось, — Алана выводила из себя. Если игнорировать проблему, она от этого не исчезнет. Нужно выходить к ней навстречу и решать ее. Рыцари уничтожили один Оазис, уничтожат и другой. С этой проблемой необходимо покончить.

Вот только как? Этих синоби голыми руками не возьмешь.

— Смирно прошу прощения...

Алан и Матиас одновременно подняли головы. Перед ними стояла, засунув руки в широкие рукава черного халата, дзёнин Рафу. Волосы она убрала в высокую шишечку, из которой торчало несколько деревянных спиц. У Алана по загривку пробежал холодок. Он совсем не заметил ее приближения...

— Что случилось? — вырвалось у Алана.

— Мой господин, дзёнин Исиро, повелел нам сторожить ваш сон и удовлетворять ваши желания. Сейчас мои люди принесут вам еда.

— А, хорошо, — сказал Матиас.

Алан ощутил, как он расслабился.

Рафу не спускала глаз с Алана.

— Если можно, я хочу поговорить с тобой, юный Пилигрим.

— Со мной? — удивился Алан.

— Да.

Он с Матиасом переглянулся. Вряд ли старуха замышляла недоброе. Хотела бы убить, убила бы так, что Алан и не понял бы, как умер.

Алан встал и по привычке отряхнул седалище, хотя доски ступеней были чистыми.

— Я скоро, — сказал он Матиасу.

Вместе с засеменившей по тропинке Рафу Алан двинулся прочь от домика. Отошли они недалеко. Рукотворная полянка в обрамлении душистых цветов и камней разной формы едва освещалась светом звезд и восходящей луны.

Рафу подняла руку, щелкнули сухие пальцы. Тотчас где-то в кронах деревьев вокруг мягко засветились бумажные фонарики. В их свете поляна приобрела сказочный вид.

Похоже было, что на деревьях, словно спелые плоды, висят эти невидимые дети ночи в ожидании приказов со стороны дзёнина.

— Прошу прощения, — заговорила Рафу, — но я слушала. Мой Осаму убил дорогого вам человека без причины?

— Да... То есть нет... Причина была, — забормотал Алан. Голосок в голове подсказывал, что с Рафу надо быть предельно точным. Это важно. — Сначала мы наткнулись на разрушенный Оазис, кто-то взорвал Черную границу и устроил пожар. Твари и огонь уничтожили все население... Единственный выживший сказал, что это сделали Рыцари Дебрей — люди без лица. В Санти один человек хотел нам поведать что-то о Рыцарях Дебрей, но его убил некто в черном, похожий на синоби. Мы сражались с ним, и наш друг погиб.

Когда Алан закончил рассказ, Рафу отвела взгляд. Ее морщинистое лицо стало еще более невыразительным, хотя это трудно представить.

— Он хотел освободить их... — прошептала она. — И они отринули его предложение... Они захотели остаться в своих тюрьмах, как и народ Зэн Секай...

— Что?

— У моего Осаму была мечта, — произнесла Рафу громче. Ее взгляд потеплел. — Он хотел освободить все Оседлые этого мира. Он хотел подарить всем всё. Но людей держит не только Черная граница. Граница у нас здесь, — она постучала по лбу пальцем. — Известно ли тебе, что значит слова “Зэн Секай”? Они значит “Эта земля”. Наш Оазис и есть вся земля для нас.

— Освободить? Как? Уничтожить границы и отдать людей на растерзание Тварям?

— У Осаму был план. Но я не слушать его. Я ведь тоже умею ходить по Дебри, и чудовища не видят меня.

Алан не поверил ушам.

— Вы — Пилигрим?

Ему вспомнилось удивление Матиаса, когда Рафу рассказала, что целые сутки гуляла по Дебрям.

— Н-но... П-почему? — Он начал заикаться от потрясения. — Почему вы отказались от странствий по Дебрям? Почему не захотели посмотреть на весь мир?

— Для меня Зэн Секай и есть весь мир, — с усмешкой сказала Рафу. — Человек сам выбирает путь. Иногда он выбирает клетка. И очень часто.

— Да вы просто не знаете, от чего отказались! — вскричал Алан. — Вас надо насильно отправить в Дебри, показать другие Оазисы, тогда вы поймете...

Рафу глянула на Алана, и тот умолк, не договорив. Заставить дзёнина что-либо сделать против его воли — интересно, как это провернуть...

— Так говорил и мой Осаму, — спокойно сказала старушка. — Насильно. Насильно выгнать из клетка. Насильно даровать свобода.

— Простите... — пробормотал смущенный Алан. Перед глазами встали дымящиеся руины Хоу Вердена. Все его жители и впрямь стали свободными.

Рафу снова усмехнулась, но на сей раз по-доброму, чуть ли не материнской улыбкой.

— Эту ночь я буду учить тебя, и ты будешь мой новый ученик. Одна ночь — мало, чтобы стать даже самый плохой гэнин, но достаточно, чтобы выучить один-единственный прием. Он может спасти твоя жизнь, когда ты встретишься с Осаму снова.

Глава 9. Снова в Дебрях

С первыми лучами солнца Пилигримы покинули не совсем гостеприимный Оазис Зэн Секай. Синоби вернули лошадей, сытых и отдохнувших, наполнили седельные сумки едой и небольшим количеством золота — за причиненные неудобства. Исиро на прощание чуть ли не извинился за нарушение закона гостеприимства, ссылаясь на летнее солнцестояние, когда по правилам Зэн Секай дзёнин может использовать любые способы победы над врагом. При этом выражение морщинистого лица старикашки как бы говорило, что он не страшится мести Пилигримов, потому что ему плевать на саму смерть. Как бы то ни было, Алан подозревал, что, несмотря на бесстрашие, Исиро не желал бы смерти всего Оазиса — а именно таков итог мести Пилигримов, которые вправе внести Оазис в черный список.

Исиро не предложил взять невест; видно, решил не испытывать терпение Пилигримов. Скорее всего, хитрый старик дождетя другого каравана для торговли. Благо, что летнее солнцестояние позади, и воевать ни с кем не надо.

Пока ехали по Дебрям, а позади еще не растворились в рассветной дымке рисовые поля, Димитрий и Тэн в шутку болтали о возможности занести Зэн Секай в черный список. Уж слишком опасные там живут люди, да и учат своему искусству кого ни попадя.

Алан помалкивал. Он никому не рассказал, чем занимался с Рафу, хотя Матиас то и дело поглядывал на него вопросительно. В то время как старушка учила его единственному приему, остальные Пилигримы не спеша поели, а потом долго отмокали в бочках с горячей водой прямо под открытым небом в саду. Алану, вернувшемуся под утро, пришлось наспех перекусить и помыться с помощью ведра и жесткого полотенца.

Покачиваясь в седле, Алан проигрывал в уме события ночи, когда Рафу раз за разом заставляла его наносить удар по деревянному истукану — макиваре. Удар был вроде бы вполне обычный — кулаком в живот, или в танден, по терминологии синоби, но при этом требовалось дышать особым образом. Удар наносился на “солнечном” выдохе “Х-ха!”, который должен был сдерживаться напряжением гортани. Всё это казалось Алану глупостями, ненужными сложностями, но он не сомневался в таинственных способностях жителей Зэн Секай.

Вроде бы простой удар долго не давался Алану, и недовольное причмокивание Рафу преследовало его до утра, пока, наконец, Западный дзёнин не признала, что некоторый прогресс есть. Если Алан будет тренировать этот удар и дальше самостоятельно, сказала она, то техника улучшится. Можно будет в будущем бить не кулаком, а напряженными пальцами, потом — пальцами расслабленными, а еще позже — и вовсе одним расслабленным пальцем. Главное — дыхание, о чем Алан не должен забывать ни на минуту.

Алан намеревался прилежно выполнять домашнее задание Рафу в Дебрях. Чтобы не вызывать лишних вопросов со стороны спутников, Алан планировал тренироваться во время ночных дежурств.

Беседу Димитрия и Тэна прервал Матиас, сказав, что Оазисов, где живут опасные люди, полным-полно, и заносить все их в черные списки — дурость в высшей степени. Есть и такие Оазисы, где люди владеют магическими — альтернативными — технологиями, а они страшнее, чем ниндзюцу. При этих словах Алан погладил рукой эфес шпаги: она была сделана в одном из таких “магических” Оазисов.

— Кстати, Тэн, — поменял тему Димитрий. Теперь, когда они наконец покинули

Оазис, настроение у бородатого Пилигрима несравненно улучшилось. — Ты был подозрительно молчалив в этом Оазисе! Тише воды, ниже травы. Непохоже на тебя, старина! Обычно ты либо занудствуешь, либо напеваешь эти свои песни обо всем на свете.

— Это потому что я говори с акцент, — сообщил Тэн, жмурясь на восходящее солнце. — И эти проклятый синоби говори с акцент на общий язык. Будет смешно и глупо! Будто мы дразни друг друга, как малолетний дурак!

Димитрий разразился своим обычным гоготом.

К Алану подскакала Кассия. Утро выдалось прохладным, она куталась в плащ, но капюшон откинула, и волосы цвета мёда окутывали голову, словно нимб. Алан не в первый раз подивился, насколько изменчив облик Кассии. В зависимости от освещения ее волосы меняют цвет от темного, почти черного, до каштанового, почти русого. То же самое и с глазами: то они бывают темны, будто ночь, то, как сейчас, к примеру, насыщенного цвета индиго. Прямые брови подчас придают лицу трагическое выражение, а иногда создают впечатление, словно их обладательница лишь притворяется серьезной, а сама едва сдерживается от смеха.

— Как дела? — с невинным видом спросила она.

— Я... рад, что мы снова куда-то двигаемся.

— Я тоже... Значит, мы едем в Либеру?

— Вроде все проголосовали за этот Оазис, — проворчал Алан. Ему не нравилось начало разговора. Неужели Кассия, как и Матиас, будет отговаривать от преследования Рыцарей?

Но Кассия не стала развивать тему. Несколько минут она молча ехала рядом. Жеребец Вихрь под Аланом ровной трусцой двигался по едва заметной тропинке. Димитрий и Тэн без умолку болтали позади, то и дело разражаясь хохотом. Невест с ними нет, они живы и даже при золоте — почему бы не порадоваться? Матиас ехал чуть в стороне, закрыв глаза; его широкие ноздри, проколотые кольцами, раздувались.

По мере того как разгорался день, поднимался ветер. Над северо-западным окоёмом небосвода скапливались темные облака. Посверкивали молнии. Ближе к обеду начнется гроза, отметил про себя Алан.

— Тебя не было всю ночь, — нарушила молчание Кассия.

— Да. Я разговаривал с Рафу.

— Об Осаму?

— Да, — неохотно ответил Алан.

— И что ты узнал?

— Что он не просто маньяк. У него есть идея. Он хочет освободить всех Оседлых и перемешать народы. Он хочет подарить всем свободу, вот только не все разделяют его желание, даже Оседлые.

— Странно он это делает, — сказала Кассия. — Я имею в виду, как дарит свободу.

Алан кивнул. Снова повисла пауза, и он подумал, не рассказать ли ей о приеме, которому его обучила Рафу. Он представил себе недоверчиво-удивленное лицо Кассии и передумал.

Молчание снова прервала Кассия:

— Ты говорил о каких-то легендах. О Разрушенных Оазисах. Что это?

— О! — с облегчением сказал Алан, довольный, что Кассия не принялась его пытаться в попытках дознаться, чем еще он занимался ночью. — Это очень древние легенды. Говорят, что первые Пилигримы произошли из Разрушенных Оазисов, тех, чьи Черные границы были

разорваны. Они разошлись по всему свету, и, глядя на них, мальчишки и девчонки разных Оазисов стали пересекать Черные границы, чтобы выяснить, кто еще из них способен гулять по Дебрям.

— Ты тоже так узнал, что Пилигрим?

— Да. Мы с другом Себом перебежали границу, когда нам было по двенадцать лет. К сожалению, Себ оказался Оседлым...

— Жаль...

— А ты почему не знала, что Пилигрим? — спросил Алан.

— Я... — Кассия отчего-то смутилась. — Сначала я была слишком маленькой, чтобы лазить за Черную границу, а потом не могла...

— В смысле не могла? — удивился Алан. — В Грейстоунхилле Черная граница не охраняется, да и заборы не везде построены. Если бы ты захотела, смогла бы без проблем...

— Значит, были проблемы, — отрезала Кассия.

Ее холодный тон Алана не устроил.

— Какие проблемы?

— Мне кажется, что это не... — начала она. Умолкла, потом продолжила другим тоном: — Я не готова тебе исповедаться, Алан, извини. Пока еще не готова.

Она натянула поводья и отстала, а Алан пожал плечами.

Он побывал в десятках, если не сотнях разных Оазисов, повидал там множество женщин, однако такое убойное сочетание изящества, таинственности, в меру ершистого характера и врожденного умения привлекать и в то же время сохранять дистанцию ему доселе не попадалось.

“Пока еще не готова”! Надо же! Тут и завуалированное обещание, и требование: заслужи мою готовность. Ох уж эти женщины, никогда с ними не бывает просто... Разве что с такими, как Фрейя из канцелярии Совета Старейшин Грейстоунхилла. С этой дамочкой было всё просто и легко. Забываются такие, как она, впрочем, тоже просто и легко.

Алан поймал себя на том, что пытается представить Кассию без плаща. Да и не только без плаща... Всё-таки общение с Фрейей состоялось давненько...

Вероятно, он неосознанно сжал бока коня сильнее, чем обычно, и Вихрь ускорил шаг. Алан поспешил натянуть поводья, чтобы Кассия не решила, будто он обиделся.

Ближе к обеду тучи заполонили все небо, вдали их темную пелену разрывали ослепительные ветвистые молнии, и рокотал гром. В воздухе пахло грозой.

К тому времени Пилигримы уже покинули долину реки, в которой располагался Зэн Секай, перевалили через череду невысоких холмов и скакали вдоль подножья горного кряжа, забирая все дальше на северо-запад, в сторону Оазиса Либера.

Когда медлить больше было невозможно, Алан остановился и велел ставить шатры. Они спешили, и Тэн, у которого, по словам Димитрия, “глаза меньше, чем у других, но видят вдвое дальше, чем другие”, заметил в ближайшем ущелье несколько пещер.

Пилигримы торопливо кинулись в укрытие. Обнаруженные Тэном три пещеры были очень удобны, чтобы переждать грозу. Расположенные в ряд над каменной площадкой, под которой бежал по дну ущелья ручей и росли какие-то густые деревья с красноватой листвой, пещеры могли защитить не только от дождя, но и от небольшого наводнения.

Ведя Вихря под уздцы, Алан поразился зрению Тэна. Сам бы он никогда не разглядел пещеры снизу, да еще и за кронами деревьев.

Тэн, за ним Алан и Матиас с оружием наготове заглянули в каждую пещеру — не притаился ли там зверь. Из одного укрытия выскочила перепуганная рысь с кисточками на ушах и куцым хвостом, других обитателей в пещерах не нашлось. Две пещеры были слишком малы, но третья оказалась достаточно просторной, чтобы вместить всю компанию вместе с лошадьми.

— Вот именно в такие моменты я начинаю верить в богов и в то, что они благосклонны ко мне! — завопил Димитрий, указывая на кучу аккуратно сложенного хвороста и какие-то ящики в дальнем конце пещеры.

— Ясное дело, здесь были Пилигримы, — сказал Матиас. — Когда уйдем отсюда, надо будет пополнить запасы.

— Может быть, это был караван Кровака, — вполголоса произнес Алан.

Матиас бросил на него быстрый взгляд.

Лично Алан не считал, что боги благосклонны к нему, иначе зачем задерживать продвижение к Либере? Если б не гроза, они бы скакали до вечера...

Пещера снова огласилась медвежьим ревом Димитрия: он нашел в ящиках бутылки с вином.

— Да если это Стефан, я расцелую его в обе ягодицы! Это знак, друзья, это знак!

Сердце Алана упало. Пойло задержит караван еще сильнее, чем все грозы, вместе взятые. Димитрий, этот неотесанный чурбан, не уйдет отсюда, пока не прикончит всю выпивку, даже если продеть ему в ноздри кольцо и тянуть, как строптивного быка.

Перед входом разожгли костер. Дым поначалу заполнил всю пещеру, затем его потянуло наружу, и воздух очистился. Тэн вскипятил воду в медном чайнике, Матиас разложил по тарелкам соленое мясо и овощи, полученных от синоби, Димитрий разлил пойло в кружки из тончайшей керамики. Снаружи шумел дождь и гремел гром, но в пещере было тепло, сухо и весело.

— Ну что, братья и сестры, за то, что мы живы и снова гуляем по Дебрям! — грохотал Димитрий.

Матиас и Тэн охотно поддержали его тост и приложились к кружкам как следует. Кассия отпила вино с недоверием, затем у нее на лице возникло выражение приятного удивления, и она выпила еще. Алан некоторое время молчал, недовольный задержкой, но вино и соображение, что, в принципе, сердиться особо не на кого, кроме богов, привели его в более благодушное состояние. Спустя час или чуть более он уже во всю глотку распевал песню Пилигримов вместе с остальными:

— Пора, мой друг, пора! Дорога нас влечёт!

Уйти за горизонт вдвоем с тобой мы в силах.

Уж ветер странствий снова нас зовет,

Ведь кровь бродяги забурлила в жилах!

Раскрасневшаяся Кассия быстро выучила нехитрые строки, и женский голос разбавил мужской хор. Если она и раньше нравилась Алану, то сейчас, под воздействием вина, в его глазах она преисполнилась просто невыносимой прелести. Они сидели возле костра рядом на расстеленных плащах, и Алан вроде как нечаянно положил ладонь на ее руку. Кассия не только не отдернула руку, но и одарила Алана благосклонным — и немного замутненным — взглядом.

“Тут несколько пещер, — подумал некто деловитый в голове Алана, — можно уйти туда, пока ребята пьют, поют и рассказывают скабрзные истории...”

— Эй, парень! — вдруг заорал Димитрий, прекратив петь и оглушительно икнув. — Ты не забыл, что мы с тобой договаривались поговорить кое о чем? После того, как выберемся из заварушки в Зэн Секай?

Прежде чем Алан, чьи мысли были заняты Кассией, сообразил, о чем идет речь, Матиас замахал руками и крикнул:

— Да ну тебя, Димитрий, брось! Забудь!

— Мальчишка сказал, что я не мужчина, — рявкнул Димитрий. Его рыжая борода растрепалась, глаза воспаленно блестели, и в целом выглядел он зловеще, как сумасшедший разбойник с большой дороги. — И согласился поговорить позже. Сейчас самое время выяснить отношения, ты не находишь, Алан?

Кассия напряглась.

— Что происходит?

Тэн принялся увещевать Димитрия, но тот не обращал на него внимания, в упор разглядывая Алана. Алан, конечно же, понял, о чем речь. Этот неотесанный Пилигрим вспомнил об их ссоре на веранде дома синоби...

И приспичило же ему разбираться именно сейчас!.. Как некстати!

— Да, я помню, Димитрий, — громко, но спокойно сказал Алан. Его пальцы сами собой нащупали эфес шпаги. Сердце заколотилось быстрее обычного, но не слишком быстро: Димитрия Алан не боялся. — На чем будем драться?

— Ребята, вы что? — растерянно спросила Кассия, переводя взгляд с Димитрия на Алана и обратно.

— У нас мужской разговор, — отмахнулся от нее Димитрий. — Не встревай.

— Алан! — требовательно сказала Кассия.

Алану вспомнились родители. Таким же тоном обращалась к отцу мама, когда хотела от него каких-то решительных действий. “Лео! — говорила мать в таких случаях. — Ну что ты молчишь? Сделай же что-нибудь!” И Лео Аркон послушно делал что-нибудь.

Но в эту минуту Алан не был расположен играть в родителей. Вино разогрело кровь, а Димитрий давно нарывался на серьезный разговор. Фехтовальщик из него был неважный, не чета Алану, которого тренировал Эмиль. Силы у Кагановича сколько угодно, а вот филигранной техникой его методы поединка и не пахнут...

— У нас мужской разговор, — повторил Алан.

Лицо Кассии вытянулось.

— На чем будем драться? — Димитрий хохотнул. — Не на шпагах же ты собрался драться с коллегой? Мы будем сражаться на кулаках, Тварь тебя побери, и до сдачи. Хотя, если хочешь до первой крови или потери сознания, я не против.

Матиас и Тэн уже не пытались отговорить Димитрия. Вопросительно поглядели на Алана. Бородач был в своем праве. В случаях конфликтов внутри каравана Пилигримы либо обращались к лидеру, чтобы рассудил, либо выходили на честный поединок, но не ранее, чем через сутки после ссоры. Чтобы остыли, надо полагать.

— Идет, — сказал Алан с заминкой. Димитрий хищно улыбнулся и сжал огромные волосатые кулачищи.

Посреди пещеры, между костром, горевшим у входа, и дальней стеной очертили круг диаметром в два с половиной метра. Ливень по-прежнему шумел снаружи, погромыхивал

гром и посверкивали молнии; если б не скверная погода, поединок организовали бы под открытым небом. Алан снял ремень со шпагой, расстегнул и скинул жилет, чтобы ничто не сковывало движений. Закатал рукава и подтянул панталоны. Дмитрий также разоружился, поплевал на ладони и зачем-то причесал пальцами буйную шевелюру.

Бойцы приняли боевые стойки, выставив кулаки тыльной стороной вперед. Ни Алан, ни Дмитрий не торопились атаковать, и Матиас с Тэном, изрядно захмелевшие, начали забрасывать драчунов насмешками. Тогда громоздкий Дмитрий выбросил вперед левый кулак, тут же шагнул к Алану и ударил правой рукой. Алан каким-то чудом ухитрился уклониться от обоих ударов, отскочив назад и в сторону. Он тоже ударил, но попал по крепкому загривку Дмитрия; удар не произвел на противника ни малейшего впечатления. Зато Дмитрий быстро развернулся, мелькнул его кулак, и в голове Алана взорвалась целый фейерверк огней. От ослепившей на мгновение боли он потерял ориентацию в пространстве, вслепую, ожидая очередного удара, отскочил на пару шагов, но споткнулся обо что-то и едва не упал.

Где-то совсем рядом заорали Матиас и Тэн. Видимо, они не принимали этот бой за серьезную дуэль и были готовы остановить его сразу же, как только один из бойцов слишком увлечется. Испуганно вскрикнула Кассия. Вот кто еще не привык к варварским развлечениям Пилигримов! А ведь, честно признаться, именно из-за нее и началось это противоборство.

“Подавляющее большинство Пилигримов предпочитает не иметь в составе караванов женщин, — сказал как-то Эмиль Ламар Алану, — особенно красивых. Там, где женщины, мужчины ведут себя, как ослы”.

Чтобы удержать равновесие, Алан присел. Дмитрий налетел на него, обрушив поток ударов по голове и плечам. Тот закрывался глухим блоком, потом, когда уставший Дмитрий сделал крохотную паузу, обхватил Дмитрия под колени и повалил на землю.

Зрители снова завопили. В голосах Матиаса и Тэна звучало осуждение. В кулачном бою борцовские приемы не допускались.

— Нечестно, Алан! — крикнул Тэн. — Кулаком бей-бей, а бороться не смей!

Алан и сам сознавал, что не прав. Он подал руку Дмитрию, который поднялся на ноги со зловещей улыбкой. “Ну, я сейчас тебя отделаю!” — читалось на его лице.

Снова приняли стойки. На этот раз Дмитрий уверенно пошёл в атаку, особо не заботясь о защите. В какой-то момент он совсем открылся.

“Как макивара”, — промелькнуло в голове Алана.

Не успев ничего сообразить, он ударил Дмитрия в живот на солнечном выдохе “Х-ха!”. Удар получился слабым, больше похожим на легкое касание костяшками пальцев, да и “солнечный выдох” не вполне удался, однако Дмитрий тут же согнулся в три погибели. Пошатнувшись, он рухнул набок и замер в позе эмбриона. Физиономия его побелела, глаза вылезли из орбит.

Парни перестали вопить, подбадривая бойцов. Матиас, помедлив, бросился к Дмитрию, а Тэн, подозрительно прищурившись, спросил:

— Ты его бил ножом?

— Нет! — выкрикнул Алан.

Он сам был в шоке от последствий удара.

Понадобилась целая четверть часа, чтобы Дмитрий более-менее пришел в себя, а Матиас с Тэном убедились, что живот бородатого задиры цел и даже без признака синяка. Дмитрий сидел на земле, обхватив руками колени и опустив голову, а остальные

Пилигримы тарасились на Алана, словно тот начал превращаться в Тварь.

— Ну что уставились? — проворчал Алан. — Я победил, не так ли?

— Я не знаю, что ты умеешь бить с такой силой, — потрясенно и с немалой долей уважения в голосе произнес Тэн. — Теперь я не ссорюсь с тобой, дорогой Алан.

— Ты и так ни с кем не ссоришься. — Алан смутился. — Случайно получилось...

Попал, очевидно, в какую-то болевую точку.

Матиас разглядывал Алана подозрительно.

— А ты уверен, что...

— Димитрий! — перебил его Алан. — Ну что, мир? Или продолжим поединок?

Он плохо понимал, отчего не желает признаваться в освоенном приеме из репертуара синоби. Если он признается в этом, друзья попросят научить и их тоже, и Алан не сможет отказать. Знание этого приема сделает Пилигримов чрезмерно уверенными при новой встрече с Рыцарем Дебрей, они бросятся с ним в бой и погибнут. Алан не хотел рисковать жизнями друзей. Он и проклятый Осаму должны сойтись вместе без свидетелей и других участников. Если кто-то еще умрет от руки Рыцаря, то только Алан.

И не факт, что Алану удастся обучить остальных этому приему. Рафу выбрала только его, говорила о какой-то Небесной Ки в глазах, как и Восточный Дзенин. У других она эту неведомую Ки не разглядела... Если Алан будет обучать Пилигримов, и они не освоят прием, то скорее всего обвинят его в недостатке рвения. Мол, Алану жалко делиться тайным искусством. Лишние проблемы...

Когда он расправится с Осаму, если он расправится с Осаму, тогда пожалуйста — он обучит всех желающих.

Димитрий поднял голову — лицо бледное, покрытое испариной.

— Тварь меня разорви, если я смогу тебя одолеть, Алан! Ты сильнее, чем кажешься! Помнится, много зим назад я не поладил с самим Эмилом, так он меня здорово отделал! Я тогда признал его лидерство. Каганович признает силу, парень!..

В его тоне прозвучала горечь. Алан снова протянул ему руку.

— Прости, если оскорбил тебя, Димитрий!

— Я тоже хорош! И ты меня прости, Алан! — тотчас откликнулся Димитрий. С помощью Алана он поднялся на ноги. — Вино еще осталось? Продолжим наш пир!

Вина было много, а гроза затянулась до поздней ночи. В итоге Пилигримам пришлось заночевать в пещере. Наверное, подумал Алан, преодолевая шум в голове, боги решили дать им передышку после злоключений в Зэн Секай и Санти. Выпустить пар, так сказать.

Алан по привычке проснулся на рассвете. Череп трещал по всем швам, во рту было сухо и гадко, Алана слегка покачивало, когда он встал.

По пещере гуляло эхо от разноголосого храпа. Пилигримы лежали вповалку, завернувшись в плащи. Костер давно прогорел, и некому было подкинуть сучьев. Алан выругался сквозь зубы: даже дежурных не выставили, при Эмиле такого беспорядка не было никогда. Хороший же из Алана лидер... Им повезло, что ночью никому не приспичило на них нападать.

Занималась заря, первые лучи солнца уже осветили небо — чистое, как взгляд младенца. Кряхтя, Алан проверил лошадей в соседней пещере. Все на месте. Спустился в

ручью, изрядно вздувшемуся после ливня, сполоснул лицо и жадно напился. Потом отошел в сторонку, за кусты и приспустил штаны, чтобы подарить и без того сырой земле свою долю влаги.

Послышались шаги. Алан обернулся и увидел силуэт Кассии, осторожно пробирающейся к ручью. Несомненно, ее тоже мучила жажда. Алан молниеносно натянул панталоны и вышел навстречу девушке. Она встретила его кислой улыбкой.

— Ничего не говори, — предупредила она. — Я, наверное, ужасно выгляжу.

Выглядела она хмурой и заспанной, но ничего ужасного в ее облике Алан не обнаружил.

— Очевидно, нам необходимо было выпустить пар, — сказал он.

— Пар... — задумчиво повторила Кассия. — Дым и пар... Припомнился Грейстоунхилл, мой Оазис... Если бы там узнали, что я провожу время в обществе четырех мужчин и пью с ними вино в пещере...

Кассия закатила глаза и рассмеялась. Она спустилась к ручью, чтобы умыться, а Алан вскарабкался на склон, к пещерам, с неудовольствием размышляя о том, что, если б не Каганович со своими разборками, они с Кассией прекрасно провели бы вчера время.

Спустя полчаса, наскоро перекусив — аппетита ни у кого не было, — Пилигримы оседлали лошадей. Матиас, отчаянно зевая, положил в ныне пустой ящик, где было вино, небольшой кошель с золотыми монетами. Тэн принес охалку сырого хвороста. Через пару дней он высохнет и пригодится другим Пилигримам.

Дальше путь странников пролегал по всхолмленной равнине, окруженной горными кряжами и испещренной десятками мелких рек и ручьев. Вдоль берегов зеленели кустарники и рощи, где обитали неисчислимые стаи птиц. В камышах ворочались дикие кабаны, в воде плескались выдры, на равнинах вдалеке паслись стада антилоп. И всюду на склонах холмов, по берегам рек и среди зеленых лугов серели каменные колодцы Тварей.

Ближе к полудню Тэн, которому похмелье по обыкновению давалось нелегко, пришёл в себя и взялся за лук и стрелы. На обед жарили крупного поросёнка. Тэн приправил мясо диким луком, который называл дэрсуном.

Пилигримы устроились на берегу крохотной речушки, в тени раскидистого вяза. Солнце жарило нещадно, воздух был неподвижен, монотонный звон насекомых навевал сон. Обглоданные кости поросенка валялись в траве, от догорающего костра вверх устремлялся столб дыма.

Алана неудержимо клонило в сон, он боролся с ним изо всех сил. Больше терять времени было нельзя. Он подумывал нырнуть в речку, чтобы освежиться, когда на пригорке над берегом заржала чужая лошадь. Вихрь тотчас отозвался, и Алан в мгновение ока очутился на ногах. Загремело оружие: Матиас, Димитрий и Тэн вскочили с обнаженными клинками, озирая окрестности.

На пригорке, на фоне лазоревого неба выросли всадники — четырнадцать человек. На семерых были плащи Пилигримов, лица вроде бы открыты, никакими масками не прикрываются. На семерых других всадниках красовались безрукавки из темной грубой ткани и просторные штаны. Постояв секунду, всадники галопом понеслись прямо к реке.

— Стефан? — прищурившись, пробормотал Димитрий. Затем завопил: — Стефан, разорви меня Тварь!

— Это караван Кровака, — сказал Матиас. — Что-то многовато у него людей... Последний раз было семеро...

— Половина — не Пилигрим, — заявил Тэн, прищурился и без того узкие глаза.

— А кто? — поразился Алан. — Невесты, что ли?

Он так удивился, что на мгновение забыл о том вопросе, который жаждал задать Кроваку: куда он препроводил молодого Осаму из Зэн Секай?

Всадники подсаkali к стоянке Пилигримов и остановились. Один из них, грузный, с мясистым красным лицом, бородой и закрученными вверх усами, спешил первым и подошел к Димитрию. На голове у здоровяка возвышалась квадратная шапка из овчины.

— Стефан! — заорал Димитрий.

— Чтоб мне сдохнуть от воздержания в гареме султана — Димитрий!

Бородачи обнялись и троекратно облобызались.

— Ты обещаешь целовать его в ягодицы, — напомнил Тэн.

— Что? — прогрохотал Кровак, обнимая Матиаса.

— Потом расскажу, — пробормотал Димитрий. Он показал Тэну кулак. — Спасибо за вино.

— Так и знал, что это вы его выжрали! Мы только что с этого нашего схрона. Приехали, думаем: сейчас попируем! Глядь — хрен вам, а не вино. Благодарю, что золото оставили, совесть еще осталась... Привет, Алан! А ты вырос! Сколько тебе уже?

— Мы виделись меньше года назад, — сказал Алан недовольно. — Вряд ли я вырос, мне двадцать четыре.

Стефан Кровак расхохотался.

— Ладно, шучу! А где Эмиль, старый чертяка? — Кровак заметил, наконец, Кассию, которая с любопытством разглядывала спешившихся Пилигримов и оставшихся на лошадях парней в безрукавках. — О! А это кто? Всего одна невеста? Остальные с Эмилем в кустика уединились, что ли?

— Нам надо тебе многое рассказать, — сказал Матиас. — Эмиль погиб. А это Кассия, наш новый Пилигрим.

Кровак схватился за сердце одной рукой, а другой сдернул шапку, обнаружив под ней изрядную лысину. Покачнулся и сел прямо на снятое с лошади седло Тэна, которое тот использовал то как стул, то как подушку.

— Как погиб? Как новый Пилигрим?... Подождите, что же это творится такое?

— Это долгая история, — сказал Алан. — Располагайтесь, мы расскажем.

Расстроенный Кровак, обмахиваясь шапкой, кивнул одному из своих спутников, и Пилигримы принялись сооружать Ожерелье Невест вокруг всего лагеря. Алан уже начал соображать, что к чему. Молодцы в безрукавках спешили и уселись обособленно, тихо переговариваясь. Кровак со своими шестью Пилигримами и Алан с друзьями расположились вокруг почти потухшего костра; Матиас и Алан говорили попеременно, иногда вмешивались Тэн и Димитрий.

— Рафу сказала, что именно твой караван забрал Осаму из Зэн Секай, — в завершение сказал Алан. — Ты его помнишь, Стефан? Кто это был?

— Как же, помню, — пробормотал Кровак, почёсывая лысину. — Он с нами запросился, мы его и взяли... Но на полпути к Амазонии он исчез, как в воду канул. Помнишь, Омар?

Один из Пилигримов Кровака, смуглый и черноволосый мужчина с выдающимся носом и бархатистыми глазами, которые он не отводил от Кассии, с готовностью кивнул.

— Утром проснулись, а этого юноши нет. Мы решили, что он отправился в самостоятельное путешествие по Дебрям.

— Как его звали? — воскликнул Алан. — Как он выглядел?

Кровак пожал могучими плечами.

— Осаму его звали. Мы, конечно, понимали, что он родом не с Зэн Секай, и что это не его настоящее имя, но особо не пытали. Станный он какой-то был... Особо не поговоришь... Не удивляюсь, что он стал полным психом... Выглядел как белый человек, ну как с Либеры или с Амазонии, если на то пошло. Все кутался в куртку, будто замерз. Волосы вроде темные, глаза тоже, ростом с тебя, Алан.

Алан и без того знал рост ненавистного Рыцаря Дебрей.

— Что он говорил?

— Да ничего особо не говорил. Сказал, что хочет стать свободным Пилигримом, путешествовать по миру — то есть всё, как обычно. Мы и решили взять его в свой караван. А он возьми и сбеги...

Алан посмотрел на Матиаса. Тот ответил на взгляд неопределенным жестом. Кровак не врал, это было понятно, но в то же время никакой ясности его рассказ не привносил. Пока Алан лихорадочно думал, о чем бы еще спросить Стефана, тот заговорил сам:

— Да-а! Вот уж приключения, будь они прокляты! Пусть боги будут добры с духом славного Эмиля Ламара!.. Он меня тогда выручил, взял на себя работу в Грейстоунхилле. Если б меня не пронесло... — Он перехватил взгляд Кассии и закашлялся. — Если б я не заболел, оказался бы на вашем месте. Из-за меня всё...

Димитрий и Матиас наперебой стали переубеждать Кровака, что всё случившееся — его вина. Кровак быстро успокоился, в густых усах сверкнула белозубая улыбка.

— Ну что ж, Кассия Ринн из Грейстоунхилла, добро пожаловать в ряды Пилигримов! Я, честно признаться, не считаю жизнь Пилигримов подходящей для женщины, но ты у нас, кажется, человек с характером, раз ужилась с Димитрием, ха! Вот мы с ребятами... Кстати, познакомься: Роберт, Ингвар, Зуло, Омар, Н'Гала, Борислав... Мы с ребятами едем с любопытного Оазиса, где командуют бабы... Ой, простите, женщины.

— Вы везете женихов? — спросила Кассия.

— Ага! — обрадовался ее сообразительности Кровак. — Послушных, милых, скромных женишков! Тут поблизости, сразу за Либерой, немного южнее, есть пара Оазисов, где командуют ба... женщины. Амазония и этот... как его... Хэйдиал. Дикие, надо сказать, Оазисы, но прелюбопытные... Женщины там огонь — хуже, чем в Скаарсфьорде. Ваш Осаму мог уйти как в Либеру, так и в эти Оазисы.

— Хотелось бы поглядеть на эти Оазисы! — не выдержала Кассия. Похоже, ее совершенно не интересовали поиски убийцы ее подружек.

— Ну так поехали с нами, — добродушно предложил Кровак.

Смуглый и носатый Омар и розовощекий Борислав переглянулись при этих словах. Их ухмылочки Алану не понравились.

Кассия не заметила этих телодвижений. Или сделала вид, что не заметила. Она повернулась к Алану:

— Это ведь по пути!

Алан слегка смутился.

— Мы собирались сначала посетить Либеру. Скорее всего, Осаму пришел оттуда... И ушёл тоже туда.

— Если вы не торопитесь, — обратилась Кассия к Кроваку, — мы могли бы завернуть в Либеру, а потом...

— В Либеру? — Кровка подкрутил усы. — Это не такой Оазис, чтобы прошвырнуться по нему по-быстрому. А нас ждут матриархи Амазонии и этого... как его... Хэйдиала. Вот как выполним задание, можно завалиться в Либеру.

Алан снова ощутил на себе вопросительный взор Кассии. И не только Кассии. Матиас, Тэн и Димитрий тоже смотрели на него.

— Рыцари Дебрей бродят где-то рядом, убивая людей, — произнес он тихо, но с нескрываемым раздражением. — Целые Оазисы. В наших силах их остановить... да, друзья, в наших силах! Если будем прятаться и делать вид, что проблемы не существует, она от этого не исчезнет. Осаму пришел с Либеры, и мы должны как можно быстрее добраться до этого Оазиса и выяснить его личность! У тебя, Кассия, будет впереди вся жизнь, чтобы посмотреть тысячи Оазисов...

На минуту повисла неловкая пауза.

Первым заговорил Кровка:

— Говоришь, этот псих из Либеры? Вряд ли. Народ там не такой. Они не воинственные, совсем.

Тэн с готовностью закивал, так что косички затряслись.

— Возможно, этот Осаму и не был воинственным, — возразил Алан, — но он воспитывался у синоби.

— Наверняка он с Амазонии или Хэйдиал, — заявил Кровка. — Достало его бабское владычество, вот он и психанул. Но только не с Либеры.

— Почему? — спросил Алан. — Этот Оазис ближе всего к Зэн Секай. Осаму мог прийти только оттуда.

— Не обязательно! — запальчиво сказала Кассия. — Он — Пилигрим, значит, мог бродить по Дебрям очень долго, питаюсь одним дэрсунном.

Тэн, на которого посмотрела Кассия, огладил редкую бородку.

— Два-три неделя можно ходи, один дэрсун жуй.

— Жители Либеры совсем не тот народ, что хочет воевать, — сказал Кровка.

— Всегда есть исключения! — пробурчал Алан. Он чувствовал, что его обложили со всех сторон.

— Есть, — не стал спорить Стефан. — Но в Либеру мы не пойдём, уж не обессудьте. Сперва доставим женихов, а потом — пожалуйста!

— Нужно идти сразу в матриархальные Оазисы! — сказала Кассия Алану. — Он явно оттуда!

— А если он всё-таки с Либеры?

— Либера ближе, — напомнил Матиас. — Одинокий мальчик не мог пройти много...

— Стефан, это касается всех Пилигримов, — загорячился Алан. — У нас общий враг!

— Ты знаешь, где он? — спокойно спросил Омар. — Скажи, в каком он Оазисе, и мы пойдём туда. Мы его убьём или, по крайней мере, постараемся убить.

— Я не знаю, где он!

— Тогда мы идём в Амазонию, а после — в Хэйдиал. А уже потом — в Либеру.

Алана распирал гнев. Этот мерзкий Омар то и дело ощупывал Кассию взглядом, а той, видно, внимание нравилось... Алан не мог обосновать того, что сначала следует наведаться в Либеру, хотя и чувствовал, что именно так и следует поступить. Это бесило.

— Голосуем, — сказал он наконец. — Кто за Либеру, поднимите руки.

К его удивлению, руки подняли и Матиас, и Тэн, и Димитрий. Судя по всему, Матиас и

Тэн были не прочь снова побывать в Оазисе, который когда-то произвел на них впечатление, а Димитрия распирало любопытство. Кассия проговорила дрожащим голосом:

— Я хотела бы посетить Амазонию и Хэйдиал.

— В этом нет никакой проблемы, — встрял Омар. Он обращался к Кассии. — Вы можете присоединиться к нашему каравану. Стефан не будет против, он сам вас приглашает. А потом, если захотите, вы воссоединитесь с вашей группой.

Его сладкий журчащий голос выводил Алана из себя. Он так и хотел испытать удар Рафу на этом прилизанном красавчике. Как назло, Кассия будто и не замечала его слащавости.

— Так и сделаем! — обрадовалась она. Посмотрела на Алана и добавила: — Если ты не против.

— Пилигрим — олицетворение свободы, ему никто не может указывать, — пропел мерзкий Омар.

— Я не против, поступай, как знаешь, — выдавил Алан.

Лицо Кассии окаменело. Алан не мог понять, чем она недовольна.

— Вот и отлично! Я иду с караваном Кровака. Встретимся в Либере или в ее окрестностях.

Всё существо Алана кричало, чтобы запретить Кассии ехать в чужом караване, но он промолчал. Похоже, девушка прямо-таки рвется в эти матриархальные Оазисы. Помнится, у них и разговор о чем-то подобном был... Кто он такой, чтобы запрещать ей? Омар прав: никто не вправе запрещать Пилигриму идти своей дорогой.

— Встретимся в Либере или ее окрестностях, — повторил Алан.

Матиас покачал головой, а Тэн возвел очи горе и разразился тирадой на родном языке. Алан был рад, что не понимает его языка.

Глава 10. Либера

Наутро следующего дня — а день выдался на редкость солнечный, умеренно жаркий и в целом весьма приятный — поредевший отряд Алана поднялся на гребень зеленого холма, на склонах которого тут и там торчали серые валуны, и увидел впереди бескрайнюю гладь моря и Оазис Либера на берегу. В лицо дул легкий и ровный ветерок, несущий влагу и соль.

Настроение у Алана было не то чтобы хорошим. Всю ночь он почти не спал, ворочаясь с боку на бок и постоянно обдумывая вчерашний разговор с Кассией и Омаром. Под утро у него слегка ломило в висках и затылке от продолжительных бесполезных размышлений о том, как надо было ответить этим двум, да и всем остальным во время вчерашней пикировки. Когда пришла его очередь дежурить, включилось проклятое воображение, которое принялось предлагать варианты того, как проводят время вместе Кассия и Омар.

“А ведь я нашел ту единственную, которую люблю, и она Пилигрим, как и я. Но я настолько туп, что упустил ее! Птичка упорхнула буквально из-под носа, — терзался Алан, дежуря у тлеющего костра перед рассветом. — Вонючий Омар! Хотя — черт с ними обоими. Для Кассии какие-то дикие матриархальные Оазисы важнее всего остального. Если она на этом этапе нашего знакомства упирается и делает всё по-своему, то что будет, когда мы поженимся? Устроит в отряде матриархат и заставит перевозить нас исключительно женихов?”

От этих вроде бы резонных умозаключений легче не становилось. Особенно Алана беспокоил вопрос Кассии, разрешает ли он ей уйти вместе с Кроваком, и ее изменившееся лицо, когда он “разрешил”. Идиоту понятно, что она ждала возражений. Возможно, категоричный запрет, бурное проявление ревности и вызов на дуэль Омара понравились бы Кассии куда больше... Жаль, что в тот момент Алан этого не понял.

Думай — не думай, а выбор сделан. Кассия сейчас в караване Кровака, в обществе целой кучи незнакомых мужиков, включая слащавого Омара, а Алан с друзьями стоит в трех милях от Либера — то есть почти там, куда он, собственно, и стремился.

Издали Либера представлялась довольно обширным зеленым пятном с белыми точками зданий, одним краем распластанным по желтой полосе берега, а другим взгромоздившемся на уступчатые склоны скалистых гор. По горам вниз низвергалось несколько водопадов.

Над кронами многочисленных деревьев Оазиса стлалась легчайшая дымка и, кажется, колебалось марево, как в полдень в пустыне.

— Вот и Либера, Оазис свободы, — сказал Матиас, глубоко вдыхая морской воздух.

— ...и ванн с пузырьками, — добавил Тэн.

Алан хотел спросить Тэна, что он имеет в виду, но передумал. И так узнает в ближайшие часы. Димитрий, судя по всему, считал так же, поскольку воздержался от расспросов. Возможно, промолчал и из-за гордости: Тэн с Матиасом постоянно избегали отвечать на прямые вопросы о Либере, ссылаясь на то, что иначе приятный сюрприз будет испорчен. В результате любопытство Алана и Димитрия разогрелось не на шутку, и, если бы не события вчерашнего дня, Алан галопом поскакал бы к Оазису.

— Посещаем уже который Оазис, а всё без невест, — пробурчал Димитрий.

— Либера всё равно не нуждается в невестах, — фыркнул Матиас.

— Как это не нуждается? Им женихов привозят, что ли?

Вместо ответа Матиас поднес палец к губам и с загадочным видом сказал “ш-ш-ш!”. Тэн

рассмеялся, а Димитрий выругался и пожелал, чтобы они оба провалились вместе со своими секретами. Он первым хлестнул лошадь и поскакал вниз по склону. Остальные устремились следом.

Менее чем за полчаса отряд приблизился к Черной границе вокруг Либеры. Море шумело совсем рядом, за полосой кустарников и груд высохших и побуревших на солнце водорослей. Волны облизывали мелкую темную гальку. Сразу за Черной границей начинался крутой склон с вырезанными в скале ступенями, а за склоном виднелись деревья и разноцветные черепичные крыши.

Пересекая границу, Алан смотрел налево, в сторону уходящей в море скалистой косы, служившей естественным молотом, отсекающим ветер и натиск прибоя от берегов Оазиса. Если у либерийцев есть пляжи, то вода там тихая, как в пруду.

У начала лестницы Пилигримы слезли с лошадей и принялись подниматься по каменным ступеням, ведя груженных скакунов за поводья. Дело было непростое — один шаг в сторону, и можно сверзиться с приличной высоты; внимание путешественников занимал подъем, поэтому никто не ожидал, что их встречают.

Делегация встречающих выстроилась на каменной площадке на вершине лестницы. У Алана, преодолевшего последнюю ступень и поднявшего глаза, перехватило дыхание.

Матиас был прав: либерийцы отличались необыкновенной красотой. Все шестеро “делегатов”, на вид не старше восемнадцати-девятнадцати лет, больше походили на ожившие статуи своими идеальными пропорциями. Двое парней — широкоплечие, с узкими талиями; открытые загорелые лица с выразительными глазами, светлые волосы зачесаны в замысловатые прически. На крепких запястьях левых рук надеты зеленые браслеты. Парни были одеты в легкие белые рубашки без воротников и голубые саронги, а обуты в сандалии, сплетенные из тонких полосок кожи.

Четыре девушки, внешне очень разные, одинаково ослепляли нереальной, просто фантастической красотой, так что Алан и поднявшийся следом Димитрий на долгое время потеряли всякую способность соображать.

Одна из них, русоволосая загорелая нимфа с бесподобными миндалевидными глазами, одетая в легчайшую полупрозрачную тунику, выступила вперед. Алан сначала уставился в ее глаза, потом, поняв, что может в них утонуть, перевел взгляд на искусную татуировку в виде тонких побегов какого-то растения на левой щеке нимфы, левой стороне шеи и, возможно, плече и спине. Красавица надела на шею Алану пышное ожерелье из розоватых цветов, от которых исходил одуряющий аромат. На ее левом запястье тоже имелся браслет — но не зеленый, а оранжевый.

— Приветствую вас, странники, от лица всех жителей Оазиса Свободы, — пропела она нежным контральто. — Мы вас ждали. Меня зовут Майя.

— То есть как это — ждали? — удивился Алан, в то время как три другие девушки надевали ожерелье на Пилигримов.

— Мы всегда ждём гостей, — ответила Майя, которую ничуть не смутил подозрительный тон Алана. В ее выразительных глазах появилось неувлимо лукавое выражение. Она точно пыталась показать ему, что понимает его беспокойство, но относится к этому с материнской снисходительностью. Майя указала — и жест ее был грациозен, как и любое другое ее движение, — на стойку с каким-то оптическим прибором под навесом. Прибор походил на ящик на треножнике и с линзами.

— Ждете? — тупо повторил Алан.

— Ждем и привечаем, — подтвердила Майя. — Никто не уходит недовольным.

— Я удивляюсь, что вообще кто-то уходит, — пробормотал Димитрий.

Он глядел масляными глазами на девушку, представившуюся как Тесса; она надела на него цветочное ожерелье. У нее были роскошные волнистые волосы цвета червонного золота, продолговатое лицо с высокими скулами, ярко-голубыми глазами и пухлыми губками. Откровенный взгляд Димитрия ее не пугал, скорее наоборот.

Матиаса обхаживала высокая красавица с более смуглой кожей, чем у остальных. Ее уши, нос и губы были проколоты серебряными и золотыми украшениями; очевидно, эта красота Матиаса совершенно заворожила. Она назвалась Матильдой. Тэн не сводил взгляда прищуренных глаз с Андромеды — миниатюрной, подвижной и очень улыбчивой красотки с ямочками на щеках.

После того, как знакомство состоялось, парни, которых звали Кристиан и Сальватор — впрочем, их имена мгновенно выскочили из головы Алана, — повели лошадей в конюшни, а девушки попросили Пилигримов следовать за ними.

Следовать за красавицами, зачарованно следя за ритмично перекатывающимися под туникой ягодицами, было очень просто и приятно.

“И почему Эмиль никогда не рассказывал об этом Оазисе? — задавался вопросом Алан. — Это же рай! Неужели боялся, что я здесь останусь, а он лишится последователя? Да ну, глупости. Наверное, хотел, чтобы я посмотрел на Либеру сам. Или просто забыл: Эмиль побывал в тысяче Оазисов, всех в памяти не удержишь”.

По гладкой мраморной аллее между аккуратно подстриженных деревьев и кустов новоприбывшие и их спутницы достигли одноэтажного белокаменного здания с массивным порталом и колоннами по обе его стороны. Тонкие деревянные двери были распахнуты.

Внутри, в просторном и прохладном вестибюле с очень высоким потолком, Майя, Тесса, Андромеда и Матильда встали за мраморный стол. За их спинами блестело диковинное окно; оно было широкое, но невысокое, а за ним — тьма. В центре стола имелось углубление другого, более темного цвета. Формой оно напоминало левую человеческую ладонь. Алан мимоходом подумал, что углубление сделано не из мрамора, а из какого-то эластичного, слегка фосфоресцирующего вещества.

— Прошу вас, — обратилась Майя к Димитрию, который стоял ближе к центру стола, — положите сюда вашу ладонь.

— Это еще зачем? — напрягся Димитрий.

— Таковы правила нашего Оазиса. Не беспокойтесь, с вами ничего не случится.

Димитрий крякнул. Поглядел на спутников и положил ладонь в углубление.

Тотчас окно за спинами красавиц осветилось, на нем засиял причудливый узор, похожий на заросли плюща.

Майя улыбнулась и ловко надела на кисть Димитрия оранжевый браслетик с черным узором.

— Добро пожаловать в Либеру, Димитрий Каганович! Сейчас вам будет предложена комната, где вы сможете отдохнуть. За вами будет закреплена компаньонка. Теперь вы, пожалуйста, положите сюда вашу руку.

Тэн, улыбаясь во весь рот, с готовностью подчинился. В окне возник слегка другой узор.

— Добро пожаловать в Либеру, Тэн Тайджи-Ар, во второй раз за последние двадцать два года.

Тэн опешил.

— Это вы узнай по моей руке?

— Мы записываем данные всех Пилигримов, посетивших наш Оазис, — проворковала Андромеда. — И храним данные в течение одного поколения, то есть двадцать два года.

— Почему именно одного поколения? — спросил Матиас. Он выглядел донельзя сбитым с толку. Вероятно, во время первого посещения он был слишком очарован красотками Оазиса, чтобы задавать какие-либо вопросы.

— Потому что, — сказала Матильда, — одному и тому же Пилигриму дозволяется вступать в половые контакты с либерианами только один раз в поколение.

Кто-то тонко вскрикнул. Алан озадаченно взглянул на Тэна — именно он издал этот необычный звук.

— В прошлый раз вы об этом не говорили, — пробормотал Матиас. Они с Тэном растерянно переглядывались. — Получается, в этот раз мы не...

— У вас будут все привилегии гостей Либеры, — утешила его Тесса, — но без некоторых услуг. Отдых, питание, развлечение. Но компаньонки вам больше не полагаются. Ваши гены уже поступили в генофонд Оазиса, поэтому больше мы в них не нуждаемся в течение поколения.

— Поступили чего? Куда?.. — не понял Тэн.

— Но через поколение мне уже не нужны будут ваши “некоторые” услуги! — вскричал Матиас.

— Получается, вы тут уже поместили территорию, и больше вам ничего не светит? — Димитрий язвительно расхохотался. — А у нас с Аланом впереди веселые денёчки? Ха-ха-ха! Обломитесь, любители секретов!!!

Прелестные либерианки с сожалением покивали, глядя на вытянувшиеся физиономии Матиаса и Тэна.

— Подождите, — сказал Алан. — У вас двоих тут что, дети остались с прошлого визита? А вы даже об этом ни словом не обмолвились?

Обескураженный неприятным известием Матиас чуть ли не раздраженно ответил:

— Во-первых, наши детки есть в нескольких десятках Оазисов. И дети Эмиля тоже, кстати говоря. Да и у тебя тоже, Алан; думаешь, все твои выстрелы за последние года вышли холостыми? А во-вторых, либериане всегда оставляют себе отпрысков Пилигримов и не показывают отцам. Верно? — обратился он к девушкам. Они снова кивнули.

Алан был неприятно поражен, хотя ничего нового, в принципе, Матиас не сказал, кроме информации о правилах Либеры. Иногда во время ночных дежурств, оставаясь наедине с мыслями, он размышлял, что девицы вроде Фрейи из Грейстоунхилла могли оставить себе после свиданий с Пилигримами нечто более материальное, нежели сладкие воспоминания. Он старался не развивать тему.

Правда, подозревать, что где-то растут твои дети, или знать это точно, но совершенно не волноваться по этому поводу — вещи разные. Его неприятно поразили цинизм и равнодушие друзей. Алан поспешил напомнить себе, что он — Пилигрим, дитя свободы, рожденное для Дороги, а не Дома. И всё-таки на задворках сознания закопошилась мысль, что он еще недостаточно заматерел, чтобы всей душой принять все аспекты жизни Пилигримов, включая поразительное безразличие к собственным потомкам. Или он стал сентиментальным после общения с Кассией? Стал смотреть на мир через призму женского восприятия и представлять, как она оценит тот или иной его поступок?

Он кисло посмотрел на прекрасных девушек Либеры.

— Так вы и получаете свежую кровь, без женихов, — сказал он. — Пилигримы приходят, делают своё дело, а вы оставляете детей? Семей у вас, стало быть, нет?

— У нас есть интернаты, — тут же ответила Майя. — Прощу вашу руку, уважаемый Алан Аркон.

Спустя каких-то полчаса терзания и рефлексии по поводу гипотетических детей у Алана бесследно испарились. Он лежал в громадной круглой ванне из ослепительно-белого фарфора, вода была почти неощутима и невесома благодаря идеально подобранной температуре, а пузырьки из крохотных отверстий в ванне приятно щекотали и массировали тело.

Пузырьки не единственные массировали Алана. Рядом с ним расположилась бронзовокожая красавица-компаньонка по имени Виолетта. Совершенно нагая и ничуть этого не смущающаяся, она сидела в ванне напротив и делала точечный массаж ступней. У Виолетты были светлые, почти белые волосы, брови и ресницы, которые контрастировали с загорелой кожей и создавали потрясающий эффект.

— Что значит этот браслет? — спросил Алан, чтобы хоть как-то отвлечься от дикого желания немедленно, тут же в ванне овладеть этой посмеивающейся блондинкой.

— Свободный гость Либеры с полным набором услуг, — тотчас отозвалась Виолетта. Или просто Ви, как она рекомендовала себя называть. — Оранжевый цвет означает свободного человека. Этот узор означает полный набор услуг и то, что ты гость.

— Следовательно, надпись на браслетах Матиаса и Тэна значит ограниченный набор услуг? — хмыкнул Алан.

— Я не видела их браслетов, но думаю, да. — Ви обольстительно улыбнулась ему. Видно, ждала его дальнейших пожеланий, насчет которых не сомневалась. Но Алану хотелось выяснить кое-что. А заодно полюбоваться формами Ви.

— А твой зеленый браслет что значит?

Она на миг оторвалась от массажа и подняла левую руку с браслетом. С легким вздохом взглянула на него.

— К сожалению, я еще не Свободный житель Либеры, я — на этапе Прислужниц. Мне нужно пройти посвящение.

— Какое посвящение?

— Ну, мне должно исполниться девятнадцать лет, — охотно принялась перечислять Ви, — я не должна иметь ни одного замечания от Свободных, которым прислуживаю, выполнять все задания и... И должна пройти Селекцион второго уровня. Это что-то вроде отборочной комиссии.

— А Селекцион первого уровня ты уже прошла?

— Да, — Ви захихикала. — Только я этого не помню.

Алан открыл рот, чтобы спросить, почему она не помнит Селекцион первого уровня, но Ви, закончив со ступнями, взялась за ноги повыше. Возбуждение невозможно было скрыть, но Ви была невозмутима, будто каждый день мыла в ванной Пилигримов. Хотя не исключено, что так оно и было.

— Ты должна... — Алан замялся. — Э-э-э... забеременеть от меня, да?

— О да, — прошептала Ви. — Хочешь сделать это прямо в джакузи?

— Где? — не понял Алан. Впрочем, это уже было неважно.
Дальше разговор не задался. Удивительно, что он вообще начался.

В список услуг Свободного гостя Либеры, кроме купания в ванне с пузырьками под названием джакузи, о которой вспоминал Тэн в Дебрях, входило следующее: купание и загорание на пляже; игры с местными жителями в мяч; питание и алкогольные напитки; лечебные и эротические массажи от компаньонки; купание в горячих источниках, пар от которых висел над Оазисом. И много другое, до чего Алан в первый день не добрался.

Его поселили в светлом и уютном домике посреди благоухающего сада. В распоряжении Алана и компаньонки Ви были две просторные комнаты, спальня и гостиная, гигантская ванная и столовая. Легкий сквозняк развеивал полупрозрачные занавески, скрывающие большие, от пола до потолка, окна. Алан щеголял в белой рубахе без воротника и саронге, как и остальные либериане-мужчины.

Ви не давала ему соскучиться, и он даже ни разу не вспомнил о приятелях и — стыдно признаться — Кассии.

Ему просто не верилось, что существует такой потрясающий Оазис. Если у тебя статус Свободного жителя, ты волен делать всё, что угодно, или не делать ничего вовсе.

Он задался вопросом: а что если какой-нибудь Пилигрим захочет остаться в Либере навсегда? Выгонят ли его либериане? Но Алан тут же ответил сам себе: нет, ни один Пилигрим не останется в одном Оазисе навсегда, пусть даже этот Оазис — Либера.

Здесь жители совсем не стыдились наготы — что неудивительно с их безупречными телами. Порой они разгуливали без одежды по центру похожего на сад Оазиса, и никто не обращал на это внимания. Алан, который то и дело краснел, сообразил, почему в Зэн Секай Тэн подчеркнул, что либериане очень загорелые.

Ближе к вечеру, сидя в гамаке в беседке с видом на море, Алан вспомнил об Осаму. Когда он спросил о нем, Ви нахмурила белесые брови, похожие на крылья чайки, и уточнила:

— Мальчик, почти юноша, белый, как ты, сбежавший из родного Оазиса? Нет, исключено. Разве что...

— Что?

— Нет, ничего, — твердо сказала Ви. — Никакие мальчики, почти юноши, не будут покидать Либеру, чтобы прийти в Зэн Секай. Говорят, это ужасное место, где живут одни убийцы.

— О да, — согласился Алан.

— Расскажи мне о своих путешествиях! — заулыбалась Ви, доверчиво облачиваясь о колени Алана и заглядывая в лицо снизу вверх. Она сидела на низком стульчике возле гамака. — Где ты бывал, какие чудеса встречал в Оазисах?

Виолетта слушала с таким непритворным интересом, вскрикивая или смеясь в нужных местах, что Алан увлекся, проболтав до наступления ночи.

Глубокой ночью, лежа на просторной постели, слушая отдаленный рокот моря, вдыхая жаркий влажный воздух и ощущая плечом локоны Ви, Алан думал о дальнейших планах. Итак, по мнению Ви, Осаму не мог прийти из Либеры. Откровенно говоря, Алан и сам не в силах был представить, чтобы кто-то добровольно ушел из этого потрясающего Оазиса.

Проклятье, могли ведь эти двое, Матиас и Тэн, которые бывали здесь прежде, предупредить, что из Либеры вряд ли кто-нибудь сбежит в Зэн-Секай! Так нет же, приспичило им играть в сюрпризы! Из-за этого он рассорился с Кассией и лежит здесь, вдали от нее...

...рядом с этой сногшибательной малышкой! Алан повернул к ней голову, Ви крепко спала на животе, согнув одну ногу и вытянув руку под подушкой. Тварь бы побрала перипетии судьбы! Он винит друзей за то, что они не сказали ему о Либере, хотя сам же и уперся тогда у реки, в беседе с Кроваком. Сожалеет о расставании с Кассией, но без зазрения совести развлекается с либерианкой Виолеттой.

Что с ним происходит? Раньше мотивы его поступков были ясны и невинны, а сейчас он решительным образом сам себе не нравился. Он всегда считал себя человеком хорошим; так ли это сейчас?

“...никто — ни преступники, ни святые — не становятся таковыми без нужной обстановки, без определенных условий, — всплыли в памяти слова Эмиля. — Всегда нужна плодородная почва”.

Плодородная почва есть — вот она, огромный Оазис, в котором нет моральных запретов, нет табу. Если у тебя браслет Свободного гостя или жителя, в твоих правах делать почти всё. Или не делать ничего. Как в таких условиях сохранять верность той, что далеко?

“А еще ты говорил, что нет на свете единого закона, который бы однозначно причислял одних людей в законопослушные граждане, а других — в преступники”, — добавил про себя Алан, обращаясь к Эмилю.

Но для Оседлых всё гораздо понятней, в каждом Оазисе свой свод правил. Соблюдай их, и всё будет отлично. А как быть Пилигримам? В Оазисах они подчиняются местным законам, но как поступать с другими Пилигримами, в Дебрях? Каким моральным правилам следовать?

У Пилигримов есть, конечно, определенные правила, но они больше касаются дележки товара и золота, а не таких тонких материй, как отношения с Пилигримами-женщинами.

Несмотря на усталость и обилие впечатлений, сна не было ни в одном глазу. Алан почувствовал необходимость разобраться в своих мотивах, планах и вообще всей той помойке, что скопилась в голове за последние недели.

Что он испытывает к Кассии теперь, когда она далеко не единственная женщина в его окружении, когда ее близость не туманит его рассудок и когда его естественные мужские потребности удовлетворены за прошедший день, вечер и ночь целых пять раз?

Крякнув, он встал и тихо вышел из домика. Сквозь ветви пальмы и лимонного дерева просачивался желтоватый свет фонаря. Ветерок, уже не такой жаркий, как днем, но весьма теплый, обдувал его голое тело. Рокот моря заглушали заунывные крики диковинной тропической птицы.

Он думал о Кассии. Не мог не думать о ней. Даже сейчас, когда он — Свободный гость Либеры с полным набором услуг, а одна из этих услуг лежит в спальне, готовая к любым его причудам...

Он думал о Кассии, и она не желала уходить из головы.

“Получается, я ее люблю? — спросил себя Алан. — Или это болезнь, навязчивое желание, усиливающееся из-за того, что своевременно не утолено?”

Ему в который раз вспомнился спор с Кроваком и Омаром о том, куда идти. Стефан несколько раз подчеркнул, что убийца Осаму не мог выйти из Либеры; либериане, сказал он, совсем не воинственны. Но Алан заупрямился, стал спорить и проиграл. Хотел ли он, чтобы

Кассия передумала и отправилась с ним, чтобы мысль покинуть его вовсе не приходила ей на ум? Да. Хотел ли он прямо запретить Кассии уходить от него? Нет. Он хотел, чтобы у нее оставался свободный выбор, и она выбрала Алана...

Очень эгоистично, с одной стороны.

А с другой, раньше он никогда не сталкивался с такими задачами. Все его общение с женщинами ограничивались мелкими интрижками с доступными Оседлыми девицами. А долгосрочным планированием занимался Эмиль.

Так не пора ли начать решать новые задачи?

Алан вздохнул. Что толку думать? Осаму пришел явно не отсюда, оставаться надолго здесь не имеет смысла. Нужно спешить в Амазонию или Хэйдиал, если Кровкак уже двинулся дальше. Спешка явно не понравится Димитрию, да и Матиасу и Тэну с их ограниченным набором услуг — тоже.

С беспокойным сердцем Алан вернулся в спальню, лег рядом с Ви и через несколько минут уснул. Утро вечера мудренее.

Глава 11. Клейменные

Когда Алан проснулся следующим утром, рядом на столике его дожидался легкий завтрак: нарезанные фрукты, поджаренные ломтики хлеба, яичница с полосками бекона и черный кофе. Ви напевала в ванной — прихорашивалась, наверное.

Когда он прикончил яичницу и уже расправлялся с фруктами, входная дверь распахнулась, и в спальню ворвался Димитрий.

Алан едва его узнал. Чистый, причесанный, с аккуратно подстриженной рыжей бородой, в легких белых одеждах — он совсем не был похож на себя прежнего.

— Дрыхнешь еще, Алан? — прогремел он, сияя благодушной улыбкой. — А, завтракаешь в постели? Это правильно! Я тоже только что как следует перекусил, даже еще не надел портки. Поработал ночью от души, аппетит разыгрался! — Он подмигнул.

Алан при появлении Димитрия поспешил прикрыться простыней и стал оглядываться в поисках одежды. Там, куда он бросил ночью, ее не оказалось. Видимо, Ви унесла.

— Где твоя компаньонка, Димитрий?

— Тесса? Отмокает в ванне, — фыркнул тот. — Утомилась, бедняжка. Между нами, Алан, я вчера был будто зверь! Никогда моё мужское естество не достигало таких высот. Я будто...

В комнату вошла Виолетта, одетая в короткий сарафан, избавив Алана от необходимости выслушивать скабрзные подробности проведенной Димитрием ночи.

— Доброе утро! — прошептала Ви.

Димитрий поздоровался и — Алан не поверил глазам — поцеловал ей руку, вызвав взрыв звонкого смеха, причем сделал это вполне изысканно, без малейших намеков на похоть. Сколько Алан помнил Димитрия, тот вел себя с женщинами, как лось в период гона. Конечно, он сдерживался в отношении невест, соблюдая условия договора, или, по крайней мере, пытался сдерживаться, но мысли и тайные желания так и выпирали из него при любом удобном случае. Алан поразился: даже такой неотесанный чурбан, как Каганович, способен стать джентльменом, если живущее в нем животное досыта накормить.

— Где моя одежда, Ви? — Алан встал, обмотавшись простыней.

— Разве ее не принесли? — удивилась Ви.

— Кто принёс?

Вместо ответа она выдвинула один из ящиков комода и извлекла сложенные стопкой рубашку и саронг — прямоугольный кусок ткани, сшитый противоположными сторонами в виде этаким трубой. Оба предмета одежды были прошиты блестящей голубой нитью. Это явно была другая одежда, не вчерашняя. Убегая в ванную одеваться, Алан мимоходом подумал, что, получается, ночью кто-то посетил их гнездышко и обновил одежду.

Интересно, размышлял он, завязывая саронг и рассматривая себя в зеркале, как поступили бы либерiane, будь с ними Кассия? Предложили бы компаньона?

Да ну, глупости. Компаньонки нужны, чтобы обновлять кровь Оазиса, вряд ли женщинам-Пилигримам тут предоставили бы местного красавца. Или всё-таки предоставили бы? Чем занимаются здешние мужчины, среди Пилигримов женщин-то немного? Вступают в кровосмесительные отношения?

И почему здесь все красивы и здоровы? Если либерiane — плод любви местных женщин и Пилигримов, то этого по идее не должно быть. Что-то Алан не заметил, чтобы

Пилигримы все как один были красавцами. Или имели безупречное здоровье. У Кровака и вовсе ожирение, а у Эмиля пошаливало сердце...

Много вопросов, мало ответов.

Алан вышел из ванной. Димитрий и Ви о чем-то весело беседовали.

— Чем будем развлекать себя сегодня? — поинтересовался Димитрий при виде Алана.

— Надо бы найти Матиаса и Тэна, — пробормотал Алан озабоченно, — узнать, как там они.

Димитрий скривился.

— Думаю, не скучают. У них есть право купаться, загорать, пить, есть и играть в мяч с местными. Предлагаю выяснить, какие еще развлечения нам полагаются. А то пропустим — придется ждать целое поколение!

Алан открыл рот, чтобы сказать, что у них только один день на развлечения, а потом пора продолжить поиски Рыцарей Дебрей. Ему ярко представилась бурная реакция Кагановича. Но он так ничего не сказал, уж слишком счастлив был Димитрий. Как-нибудь потом, попозже...

— Кстати, Ви, ты не ответила, кто принес одежду? — спросил он компаньонку.

— Прислужники, — отозвалась та.

— Такие же, как ты?

— Почти. Я не только Прислужница, но еще и Компаньонка. А те, кто обслуживает нас и других в Либере — они просто Прислужники. Здесь много градаций. Если они будут хорошо выполнять работу и пройдут Селекцион, они станут Свободными.

— А у вас рождаются некрасивые или больные дети? — допытывался Алан.

— Дружище, зачем тебе это! — сказал Димитрий. — Кто знает, может, они их топят в море! Нам-то что?

— Мне хотелось бы знать, — ответил Алан. Он повернулся к Ви, которая, как ему почудилось, слегка напряглась. — И как же поступают в Либере с больными и уродливыми?

Она захлопала длинными ресницами.

— Простите, но вам лучше обратиться к Старейшинам... Я могу провести вас к ним...

Алану в голову пришла занятная идея.

— Подожди, Ви. Ты сейчас моя компаньонка и должна выполнять все мои прихоти, верно?

Димитрий тяжело вздохнул и закатил глаза.

— Кроме тех, что нанесут моему или твоему здоровью вред... — пролепетала Ви. — Или не поспособствуют беременности...

— Но ты ведь должна отвечать на мои вопросы? Это ведь не нанесет вред нашему здоровью?

— Да... То есть нет, не нанесет.

— Тогда прошу тебя: ответь на мой вопрос. Ты ведь хочешь получить хорошие рекомендации и пройти Селекцион второго уровня?

Алан осознал, что использует грязные приемы. Даже тугодум Димитрий это сообразил и негромко крикнул. Но промолчал.

Манипуляция была налицо, однако на Алана накатило упрямство. Слова Димитрия про море, явное напряжение Ви, ее нежелание отвечать на простой вопрос вынуждали настаивать.

Ви с несчастным видом смотрела снизу вверх то на Алана, то на Димитрия. Ее губы

тряслись.

— Я... я не знаю, что делать! — жалобно сказала она. — Старейшины могут рассердиться, если я скажу! Мне говорили, что Пилигримы не интересуются такими вопросами, они просто отдыхают! Но если я не скажу, рассердитесь вы...

Она внезапно поднесла руки к лицу и заплакала.

Алан был потрясен такой реакцией. Он вовсе не собирался доводить ее до слез. Его поразило, что эта всегда веселая и позитивная девушка умеет лить слезы.

Пока Алан в замешательстве стоял без движения, инициативу перехватил Димитрий. Он выступил вперед, аккуратно взял Ви за плечи и пробасил:

— Ну-ну, детка, не надо так реагировать! Мы никому не скажем, если ты ответишь на простой вопрос. Старейшины не узнают ровным счетом ничего, клянусь своей кудрявой бородой! Мы, Пилигримы, чтим кодекс учтивости и никогда не ударим в спину.

Тут он, конечно, перегнул, ибо среди Пилигримов встречались самые разные личности, но откуда Ви знать об этом? Ее личико прояснилось. Даже заплаканная, она выглядела обольстительно.

— Если в Либере рождается больной малыш... — начала она. — Или некрасивый... это значит, что он не прошел Селекцион первого уровня. Это отбор при рождении. Старейшины клеймят его и отправляют в подземные ярусы...

— Чего? — поразился Алан. — Клеймят?

— Ставят знак вот сюда, — она показала на лоб. — После этого Клейменный лишается воли и служит Либере всю жизнь, выполняя черную работу...

— То есть под нами в подземельях трудятся сотни... или тысячи бедолаг, лишенных воли?

Ви кивнула.

— Однако! — проговорил Димитрий. — Да у них тут самое настоящее рабство! Не хуже, чем в диких Оазисах. Даже изошренней!

Алан не верил ушам. Он огляделся и обвел рукой белокаменные стены, высокие окна, сад за ними, легкие занавески и огромную кровать под сетчатым балдахином.

— Это всё создано теми, кому не повезло родиться некрасивым или больным?

Ви снова кивнула.

— Самую тяжелую работу выполняют Клейменные, работу полегче — Прислужники. А Свободные либериане не работают.

— И всех устраивает такая ситуация? — полюбопытствовал Димитрий.

— Что, прости?

— Клейменные не поднимают бунт? Во всех Оазисах, где есть рабство, рабы хоть раз на памяти старожил поднимали восстание. От этого дикие Оазисы пребывают, собственно, в дикости. А ваш Оазис такой... такой... — Димитрий безуспешно пытался подобрать нужное слово.

— Клейменные лишены воли, Димитрий, — напомнил Алан. — Правильно, Ви?

— Правильно, но... — она задумалась. — Ходят слухи, что некоторые Клейменные в далеком прошлом сохраняли разум и даже убегали в Дебри. Я слышала, они являлись носителями гена Пилигримов.

— Носителями чего Пилигримов? — спросил Димитрий.

— Это... В общем, в них есть магия, которая делает вас Пилигримами.

— А, понятно. Но почему вы не отдавали таких детишек приезжим Пилигримам?

— Маленьких детей? — Ви распахнула глаза. — Пилигримам? Никто не взял бы их. Пилигримы берут тех, кто хотя бы умеет ходить. Но к тому времени все те, кто не прошел Селекцион первого уровня, были уже Клейменными.

— А девочка права, — сказал Димитрий Алану. — Кто будет нянчиться с младенцами в Дебрях? А этим либерианам проще всех заклеить и отправить под землю. В общем, всем плевать. Ну что, Алан, ты узнал, что хотел? Не пора ли нам продолжить развлечения?

Алан едва слышал его. То, что он выяснил, не то чтобы шокировало, но вызывало неприятные чувства. В каждом Оазисе свои законы, и Оседлые живут по ним веками. Не забота Пилигримов менять эти законы. Алан и сам не понимал, что его беспокоит в этой истории.

А потом он вспомнил.

— Значит, все-таки они сбегают! Я тебя спрашивал вчера, помнишь, Ви? Ты сказала, что из Либеры никто не сбегает!

— Но ведь ты говорил о гражданах Либеры, — сказала Ви. — А Клейменные — это просто...

— Рабы и вовсе не люди! — договорил Алан. Он был возбужден. — Димитрий! Рафу назвала приемного сына Осаму “необыкновенным”, когда я спросил, как он выглядит! Не клеймо ли на лбу делало в глазах смертоносной старушки его необыкновенным? У этих синоби странные представления о жизни. Быть может, и красоте тоже.

— Допустим, — прогудел Димитрий в бороду. — И как нам узнать, что это был за Клейменный? И даже если узнаем, как это поможет найти и наказать Рыцарей Дебрей?

— Чем больше мы узнаем о враге, тем лучше! — Алан в волнении забегал от огромной постели к окну и обратно. — Картина проясняется, Димитрий! Этот Рыцарь — Клейменный и Пилигрим. Когда он вырос и научился противостоять магии клейма, то сбежал в Дебри. Он добрался до Зэн Секай, ближайшего Оазиса. Там его усыновила Рафу. Этот Клейменный был одержим идеей свободы для всех! Ничего удивительного для бывшего раба!

— И что ты предлагаешь?

Алан обратился к Ви:

— Проведи нас на подземные ярусы!

Ви скорчила гримаску, но тут же поспешно изобразила улыбку:

— Как скажешь.

— Ты с нами, Димитрий? — спросил Алан.

Тот заколебался. С тоской посмотрел в окно, на яркий душистый сад и решительно кивнул:

— Только если быстро. Туда и обратно.

Они пересекли растущие на террасах сады. От ярких красок цветов, пышной зелени, выбеленных на солнце каменных парапетов, разноцветных черепичных крыш и площадок с фонтанами рябило в глазах. Перекликались птицы, где-то звенел веселый смех, ровный бриз дул с моря, обдувая лицо и трепля волосы и одежду.

Ви взбежала по лестницам между террасами почти к самой высшей точке Оазиса, за которой вздымались коричневые скалы, затем свернула на восток — туда, где горная гряда прижималась к окраине Оазиса. Здесь было безлюдно, далеко внизу зеленело море. Ви

остановилась у сплошной стены ползучих растений-вьюнов, за которой едва просматривалась вертикальная скала. Рядом шумел водопад.

— Осторожно, камни скользкие! — крикнула Ви, чтобы Пилигримы расслышали ее сквозь грохот водопада.

Вдоль скалы вниз вела узкая тропинка. Водяная пыль от водопада добиралась сюда, камни покрывал скользкий зеленый налет. Осторожно переступая с камня на камень, придерживаясь рукой за скалу, Алан и Димитрий последовали за Ви к самому водопаду.

Алан ощутил приятную прохладу и свежесть. Брызги от водопада попадали на лицо. Водопад низвергался с десятиметровой высоты, обрушивался на отполированную скалу и в виде говорливой речки устремлялся к морю между заросшими берегами.

Ви коснулась пальцами вырезанного на скале странного знака в виде полумесяца, пронзенного стрелой. Она оглянулась на Пилигримов, ее личико было непривычно серьезным и почти грустным. Говорить что-либо здесь было бесполезно, поэтому Алан молча ждал продолжения.

Ви внезапно улыбнулась, поманила за собой и бросилась в водопад.

Алан не сдержал возгласа, который потонул в шуме водного потока. Они переглянулись с Димитрием.

“Куда она делась? — подумал Алан. — Что это было вообще?”

Ви исчезла за стеной воды, и Алан с опозданием сообразил, что за водопадом есть тайный проход. Это было интересно. Он не думал, что вход в подземные ярусы может быть таким экзотичным. Подмигнув озадаченному Димитрию, он прыгнул вслед за Ви.

Холодная вода тяжело ударила по голове и плечам. Одежда моментально промокла до нитки. Алан поспешил сделать ещё пару шагов и очутился в относительно сухом месте. Пока он вытирал ладонями лицо и отбрасывал волосы со лба, к нему шагнул мокрый Димитрий.

Как и ожидал Алан, они находились в невысокой пещере с наполовину затопленным полом. Сквозь узкую щель в потолке сочился дневной свет. В глубине пещеры виднелась деревянная дверь, возле которой ждала Ви.

Она снова поманила их рукой.

Когда они с Димитрием приблизились к Ви, она открыла незапертую дверь. За ней открывался темный и сырой тоннель. Сбоку на стене видел фонарь в виде подвешенной на крючке колбы с мутной светящейся жидкостью. Ви основательно встряхнула колбу, и жидкость засветилась, сначала тускло, потом всё ярче.

С этим фонарем Ви вошла в тоннель. Алан пропустил мимо себя Димитрия и прикрыл дверь, которая сразу отсекала шум.

— Ви! — окликнул он компаньонку. — Постой!

Та остановилась и обернулась. В слабом белесом свете ее мокрое лицо и белые волосы казались обликом прекрасной и суровой богини.

— Разве в подземные ярусы нет более близкого пути? Неужели Клейменым каждый раз приходится проделывать длинный путь, чтобы поменять нам белье или подмести двор?

— В подземные ярусы ведет не так много путей, Алан, и этот находится в самом немногочисленном месте. Я не хотела попадаться на глаза Свободным.

— Разве Свободные не знают об этом проходе? — спросил Димитрий.

— Все знают обо всех проходах, но... — Ви замаялась. — Об этом не принято говорить. Клейменных не принято замечать, а они обучены не осквернять взор Свободных. Они выходят на работу глубокой ночью, почти на рассвете, когда жители Либеры спят.

— И они не видят света солнца? — поразился Алан. Если Осаму действительно бывший Клейменный, Алан понимал его ненависть к Оседлым. Непонятно лишь, почему он уничтожил Хоу Верден, а не Либеру, хотя, возможно, очередь Либеры скоро придет...

Ви не ответила, но и без этого всё было ясно.

Они спускались по грубо вырубленным в скале ступеням, и свет фонаря в руке Ви отгонял мрак впереди. Зато позади сомкнулась темнота. Становилось душно.

Вскоре они подошли к еще одной деревянной двери. Ви толкнула ее, и она распахнулась.

Алан и Димитрий увидели обширную пещеру с низким сводом, поддерживаемым несимметричными колоннами. Пространство пещеры заливал мертвенно синеватый свет множества фонарей вроде того, что держала Ви; они крепились на колоннах и свисали с потолка. В этом неживом свете за длинными лязгающими станками трудились бледные люди в одинаковых одеждах. Воздух здесь был посвежее — очевидно, работала вентиляция, но некоторая спертость все же ощущалась.

На появление гостей никто из работников не обратил внимания. Никто не отвлекся от работы. Алан сообразил, что в этой пещере располагается ткацкий цех; он видел что-то подобное в родном Галльфране давным-давно.

Как зачарованные, Алан и Димитрий медленно двинулись между рядами машин. Лязг и грохот стояли такие, что разговаривать не имело смысла. Алан заглядывал в лица Клейменных, которые словно бы не замечали его. Они вовсе не были такими уж уродливыми, как он их представлял себе после разговора с Ви, но их облик не шел ни в какое сравнение с идеальными пропорциями и красотой “верхних” жителей. Кое-кто был слишком упитанным, кое-кто, наоборот, слишком тощ; у кого-то имелся чересчур выдающийся нос или подбородок, а некоторые отличались плохой кожей.

Все работники подземного цеха были бледны или обладали пепельным оттенком кожи, если родились темнокожими.

— Их хотя бы хорошо кормят, — пробормотал Алан под нос.

И, конечно, у всех на лбу красовалось Клеймо — красноватая печать в виде большой перевернутой трапеции, составленной, казалось, из множества закрученных линий и пятен. Алан не представлял, каким образом ее нанесли. Явно не выжгли каленым железом, как это делают со скотом. Кожа под клеймом никак не изменилась, но что-то подсказывало Алану, что стереть его невозможно.

Димитрий шел вдоль другого ряда ткацких станков и время от времени тыкал Клейменных пальцем. Те слегка отстранялись, но не прерывали работу.

Алан дошел до конца пещеры, где виднелось несколько дверей, ни одна из которых не была заперта. Клейменных не нужно было запиравать на замки; в отличие от обычных рабов, им не требовались колодки и кандалы. Алан заглянул за одну из дверей. Там был короткий коридор, за которым начиналась новая пещера с работниками, которые красили ткань в огромных чанах. На Клейменных в этой пещере были надеты белые респираторы, и сильно воняло химией.

Алан подумал, что ему достаточно. Махнув Димитрию рукой, он зашагал было назад, но остановился при виде своего бородатого спутника, с озадаченным видом стоявшего перед одним из Клейменных. Клейменный, на вид лет пятнадцати, был рослым жилистым парнем с чисто выбритой головой. А его кожа отливала антрацитом...

Димитрий и Алан переглянулись. Клейменный сосредоточенно работал и не обращал ни

на что внимания. Алан подошел к нему вплотную и осмотрел красивое лицо с большими глазами, высоким лбом, широким носом. Облик раба портили Клеймо и заячья губа.

Пилигримы молча вернулись к Ви, которая по-прежнему ждала их у выхода на поверхность.

— Похож? — буркнул Димитрий, когда они выбрались сквозь водопад и обсыхали на солнышке.

— Похож... — не стал спорить Алан. — Но это еще ничего не доказывает. Мало ли на свете людей, похожих на Матиаса. Есть огромное количество Оазисов, населенных чернокожими людьми. Не меньше, чем тех, что заселены краснокожими, желтокожими и...

— Алан, но его глаза! — прошептал Димитрий, словно их мог кто-то подслушать. — А нос? Да это вылитый Матиас, только помоложе и колец нет...

— Если так подумать, брови совсем не его, — сказал Алан. — И подбородок тоже не его.

— Брови и подбородок от матери, — отрезал Димитрий.

— У нас нет доказательств.

— Но всё же...

— И чего ты хочешь? — перебил его Алан. — Рассказать Матиасу, что его сын — про которого он знать не знал — работает в подземельях Либеры лишенный воли? Ты хочешь, чтобы Матиас потерял покой? Чтобы выкрал безвольного сына и увез в Дебри? Чтобы этот сын запрягал ему коня и собирал валежник, потому что только на это и годен этот несчастный раб?

Димитрий оторопел.

— Да нет же, Алан, ты что? Я просто подумал, что Матиас должен знать...

Алан отвернулся от него. В памяти всплыл рассказ Эмиля об Оазисе Индренис, с попытках осесть и сыне, который родился неспособным ходить по Дебрям.

— Мы не знаем точно, его ли это сын или нет, — спокойно произнес он. — Зато я точно могу сказать, что Матиасу будет об этом неприятно узнать. Поэтому у нас нет права сообщать ему об этом.

— Ты прав, я согласен.

Алан посмотрел на прекрасную и хрупкую Ви, на ее загорелые плечи, мокрое платье и белые волосы.

“Виолетта! — хотелось ему сказать. — Обещай мне, что если ты родишь от меня ребенка и этот ребенок не пройдет Селекцион первого уровня, ты не отдашь его в подземелья! Не позволишь поставить на нем Клеймо! Ты скажешь об этом мне, когда я приеду через девять месяцев или даже раньше. Я заберу младенца с собой, чего бы мне этого не стоило”.

Но он ничего из этого не сказал. Он вспомнил о своей первостепенной цели.

— Кто их контролирует? — спросил он у Ви. — Мне нужны имена сбежавших.

— Боюсь, это невозможно. У Клейменных нет имен, только номера, и, насколько мне известно, никто не ведет учет сбежавших.

— Тварь раздери! Мы ничего не узнали о прошлом Рыцаря помимо того, что он — бывший раб с Клеймом на лбу. Осаму сбежал из каравана Кровака на полпути к Амазонии, туда нам и стоило идти с самого начала, а мы потратили время...

— Но-но, — оборвал его Димитрий. — Мы вовсе не потратили зря время, юный Алан! Мы узнали, что этот монстр — беглый раб, а это ребята озлобленные и опасные. К тому же

он — настоящий Пилигрим и владеет смертельными умениями синоби Зэн Секай. У него нет настоящего имени, и всё его детство прошло в подземельях... Ну и конечно, лично я еще никогда с такой пользой не проводил время!

Он хохотнул. Видимо, его все-таки мало волновали последствия подобного полезного проведения времени — последствия наподобие того, что работает сейчас на ткацком станке где-то в глубине скалы.

— Не имеет имени... — пробормотал Алан. — Рафу подарила ему имя, но оно, возможно, ему не нравилось... Не удивлюсь, если он подыскивал себе наиболее благозвучное имя... Поэтому он назвал мое имя красивым, будто это важно для него...

Они отправились в обратный путь. На сей раз Алан не любовался красотами пейзажа, несмотря на раздражающе яркие краски, что всюду лезли на глаза. Он задумчиво брел следом за Ви и Димитрием, думая о том, что название “Либера” — свобода — глубоко неправильное. Свобода не для всех не есть свобода в полноценном понимании этого слова. Свобода, основанная на рабстве, — великий обман и лицемерие.

А еще он думал, что, как это ни парадоксально, он начинает понимать Рыцаря Дебрей, его ненависть и желание насильно даровать всем свободу.

Глава 12. Амазония

— Ах, это были потрясающие дни и ночи! — разглагольствовал Димитрий, покачиваясь на коне. — Оказывается, Прислужниц обучают искусству любви, и я поставил моей девочке Тессе высший балл! Я — добрый экзаменатор!

Четверо Пилигримов трусцой скакали на своих лошадях по едва заметной тропе вдоль берега моря. Жаркий день только начинался, с моря тянул умеренный влажный бриз, на волнах подскакивали белые чайки, и их заунывные крики заглушали однообразный шум ветра. Либеры с ее разноцветными крышами, террасами, садами, водопадами и дымкой горячих источников таяла в мареве далеко позади. Впереди холмистая равнина полого поднималась от моря к горному кряжу.

— Запоминай хорошенько эти дни и ночи, — ядовито проговорил Тэн. — Теперь ты не будешь никакой экзаменатор целое поколение!

— Дружище Тэн, — благостно парировал Димитрий, — подобное завистливое настроение пагубно влияет на печень и мешает выводу желчи...

Матиас громко хмыкнул, но в их пикировку не вмешался. Алан старался пореже смотреть на него.

— Алан, всё в порядке? — спросил Матиас, заметив необычную молчаливость друга. — Тебе не понравилось в Либере?

— Нет, всё хорошо! — Алан натужно улыбнулся.

Матиас пронизательно вглядывался в него.

— Уверен?

— Да брось, Матиас! — встрял Димитрий, который, конечно, понял, что к чему. — Алан в полном порядке и восторге от Либеры!

— Да, Димитрий прав, я в порядке.

— Я вас не узнаю, — с улыбкой сказал Матиас. — То вы деретесь друг с другом, то вступаете друг за друга... Отдых в Оазисе сблизил вас...

— Наверное, они познавать искусство любви друг на друга, — съязвил Тэн.

Димитрий замахнулся на него плеткой, но не ударил. Тэн сделал вид, что достает из колчана за спиной стрелу и выпускает ее в Димитрия.

— С ней всё хорошо, — тихо произнес Матиас, обращаясь к Алану. — Стефан не даст ее в обиду.

— Ты о Кассии? — изумился Алан. Ну конечно, Матиас отнес подавленное настроение молодого человека к расставанию с любимой. Он поспешно сказал: — Э-э... да, я знаю, что она в безопасности. Она — Пилигрим, а значит, не просто женщина. Но проблема в том, что и она имеет право выбирать. А в караване Кровака выбор есть.

Он ни за что не признался бы в этом, если бы не стремление отвлечь внимание Матиаса от Либеры с ее тайнами.

Матиас серьезно кивнул.

— Ты должен быть решительнее... Извини, что поучаю, но это в твоих интересах. Просто объяснись с ней, как с равным партнером. Она поймет. Она сильная девушка. Просто представь, что она — такой же человек, как я. Что она в какой-то степени мужчина.

Алан покосился на Матиаса. Несмотря на неудовольствие от непрошенных поучений, он был вынужден признать, что зерно истины в словах Матиаса есть. Действительно, а что если

поговорить с Кассией как с женщиной? В том смысле, что не пытаться ухаживать, а прямо предложить стать мужем и женой? Как она отреагирует на это? Она ведь сторонница равноправия между полами, и ей симпатична идея матриархата!

— О да! — раздался сзади голос Тэна. — Кассия Ринн — сильная девушка! Но говорите с ней, как с мужчиной, — это глупость!

— Это еще почему?

— А потому, друг Матиас, что женщина — пусть самая сильная женщина на свете — оставаться женщиной и никогда не быть мужчиной! С женщиной надо разговаривать как с женщиной!

— Ты, я погляжу, специалист по женщинам? — насмешливо поинтересовался Димитрий.

— Меня учить мой отец, — невозмутимо парировал Тэн. — А он имеет много жен. Он знает, что такое женщина!

— Ну и что такое женщина? — спросил Матиас, стараясь не ухмыляться совсем уж откровенно.

— Все люди хотят быть счастливым. Счастье для мужчины — владеть всем миром, а счастье для женщины — владеть мужчиной, который владеть всем миром.

После такого заявления установилась краткая пауза, заполненная цоканьем копыт лошадей и шумом ветра.

— Хм, дружище Тэн, — сказал Димитрий. — Ты ошибаешься! Я, например, не владею всем миром, но вполне себе счастлив!

Тэн хитро прищурился.

— Ты, Пилигрим, не владеешь всем миром? Разве ты не ходишь, куда хочешь?

— Разве ходишь, куда хочешь, и владеешь — одно и то же?

— А что ты понимать под “владеть”? Запихать в седельный сумка? Владеть конь — значит, скакать на конь; владеть женщиной — значит, иметь женщину, который тебя любит; владеть мир — значит, ходи по земле, где хочешь.

— А, ну если понимать это в таком смысле...

Матиас с нескрываемым интересом спросил:

— А что насчет Оседлых мужчин? Они ведь не могут ходить куда хотят? Получается, все они несчастны?

Тэн покачал головой, взметнув косичками.

— Для Оседлых мужчин их Оазис — весь их мир. Они владеют им, и они счастливы.

Алан с любопытством смотрел на Тэна. Почти то же самое сказала Рафу. Он не подозревал, что Тэн такой философ. Он привык, что Тэн отличный охотник, неприхотливый путешественник, хороший товарищ, певец и в некотором роде священник. Но чтобы еще и знаток мужчин и женщин...

Остальные тоже взирали на Тэна примерно с тем же выражением лица.

— То есть, — заговорил Матиас, решивший разобраться в вопросе до конца, — счастливый мужчина — это тот, кто владеет миром, каким бы крохотным он ни был, а счастливая женщина — та, кто владеет счастливым мужчиной?

Тэн просиял:

— Правильно! Теперь вы понимай мудрость мой отец?

— Мы едем сейчас в Амазонию и Хэйдиал, — сказал Димитрий. — Там властвуют бабы! Они, по твоему, счастливы?

— Нет. Их мужчины слабы и не владеют ничем. Они несчастливы, и их женщины несчастливы. У них ненормальный порядок вещей. Такой порядок не дает счастье и гармония.

— Кассия с тобой не согласилась бы, — хмыкнул Алан. — А если в этих Оазисах всё наоборот? Что если женщины матриархальных Оазисов поменялись ролями с мужчинами и теперь хотят владеть миром, а их мужчины хотят владеть ими?

Тэн подумал и покачал головой.

— Я сильно удивляться, если такое случаться. Это будет переворот мировой порядок с ног на голову.

Местность поначалу медленно, затем все быстрее поднималась к мощной горной гряде, чьи склоны сплошь заросли тропическим лесом. Многочисленные ручьи и реки шумели меж скалистых берегов, скрытые буйными кронами. Пилигримы поднимались по извилистой горной тропе, изнывая от духоты и мелких насекомых, кони осторожно ступали по краю каменистого обрыва. Никто больше не чесал языком — следовало держать ухо востро.

Алан по-прежнему надеялся встретить караван Кривака — а в нем Кассию — где-нибудь за ближайшим поворотом, но чем дальше продвигались Пилигримы, тем слабее становилась надежда.

Стефан обещал, что они встретятся в окрестностях Либеры, но, по всей видимости, этот тип не был склонен держать слово. Или что-то случилось...

Алан старался не попасть в объятия нарастающей тревоги. Если Кассии не будет и в Амазонии, тогда следует спешно устроить поиски.

Он оглянулся — тропа позади пропадала в зеленых кущах, равнина далеко внизу простиралась будто под наклоном вверх, пока не упиралась в блестящее зеркало моря, которое чудесным образом не проливалось вниз. Алан понимал, что это обман зрения. На самом деле это он с друзьями взбирается вверх по пологому склону, а равнина — совершенно плоская, как и море.

Еще через несколько часов они достигли гребня горы, и перед ними открылся гигантский цирк — круглый кратер, чьи склоны покрывал вечнозеленый лес, а дно с протекающими реками пестрело красными, фиолетовыми и желтыми прямоугольниками полей. Примерно в центре, окруженное лесом, синело озеро, принимающее воды всех речушек и ручьев.

Алан разглядел несколько деревень из выстроившихся кругами домиков. На гребне горы, где остановились Пилигримы, пробегала Черная граница — неподвижная блестящая поверхность, похожая на застывшую смоляную реку.

— Неплохо бабы устроились, — пробурчал Димитрий.

Они не преодолели и половины пути вниз по склону, как наткнулись на ровную утопанную площадку в окружении врытых в землю деревянных истуканов. На площадке сражались два всадника, сверкающие кривые клинки сабель то и дело со звоном сталкивались друг с другом, взмыленные лошади вставали на дыбы и храпели. Бой был яростным и молчаливым. Сразу было ясно, что противники бьются насмерть. Они не заметили появления Пилигримов, которые замерли за группой деревьев.

В какой-то момент один из бойцов вскрикнул высоким хриплым голосом и упал с коня,

который отпрянул в сторону леса и остановился на опушке, нервно переступая копытами. Победитель грациозно соскользнул со своего скакуна и приставил к горлу лежащего на земле проигравшего острие сабли.

— Клятва! — рывкнул победитель, и Алан понял, что это женщина. Они обе — женщины, одетые в легкие просторные шаровары и накидки поверх свободных рубах, перетянутых на талиях широкими поясами. Головы их были повязаны платками, из-под которых на спину падали косы. В отличие от жительниц Либеры одежда амазонок покрывала их тело целиком, кроме кистей рук и лиц. Шаровары из тонкой ткани были заправлены в узкие и высокие сапожки с небольшими каблуками.

Проигравшая сверкнула глазами и выдохнула:

— Кровь и честь!

Победительница кивнула и размахнулась, собираясь отсечь голову.

И тут Димитрий присвистнул и громогласно произнес:

— Тварь меня раздери! Вот это воительницы!

Амазонка быстро развернулась к Пилигримам.

— Странники Дебрей! — слегка задыхаясь после битвы, сказала она.

Алан заметил, что она колеблется — не знает, как поступить: продолжить беседу с гостями или отрубить голову проигравшей.

— Приветствуем вас, — заговорил он, подъезжая к женщинам на Вихре. — Мы впервые в вашем Оазисе и не знакомы с вашими законами. Однако прошу помиловать эту женщину, если она не совершила слишком уж большого греха.

Обе амазонки уставились на Алана — и стоящая с саблей наголо победительница, и лежащая в пыли проигравшая. Они не казались мощными воинами, женщины как женщины. Обе молодые, загорелые, с черными волосами и большими зелеными глазами. Косметикой они не пользовались, но Алан увидел золотые серьги в ушах и бусы из разноцветных камушков и деревяшек. Алан ожидал встретить мужеподобных мускулистых агрессивных баб, но эти двое ничем не отличались от миллионов других женщин из нормальных Оазисов, где правили мужчины, как и положено природой. Правда, от победительницы исходило ощущение гибкой пружинистой силы.

И запах пота, смешанный с тонким запахом ароматических масел, которыми была, очевидно, пропитана одежда.

Внезапно победительница расхохоталась, чуть не выпустив сабли. А проигравшая покраснела от злости.

— Слышала, Анниса? — сквозь смех спросила победительница. — За тебя заступился мужчина! Ха-ха! Пожалуй, подчинюсь и не буду тебя убивать! И клятвы вассала мне от тебя не надо!..

— Я выбрала кровь и честь! — выкрикнула Анниса. Она вскочила на ноги — разъяренная как кошка, и от внимания Алана не укрылось, что у нее потрясающая фигура, длинные ноги и тонкая талия. Невысокая, очень изящная, она сверкнула зелеными кошачьими глазами на Алана, который не понял, чем не угодил, и быстро устремилась к коню. Запрыгнула на него, не коснувшись стремян, и унеслась вниз по склону. Ветер раздул ее накидку, косы бешено развевались.

Алан переглянулся с товарищами. Те ответили недоуменными взглядами. Тэн улыбался, Димитрий округлил губы, словно собирался снова свистнуть. Матиас сохранял спокойствие.

— Я прошу прощения, — заговорила амазонка деловито, стерев с лица улыбку. — Меня

зовут Танвира, я сожалею, что вы стали свидетелями нашего сражения.

— Почему? — немного неуверенно спросил Димитрий.

Танвира озадаченно поглядела на него, потом улыбнулась.

— Ну да, вы же Пилигримы! Здесь, в Амазонии, мы стараемся ограждать мужчин от подобных зрелищ. А вы, наверное, привыкли.

— Мы думай, ваши мужчины слабый. Да? — вкрадчиво спросил Тэн.

— Конечно, нет! — горячо ответила Танвира и мотнула головой так энергично, что из-под платка высвободилась длинная смоляная прядь волос. — Они очень сильные! Просто... — Она задумалась, и ее лицо смягчилось. — Наши мужчины драгоценны, их жизни гораздо дороже жизни обычной бабы.

Вот тут Алан был совершенно сбит с толку. Разве амазонки не повелевают мужчинами? Разве не считают их слабым полом? Разве не угнетают их и не презирают?

Тем временем Танвира вскочила на лошадь.

— Вы не привезли женихов? Тогда, может, товар?

— Мы ищем других Пилигримов, — сказал Алан. — Они должны были прибыть чуть раньше.

— Верно! К нам недавно приехали Странники Дебрей. Привезли женихов. Сегодня вечером будет Праздник Сватовства. Лучшие вдовы будут биться за них.

— Вдовы? — переспросил Матиас.

— Да. Те, кто потерял мужей. Теперь они свободны и нуждаются в женихах. Я тоже буду биться! А Анниса — нет, она мне уже проиграла пред лицом наших предков!

Она кивнула в сторону деревянных идиолов.

— Где другие Пилигримы? — спросил Алан, от души которого здорово отлегло. Кровак здесь! А с ним и Кассия!

— Королева разместила их в гостевой деревне. Наверное, они там. Ну что, поехали? Я провожу вас к королеве.

Она неспешно поехала по тропе вниз. Алан пристроился рядом, остальные ехали поодаль и, должно быть, шевелили ушами, как летучие мыши, чтобы не пропустить ни слова.

— А почему вы смеялись, когда я попросил не убивать вашу соперницу? Это для вас унижительно? — спросил Алан, рассудив, что раз амазонка вовсе не агрессивное мускулистое существо, ненавидящее мужчин, значит, можно и поговорить. Он не ошибся — Танвира спокойно ответила:

— Немножко. Она выбрала кровь и честь, то есть умереть с честью, вместо того, чтобы дать мне клятву верности. Хотела сдохнуть с гордо поднятой головой! — Танвира рассмеялась хрипловатым смехом. — Хотя эта голова недолго была бы поднята... Но — не вышло! За нее вступился мужчина, и не просто мужчина, а Странник Дебрей! Я не могла послушаться. Теперь ей жить с позором!

Ну вот, подумал Алан, он хотел как лучше...

— Анниса, наверное, меня за это ненавидит? За то, что не дал ее убить?

— Ага, — довольно ответила Танвира. — Можешь не сомневаться. Но ничего, побеситесь и успокоитесь. Ты же мужчина. Что с тебя взять?

— Действительно, — пробормотал Алан.

— Извините, что вмешиваюсь, — вступил в разговор Матиас. — Вы упомянули о вдовах, уважаемая Танвира. А что случилось с их мужьями? И разве у вас нет девиц?

— Наши мужья погибли, добывая для нас пищу, — грустно сказала Танвира. — А про

девиц не поняла вопрос. Вдова, девица — какая разница? Если женщина свободна и хочет обзавестись мужчиной, она имеет право участвовать в боях на Празднике.

Матиас расплылся в белоснежной улыбке, выразительно посмотрел на Алана, воспользовавшись тем, что Танвира глядит в другую сторону, и замолк. Алан подумал, что Матиас наверняка решил, что амазонки убивают мужей в каком-нибудь ритуале, отчего время от времени становятся вдовами и нуждаются в новых женихах. Слава богам, амазонки, кажется, не убивали мужей.

Когда Пилигримы и их гид спустились в долину, копыта лошадей глухо застучали по деревянному настилу дороги. Вероятно, когда-то давно дно кратера полностью покрывал тропический лес, но Оседлые вырубili его под пашни и огороды. Алан отметил, что почти не видно скота, да и аккуратные прямоугольники полей засеяны иногда не пшеницей, рожью или просом, а ровными рядами фиолетовых и красных цветов.

Между полей — или цветников? — находились деревни из двух десятков круглых деревянных домиков с конусообразными крышами. Дома выстраивались кружком, в центре которого имелась круглая площадь.

Подобных маленьких и очень аккуратных деревень в долине было множество. На площадях двигались фигуры людей, занимающихся своими делами.

Снизу открывался еще более живописный вид на вздымающиеся над разноцветной долиной кольцо зеленых гор.

— А это что? — спросил Матиас, указывая на еле различимые пещеры на свободном от растительности склоне. Почти отвесный склон был изрыт пещерами, как сыр.

Танвира проследила за его указующей рукой. Глянув на пещеры, слегка поклонилась и с глубоким уважением произнесла:

— Это Маздар Альхайя, Источник Жизни. Там наши мужья добывают пищу.

— В пещерах? — удивился Алан.

— Амброзия бывает только в пещерах, — пояснила Танвира. — Вы сможете ее попробовать на Празднике Сватовства.

Алан ничего не понял. Их мужчины добывают какую-то амброзию в пещерах на склонах гор. Половина полей засеивается не полезными культурами, а красивыми, но бесполезными цветочками. Этих женщин не понять... Он решил повременить с расспросами до того, как встретиться с Кроваком и остальными. А сначала надо нанести визит королеве.

По деревянной дороге они проскакали мимо нескольких деревушек и направились к лесу в центре равнины. Когда они въехали под сень деревьев, Алан облегченно вздохнул. У него пестрело в глазах от бесконечных цветников и сладковатого цветочного аромата. Тэн потер нос и оглушительно чихнул, отчего из кустов вспорхнула стайка птиц с ярким опереньем.

Здесь движение оказалось более оживленным, чем в полях между деревень. Навстречу им то и дело попадались наездницы — все в просторных легких одеждах, с покрытыми головами, вооруженные саблями. Среди наездниц встречали немолодые персоны, с морщинистыми лицами и седыми волосами, выбивающимися из-под небрежно повязанных платков или капюшонов из тонкой ткани. Несмотря на возраст, амазонки держались в седлах уверенно, с прямыми спинами. Все были стройными и поджарыми.

Они ехали по зеленому туннелю, образованному деревьями, многие из которых были украшены цветами или ленточками. Один раз слева Пилигримы увидели огороженную невысоким забором площадку, где тренировались в стрельбе из лука совсем молодые

девочки. Мальчики тут тоже были, но не стреляли, а сидели на заборе в качестве зрителей и болельщиков. Их подбадривающие или насмешливые звонкие голоса нарушали лесную тишину. Взрослая амазонка — наверняка учительница — строго выговаривала девочкам за промахи, но не делала никаких замечаний шумным мальчишкам.

“Чудеса! — думал Алан. — Кажется, юношам тут живется лучше, чем девам. Хотя надо бы сначала выяснить, что за амброзию добывают мужчины в пещерах и почему иногда гибнут, отчего в Амазонии полным-полно вдов, готовых драться насмерть ради жениха”.

Когда впереди между деревьев заблестела гладь озера и запахло водой, путь им преградила стража. Десяток женщин в доспехах подняли копыя с разрисованными непонятными значками древками скорее в ритуальном, нежели угрожающем движении.

— Кто идет во дворец королевы Шэди? — грозно спросила одна из стражниц. Вероятно, вопрос прозвучал бы более зловеще, не будь у амазонки слишком высокий и нежный голос.

Алан огляделся. На высоте в два человеческих роста на деревьях были установлены площадки, на которых стояли лучницы в широких капюшонах. Тетиву они не натянули, но стрелы уже лежали на рукоятках. У лучниц были обнаженные руки, но предплечья закрывали кожаные наручи.

— Танвира из селения Благоуханных трав. Привела Странников Дебрей... — Амазонка сделала короткую паузу и тише, но ядовитее добавила: — И ты, Салия, это прекрасно видишь...

Стражница с нежным голосом предпочла не услышать шпильку.

— Ты должна сдать оружие, Танвира. И оставить здесь коня.

Танвира со вздохом, закатив глаза, сняла саблю в ножнах и неожиданно резко бросила стражнице. Та поймала оружие в воздухе свободной рукой. Танвира спрыгнула со скакуна, и поводья приняла другая стражница.

Алан тоже собирался снимать шпагу и спешиваться, но стражница Салия махнула рукой.

— Странники могут ехать верхом. И оружие сдавать не надо. — Стражница обольстительно улыбнулась Алану. — Вы ведь мужчины...

— Благодарю, — проворчал Алан, хотя подозревал, что это снисхождение продиктовано тем, что амазонки попросту считают Пилигримов неспособными причинить королеве вред. И ходить пешком тоже. Как к несмышленным детишкам относятся...

Он обернулся на товарищей. Димитрий оценивающе оглядывал амазонок и едва слышно цокал языком, Матиас напустил на себя невозмутимый вид, а Тэн снова чихнул и, крякнув, высморкался в ладонь, которую вытер о бок коня. Стражницы одновременно поморщились.

Танвира зашагала впереди, Пилигримы поехали следом. Весь оставшийся путь до дворца был сплошь украшен цветными лентами и гирляндами цветов. Сверху свисали масляные светильники в виде искусно изготовленных бронзовых чаш. Света они почти не давали, но смотреть на них было приятно.

“Как же все-таки женщины любят всё яркое, красивое и бесполезное, — размышлял Алан. — Живи здесь одни мужчины, всё было бы не особо красивое, но целесообразное. Зачем столько цветов? От их запаха Тэн скоро зальет весь Оазис соплями. А эти светильники среди дня?”

Добравшись до каменистого берега широкого озера, процессия на пару мгновений остановилась. С берега вглубь озера уходили три узких моста шагов тридцать длиной. Далее

из воды возвышались живописные беседки из белого камня и увитые плющом. В беседках вырисовывались силуэты стражниц; Алан подумал, что такое обилие охраны вокруг дворца в первую очередь не из-за требований безопасности, а для пышности и внушительности. Хотя, возможно, амазонки воюют друг с другом, как жители Зэн Секай, чтобы не было скучно. Война — самое лучшее лекарство от скуки...

За беседками, которые выступали в качестве промежуточного пункта, мосты тянулись еще пару десятков шагов и упирались в каменную террасу дворца с колоннадой. Второй и третий этажи строения были деревянные, и каждый из них имел размеры меньшие, чем нижестоящий уровень. На террасах второго этажа пышно цвели клумбы. Высокая коническая крыша тянулась к безоблачному небу, а сам дворец, отражаясь в ровной глади озера, производил впечатление хрупкой и ажурной красоты.

— Здесь придется спешить, — извиняющимся тоном сообщила Танвира.

Алан начал слезать с Вихря и вдруг почувствовал на своих бедрах руки Танвиры. Алан крикнул:

— Что ты делаешь?

— Помогаю спуститься с коня, — чуть смутившись, ответила та.

— Она помогает, Алан, — сдерживая смех, сказал Димитрий. — Разве не понятно? Вдруг ты запутаешься в стремях, упадешь и подвернешь ножку?

— Спасибо, не надо, — холодно сказал Алан Танвире, внезапно поняв суть взаимоотношений амазонок со своими мужчинами. Женщины в этом матриархальном Оазисе вовсе не презирают и не угнетают мужчин! Они относятся к мужчинам как к слабому полу, вот и всё! Ведь любой воспитанный мужчина помог бы спешиться хрупкой девушке? Вот и Танвира поступает так же.

“Ты же мужчина. Что с тебя взять?”

Действительно, какой может быть спрос с представителя слабого пола?

Амазонки, заступаясь за своих мужчин, называли их сильными. Но ведь то же самое сказали бы и мужчины о своих женщинах.

Стражницы на берегу повели коней к коновязи в тени деревьев, где было заготовлено сено, а Пилигримы отправились по правому мосту вслед за Танвирой сначала к беседке, потом — ко дворцу.

— Они нас принимают за слабаков, — прошептал Матиас на ухо Алану, когда они немного поотстали от Танвиры. — Оружие не забрали! Считают, что победят нас в любом поединке! Разрешили с коней не слезать до самого берега... Они относятся к нам, как... как...

— Как мы к женщинам, — подсказал тихо Алан, и глаза Матиаса широко раскрылись.

— Тварь меня раздери! Что сделали боги, чтобы в этом Оазисе поменялся порядок вещей?

Сзади озадаченно прогудел Димитрий:

— Интересно, какие у них бордели...

Небольшой, но уютный и живописный дворец в озере выглядел покинутым — ни стражниц, ни слуг. Мелкие волны шлепали по каменному фундаменту, на верхних террасах усыпляюще гудели пчелы. Потом из темной арки под навесом на нижнюю террасу вышел юноша лет пятнадцати, высокий, угловатый, с насупленными густыми бровями, в свободном светлом хитоне без рукавов до колен и легких сандалиях. Черные кудри стягивала тонкая золотая корона. Кажется, припомнил Алан, в таких же неудобных для подвижных игр

хитонах щеголяли мальчики на стрельбище. Наверное, потому что мальчикам здесь не полагалось стрелять из луков, драться и ездить верхом.

Танвира поклонилась ему, и мальчик ответил более глубоким поклоном.

— Ваше высочество, — обратилась к отроку амазонка. — Я привела Странников Дебрей к вашей царственной матушке.

Принц! — подумал Алан.

Его высочество без особого интереса глянул на Пилигримов и с легким раздражением капризного ребенка сказал девушке:

— Танвира, я ведь просил тебя называть меня просто по имени! К чему эти глупые церемонии?

Танвира покосилась на Алана, и тот уловил ее виноватое смущение.

— Как скажешь, Хорвэш...

Удивительный юноша тем временем нравоучительно проговорил, заложив руки за спину и начав прохаживаться перед слушателями:

— В нашей жизни и без того хватает проблем, чтобы ухудшать ее еще больше обрядами и ритуалами. Взять хотя бы этот Праздник Сватовства. Вдовы бьются насмерть только затем, чтобы выбрать женихов! Не проще ли бросить жребий или спросить мнение самих женихов?

Танвира густо покраснела, что стало заметно, несмотря на загар.

— Это наш принц, — пояснила она Пилигримам. — Если бы такое сказал простой мальчишка...

— Будь я простым мальчишкой, — сказал принц Хорвэш, — вы бы отправили меня в пещеры немедленно, а не после инициации? Там и без того большинство мужчин. — Он вздохнул. — Жизнь в этом Оазисе так примитивна и однообразна! Вы не привезли книги? — обратился он к Алану.

— Нет, ваше величество... то есть высочество. У нас нет книг и вообще товара.

— Ну и зачем вы пришли сюда?

— Я привела их к королеве, чтобы они отдали ей дань уважения.

Юноша закатил глаза.

— Опять ритуалы и бессмысленные поступки. Что такое “дань уважения”? Как ее можно потрогать или взять?

Не дожидаясь ответа, он скрылся в арке, туда, где в глубине помещения виднелась витая лестница.

— Принц любит читать книги, и это развило его ум не по годам, — сказала Танвира. — Ему скучно с нами. Жаль, что...

Спохватившись, она замолчала.

— Жаль что? — спросил Алан.

— Ничего.

Матиас сказал своим глубоким басом:

— Наверное, он мечтал бы стать Пилигримом?

— Не думаю, — живо отреагировала Танвира. — Он просто жаждет развлечений. И комфорта.

— Веселой жизни и комфорта одновременно не бывает, — усмехнулся Матиас.

— Да! — поддакнул Димитрий. — Веселая жизнь всегда сопряжена с опасностями! Иначе какое веселье без риска?

— Я понимаю, — сказала Танвира. — И все же...

До них долетел голос принца — Хорвэш стоял на лестнице и кричал:

— Ну? Вы идете? Я уже сказал о вас маме. Она вас ждет. Можете отдать свою дань уважения.

Амазонка, следом за ней Пилигримы прошли под арку к лестнице. Хорвэш уселся в кресло и взялся за какую-то серую и очень гладко отполированную дощечку. Алан с удивлением заметил, что по ее поверхности бегают темные символы и картинки. Принц тыкал по ним пальцем, и они меняли направление, исчезали и появлялись.

— Эту чудесную штуку привезли Странники Дебрей из другого Оазиса. Кажется, он называется Парадайз, — пояснил Хорвэш, поймав взгляд Алана. — Представляете, в ней больше знаний, чем в самой огромной библиотеке?! Пока этот магический свиток везли через Дебри, он не работал, поэтому Пилигримам он никак не пригодится. А здесь снова заработал. На пару часов в день его надо класть на солнцепек, и он, нагреваясь, получает силы работать дальше.

Тэн озабоченно проговорил:

— Там внутри, наверное, сиди дух. Хорошо, что он — светлый дух, а не темный, раз кушай солнечный свет.

Поднявшись по лестнице, они очутились на втором ярусе дворца, в просторном и светлом помещении с высокими окнами. Им так и не попались охранницы или слуги, но у Алана было ощущение, что за ними следят. На террасу выходила точно такая же арка, как и внизу. Впрочем, ее закрывала полупрозрачная занавеска, колышущаяся от ветерка. На террасе цвели кусты, и между ними ходила высокая немолодая женщина с лейкой в руке. Она диктовала размеренным приятным низким голосом юной девушке, сидевшей возле арки за крохотным столиком и писавшей в свитке коротким пером.

— ...Кадрия слишком привередлива и злоупотребляет запрещенными приемами, — говорила королева. — Поэтому поставь ее в списке пятнадцатой, после Муниры и Хании. Будет биться либо с Равией, либо с Нуранией — они обе достойные соперницы.

Она обернулась на шаги, и Алан увидел немолодое, но приятное лицо, миндалевидные желто-зеленые глаза, пышные волосы с проседью, ниспадающие из-под массивной золотой диадемы. Как и у всех амазонок, у королевы была на удивление стройная фигура человека, регулярно закаляющего плоть в тренировках. На Шэди красовалась белая туника без рукавов, поверх которой ниспадала полупрозрачная накидка. На обнаженных руках Алан с содроганием разглядел старые сабельные шрамы.

Танвира поклонилась и постучала кулаком левой руки по правому плечу.

— Моя королева!

Пилигримы тоже поклонились.

— Странники Дебрей, — проговорила королева со спокойной улыбкой, — приветствую вас в нашем скромном Оазисе. Вижу, вы прибыли без женихов и товаров... Это необычно. Но не страшно. На днях нас посетили другие Странники, привезя и женихов, и товар для обмена. Сегодня вечером у нас Праздник Сватовства, на который я приглашаю и вас.

— Приветствуем и мы вас, Ваше Величество, — ответил Алан. — Вы правы, мы прибыли налегке. Мы искали наших друзей, они и есть те самые Пилигримы...

— Это весь ваш отряд? — перебила Шэди, кладя лейку на столик. Она указала на ряд мягких кресел возле стены в тени и уселась сама. Пилигримы расположились в креслах. Танвира осталась стоять в сторонке.

— Да.

— Вы впервые в Амазонии?

— Впервые, ваше величество.

— Как вас зовут?

Алан был слегка сбит с толку.

— Я — Алан Аркон, это мои спутники Матиас Муронго, Димитрий Каганович и Тэн Тайджи-Ар. Скажите, другие Странники здесь?

— Здесь. Сегодня они тоже почтят присутствием Праздник Сватовства.

Алан обрадовался. Кассия здесь!

— Отлично!

Королева сказала:

— Вы прибыли к нам лишь затем, чтобы встретить ваших друзей?

— Так вышло, — пробормотал он. — У нас в пути возникли проблемы...

Ее Величество Шэди сделала элегантный жест рукой, который можно было расценить одновременно как знак понимания и как просьбу не продолжать. Алан умолк.

— Неважно, — проговорила королева нараспев. — Мы гостеприимны к Странникам независимо от того, приехали ли они с товаром или просто так... Танвира, оставь нас.

Проводница Пилигримов коротко кивнула и бесшумно удалилась.

Шэди сказала писчице:

— Самина, принеси нам напитки и сладости. Они внизу.

Девушка убрала свиток в выдвижной ящичек в столе и молча ушла.

Избавившись таким образом от лишних ушей, королева проговорила:

— У меня к вам предложение, Странники. Я дам вам драгоценных камней как за два десятка женихов. Но за это вы препроводите лишь одного человека в соседний Оазис.

Алан покосился на товарищей. Те насторожились.

— Одного жениха, ваше величество? — уточнил Алан. Он никак не ожидал такого поворота событий. — И в какой именно Оазис? Хэйдиал?

— Нет, в Парадайз. И не жениха, а моего сына, принца Хорвэша.

Глава 13. Неприятности

После этих странных слов на пару мгновений установилась почти полная тишина. Над залитыми жарким солнцем кустами жужжали пчелы, внизу плескалось озеро, и влажный ветерок овевал разгоряченную кожу. Потом оглушительно чихнул Тэн и пробормотал извинения.

— Вашего сына? — переспросил Алан удивленно. Он ожидал, что королева не пожелает отвечать, ведь оплата как за два десятка женихов должна сама по себе удовлетворить досужее любопытство.

Но королева Шэди снова удивила, сказав:

— Я всё объясню.

Но тут вернулась девушка-писчица, принесла на большом подносе высокие бокалы с красной жидкостью и какие-то угощения в виде маленьких котлет, насаженных на зубочистки для удобства.

Алан отпил из стакана ледяную жидкость — это было не вино, а прохладительный напиток, чуть сладкий и очень освежающий. Потом попробовал котлетку, и лицо его потрясенно вытянулось. Это была самая вкусная еда из всех тех разносолов, которыми его потчевали в многочисленных Оазисах. Вкус невозможно было описать обычными человеческими словами; для этого необходимо было создать специальный язык. Вкус пробуждал какие-то древние затаенные воспоминания — некоторые воспоминания, казалось, исходили из тех времен, когда он, Алан, питался грудным молоком. Матиас, Димитрий и Тэн тоже растаяли в блаженных улыбках, попробовав угощение.

Пока девушка ставила поднос, а путешественники ели и пили, королева негромко напевала под нос и крутила в тонких, но сильных пальцах маленький серебряный колокольчик.

Шэди взмахом руки отпустила девушку, и та удалилась, предварительно окинув Пилигримов любопытным взглядом.

— В нашем Оазисе на взгляд того, кто никогда здесь не был, необычные порядки, — заговорила королева.

До слуха Алана долетело бормотание Тэна — тот что-то бубнил на языке далеких степных Оазисов — обширных, но малонаселенных. Алан примерно предполагал, о чем говорит Тэн: необычные порядки Амазонии для него — слабо сказано.

— Вижу, вам нравится пещерная амброзия?

— Это пещерная амброзия? — спросил Матиас, подняв к глазам “котлетку”.

— Верно. Мы делаем ее из особенных грибов, что водятся в наших пещерах на склонах Кольцевых гор. Амброзией можно питаться всю жизнь и не есть больше ничего, и здоровье не пострадает. Эта еда богов не приедается и всегда дарит огромное удовольствие своим изысканным неповторимым вкусом. Грибы растут быстро, их нужно только кормить перетертой листвой, которая начала подгнивать.

Димитрий крякнул при этих словах, но есть не перестал. Матиас отложил котлетку. Тэн хмыкнул и потянулся еще за одной котлеткой.

— Вот почему на ваших полях вместо хлеба или овощей растут только цветы! — сказал Матиас.

Королева медленно кивнула.

— Все же мы выращиваем хлеб и овощи, но в небольших количествах. Настоящей необходимости в этом нет. К тому же наши земли не очень плодородны, и урожай всегда получается не слишком богатым. Разве что цветы растут хорошо. Из них в деревне Благоуханных трав делают ароматические масла. Но с питанием проблем в Амазонии нет...

Она нахмурилась, и Алан догадался, что проблемы все же есть, пусть и не связанные с питанием. Шэди объяснила:

— Амброзия — это опасный гриб. Его выделения и испарения убивают за три удара сердца.

Тут Тэн отложил котлетку и встревоженно глянул на королеву. Димитрий, пожав могучими плечами, продолжил трапезу.

— Разумеется, убийственные выделения бывают только у живого гриба, — поспешила уточнить Шэди. — Будучи сорванным, он теряет смертоносные свойства. Но живой гриб может убить только... женщину. На мужчин это выделение не действует.

Алан вскинул брови.

Димитрий пробасил:

— Похоже на Эманацию Тварей. Она действует только на Оседлых. А здесь, получается, только на ба... на женщин.

— Таким образом, — сказала королева, — в пещерах на сборе Амброзии, без которой мы не выживем, работают только мужчины. Жизнь мужчин очень ценна, и мы бережем ее по мере возможностей. Мальчики не участвуют в опасных соревнованиях, им запрещено драться, лазать по деревьям и заплывать в глубокие места без надзора. Зато девочек не жалко.

— Но погодите! — воскликнул Матиас. — Девочки — это будущие матери! Если в Оазисе больше женщин, то больше шансов породить многочисленное потомство, даже если мужчин мало.

Королева задумчиво поглядела на гладь озера и медленно проговорила:

— Возможно, Амброзия как-то влияет на наше здоровье. Она придает нам силы и долгую жизнь, но мы очень редко порождаем мужчин. У меня до Хорвэша родилось пятеро дочерей. И при этом боги были благосклонны ко мне, ибо даже это было чудом. Мальчики рождаются очень редко. Вновь прибывшие женихи не в силах зачать больше одного мальчика за всю жизнь.

Пилигримы переглянулись. Алан вдруг вспомнилось, что он и вправду не встретил ни одного местного мужчины. Их рождается очень мало, и к тому же они все трудятся в пещерах. Мда, не позавидуешь...

— Мы, женщины, сражаемся за женихов и друг с другом. Таковы наши обычаи с незапамятных времен. Полагаю, они были созданы нашими предками для того, чтобы регулировать количество женщин. Без постоянных сражений нас стало бы слишком много, и мы умерли бы от голода. Амброзии на всех не хватит.

— Но Хорвэш... — сказал Алан. — Он — мальчик, ему не грозят сражения...

— Зато грозит работа в пещерах! — оборвала его королева, сверкнув очами. — Не такую судьбу я желала бы своему единственному сыну! Королем он не станет. В Амазонии всегда правили женщины. Даже отпрыск королевской семьи обязан трудиться в пещерах с семнадцати лет. В нашем Оазисе с мужчинами обращаются как с чем-то драгоценным, но судьбе их не позавидуешь. У них нет свободы выбора, и наши законы определяют их судьбу до самой смерти.

— Как в других Оазисах судьбу девушек определяет традиция и законы, — задумчиво пробормотал Алан.

— Да, — вмешался Тэн. — Девочка расти-расти, слушайся отец, потом ее отдавай замуж, и она слушайся муж и молча сиди в гарем.

— Что такое гарем? — заинтересовалась королева.

— Э-э-э... — протянул Алан, но Матиас в сердцах сказал:

— Нигде нет справедливости!

— Я слышала про Парадайз, — произнесла Шэди, очевидно, забыв вопрос. — Это Оазис, полный чудес. Мне объясняли, что у них там не магия, а наука. И у них мужчины и женщины равны в правах, хотя мне это трудно представить.

Димитрий кашлянул:

— Да быть такого не может.

Королева не стала спорить. Оглядев Пилигримов, спросила:

— Итак, вы согласны проводить моего сына в Парадайз? Я плачú как за десяток женихов...

— Как за десять? — встрепенулся Димитрий.

— Да, мы согласны. Но... — медленно проговорил Алан. Он сейчас не думал с завышенной цене. Вести по Дебрям одного человека, защищая его от Тварей, куда проще, чем нескольких. Алан попытался представить, каково это — быть юным Оседлым, которого отправляют в неизвестный Оазис. Парадайз может оказаться не таким уж прекрасным местом, и если Хорвэшу захочется вернуться, некому будет его проводить обратно.

Димитрий пихнул Алана в бок — дескать, соглашайся, не спорь.

Королева заметила оговорку Пилигрима и поняла ее по-своему:

— Вы хотите сказать, что я поступаю нечестно по отношению к другим амазонкам, у которых сыновья трудятся в пещерах? Не беспокойтесь о моей чести. Я первая в королевской династии за последнюю сотню лет произвела на свет мальчика. Мое святое право — избавить его от судьбы с утра до ночи работать в пещерах и трижды в семь дней ходить к женщинам, подобно племенному быку!

В ее голосе зазвучал металл, но даже в нем Алан уловил нотки напряжения, будто Шэди хотела в первую очередь убедить саму себя в собственной правоте.

— Ходить к женщинам — работа не трудная, — пробурчал Димитрий едва слышно.

Матиас отозвался:

— Пока тебя не заставляют. Под принуждением даже приятная работа в тягость.

Королева предпочла не услышать эти разговоры. Она сказала:

— В Парадайзе моему сыну будет хорошо... Я очень на это надеюсь. Пусть боги смилостивятся над ним, и он будет свободен...

Все стремятся к свободе, согласился с ней мысленно Алан. Но Оседлые делают этот как-то ограниченно. Предел мечтаний этой королевы в отношении сына — соседний Оазис. Вот если бы Оседлые умели ходить по Дебрям, этих проблем вообще не возникло бы. Алан одернул себя — он начинает думать, как Рыцарь Дебрей!

— Ваше величество, — перевел он тему, чуть возвысив голос. — Я желал бы узнать, приходили ли к вам беглецы из других Оазисов? Например, из Либеры?

— Иногда это случается, — вздохнула Шэди, причем непонятно было, к чему относится этот вздох: к тому, что людям в других Оазисах живется так плохо, что они вынуждены бежать, или к тому, что они выбрали в качестве места бегства Амазонию. — Но редко. Кто-

то приходит, кто-то уходит.

— Уходит? О чем вы?

— Несколько лет назад к нам пришел один Аляракулл.

— Кто?

— Бродяга, не знающий покоя и своего места на земле. Он похож на вас, Странники, тем, что ходит по Дебрям и Твари не видят его, но, в отличие от вас, он ищет дом и не может найти. Так вот, этот Аляракулл увел за собой трех Меченых.

— Меченых? — спросил Димитрий, опередив Алана. — У них был знак на лбу?

Владычица Оазиса кивнула.

Алан захлестнуло волнение.

— Как давно это было?

— Кажется, два года назад. Нет, два с половиной.

Алан задумался, а сердце громко билось в грудной клетке. Путь Рыцаря Дебрей вырисовывался более-менее четко. Осаму — Клейменный, сбежал с Либеры и, бредя по Дебрям куда глаза глядят, оказался в Зэн Секай. Там дзёнин Рафу, увидев в нем сына, научила его смертельному искусству. Осаму ушел из Зэн Секай спустя шесть лет вместе с караваном Стефана Кровака и пропал на подступах к Амазонии и Хэйдиалу. Теперь ясно, что двинулся он все-таки к Амазонии. Здесь он уговорил пойти за собой троих Клейменных и где-то в Дебрях обучил их ниндзюцу. Вчетвером они двинулись к Санти, купили непонятно на какие деньги — украденные? — у продажного Нараяна помощников для перетаскивания Черного камня и уничтожили Хоу Верден.

Но зачем Рыцарю Черные камни?

— У Аляракулла был знак на лбу?

— Нет, — сказала королева.

— Как? — изумился Алан. — Точно?

— Я еще не выжила из ума, — надменно произнесла Шэди. — Я знаю, что Странники плохо воспитаны, но всему должен быть предел...

— Я не то хотел сказать, — отмахнулся Алан. Он был возбужден донельзя. Если у Рыцаря нет Клейма, значит, он не из Либеры! Кровак и другие правы: Либера — не такой Оазис, чтобы из него сбежать порядочному гражданину. Но тогда откуда он? Дальше на северо-запад только Парадайз и Гальфран... — Нам нужно знать точно! Это крайне важно.

— У него не было знака, — твердо сказала Шэди.

— Как он выглядел? У него были отличительные особенности?

— Нет, он ничем не отличался от обычных людей. У него были светлая кожа и темные волосы. Он был молчалив и скрытен. Он был молод. Вот и все.

“Что имела в виду Рафу, когда называла Осаму особенным?” — подумал Алан. Неужели это другой человек? По времени всё вроде совпадает.

— И вы разрешили Меченым уйти? — перевел он тему.

— Как удержать тех, кто может ходить по Дебрям? Не держать же их в клетке? Хотят уйти — пусть уходят.

Королева погрузилась в свои мысли, и Алан догадался, что она думает о сыне.

Небо наполнилось синевой, солнце клонилось к закату, басовитое жужжание пчел поутихло.

— С закатом начнется Праздник Сватовства, — встрепенулась королева. — Вы приглашены. Ваши друзья, которые прибыли в Оазис ранее, тоже будут там. Если желаете

больше узнать об Аляракулле, спросите Аннису, она была с ним хорошо знакома. Танвира скажет, где искать Аннису.

— Анниса? — переспросил Алан. Ему вспомнилась проигравшая Танвире амазонка. А еще вспомнился ее гневный взгляд, когда она унеслась в бешенстве на коне. Вряд ли она захочет говорить с ним или Танвирой. Хотя шанс есть, если сослаться на приказ королевы. Да и что взять с Алана, он ведь просто мужчина? — Хорошо, спасибо, ваше величество.

— Когда вы намерены отправиться в Парадайз?

Алан быстро прикинул: нужно найти Стефана и остальных, объясниться с Кассией, забрать ее в свой отряд, поехать в Парадайз, оставить там принца и заодно навести справки о Рыцаре. Задерживаться в Амазонии нет смысла.

— Завтра в первой половине дня, — ответил он.

Его спутники промолчали — обещание королевы заплатить за одного как за десяток настраивало на покладистый лад. К тому же они, видимо, почуяли, как и Алан, близость врага.

— Отлично, — отозвалась Шэди. — Плата и мой сын будут готовы рано утром. Они будут ждать вас на той же тропе, что ведет в наш Оазис и из него. Эта тропа — единственная. Возле Черной тропы, на площадке с Ликами Предков.

Она позвонила в колокольчик. Мгновением позже явилась Танвира.

— Отведи их в гостевую деревню, — велела ей королева. — И прикажи Аннисе, чтобы она прибыла туда же. У наших гостей есть к ней разговор.

Танвира поклонилась ей, не поведя и бровью.

Гостевая деревня, расположенная среди цветочных полей возле гор, являла собой два десятка домиков, выстроенных по кругу. Алан с разочарованием узнал, что в Оазисе несколько гостевых деревень и Кровка с остальными гостят где-то в другом месте.

Домики в деревне были одинаковыми, круглыми, деревянными, с открытыми окнами, фундамент каменный. Из короткого коридора можно было пройти в шесть маленьких, но уютных комнат с низкими деревянными кроватями. В одном из деревенских домиков была баня, в другом — столовая. Алан, Матиас, Димитрий и Тэн оказались единственными гостями целой деревни.

Когда Танвира ушла, Пилигримы собрались в столовой за длинным столом возле широкого распахнутого окна, из которого поддувала вечерняя прохлада. На столе, в деревянных блюдах лежали уже знакомые “котлетки” амброзии.

— Ну что, Тэн, — сказал Матиас. — Как это сообразуется с твоей житейской мудростью? Женщины здесь вполне счастливы, хотя их мужики не владеют миром. Они даже своей судьбой не владеют.

Тэн огрызнулся:

— Они владеют еда — без еда тут все умри! Поэтому они владеют не только своя судьба, но и судьба всех!

— Друзья, — заговорил Алан, которого подобные споры волновали в настоящий момент мало, — нам подвалила неплохая работка — всего один пацан по цене десятерых...

— Надо было взять аванс, — перебил его Димитрий. — И вообще, посчитать хорошенько монетки...

— Шэди должна хорошо знать наши ставки, — сказал Матиас. — Не думаю, что персона королевской крови бросает слова на ветер. Или хочет обмануть.

Димитрий фыркнул — больше из упрямства, нежели настоящего желания спорить:

— А Твари их знают, персон королевской крови. Эта царь-баба, конечно, попроще, чем надутые индюки из Санти, но и ей я не стал бы доверять.

Алан кашлянул. Он начал этот разговор, чтобы поделиться дальнейшими планами и понять, согласны ли с ним товарищи, и углубляться в обсуждение разницы между правителями Санти и Амазонии он не собирался.

— В Парадайзе поищем следы беглеца, — сказал он, — который стал Рыцарем Дебрей. Я чувствую, мы скоро нападём на его след. Он не с Либеры, у него нет Клейма, значит, с Парадайза.

Матиас, Димитрий и Тэн покивали. Алан сдержанно улыбнулся. Всё идет как по маслу. Они держат путь в Парадайс, за это им хорошо заплатили, а у Алана выпадает возможность поискать проклятого Осаму.

По косяку двери постучали, и вошла Анниса — Алан сразу ее узнал. Ее лицо было непроницаемо.

Алан поднялся к ней навстречу и заметил, как у гостыи удивленно приподнялись брови. Впрочем, она тут же навесила на себя маску бесстрастности.

“И когда они уже привыкнут, что мы, Пилигримы, не их слабосильные мужчины, годящиеся лишь для выращивания пещерных грибов?” — недовольно подумал Алан.

— Я прощу прощения, что спас тебя, Анниса, — решительно сказал он. — Не знал, что это повредит твоей чести и причинит страдания.

Позади фыркнул Димитрий:

— В следующий раз заступаться не будем, пусть тебе рубят голову!

Алан бросил на приятеля недовольный взгляд. А Анниса холодно произнесла:

— В следующий раз вам придется заступаться за Танвиру!.. Зачем вы меня вызвали?

— Два с половиной года назад, — сразу перешел к делу Алан, — к вам в Оазис пришел Аляракулл. Ты с ним общалась. Расскажи о нем.

После секундной заминки Анниса улыбнулась.

— Он был страстный мужчина. И он знал, чего хотел?

— И чего он хотел? — спросил Алан, сообразив, что под “страстностью” Анниса могла подразумевать нечто иное, нежели то, что имелось в виду в Галльфране, Грейстоунхилле или Либере.

— Дать свободу всем Оседлым! — тотчас отозвалась Анниса. Глаза ее засверкали. — Жаль, что это невозможно.

Не удержавшись, Алан оглянулся на сидящих товарищей.

— Почему невозможно?

— Потому что самая черная граница у нас в головах.

Пока Алан изумленно взирал на амазонку, Матиас разулыбался, отчего на черном лице ослепительно засверкали зубы.

— Что верно, то верно!

— Как он выглядел? — спросил Алан. — У него были особые приметы?

Он не особо надеялся на то, что узнает о каких-то особых приметах. Кровка и королева уверяли, что у Осаму самая обычная внешность. И лишь Рафу называла его особенным — скорее всего, имея в виду некие черты характера, а не внешность.

Но Анниса внезапно заявила:

— У него все тело было в татуировках!

Вздвогнув, Алан тупо спросил:

— Как это?

— Всё тело по самую шею, — терпеливо повторила Анниса. — Когда он в одежде, этого не видно. Если без одежды, — она весело улыбнулась, — то... Тату не очень красивые, но необычные.

— Так вот что имела в виду Рафу, когда назвала его необычным! — осенило Алана, и он развернулся к друзьям, немо взирающим то на него, то на Аннису. — Не клеймо, а тату!

Тэн озадаченно спросил:

— Опасный старуха смотреть на него голый?

— А почему бы и нет? — загоготал Димитрий. — Может, она его в баньке парила?

Алан снова повернулся к амазонке.

— Из какого он Оазиса? И куда он пошел?

— Я не знаю, из какого он Оазиса. По его словам выходило, что побывал он в разных местах. Но я знаю, куда он шел. В Разрушенные Оазисы.

По спине Алана отчего-то пробежала струйка холода, весьма неуместного в тропическом климате.

— Зачем? — без особой надежды получить внятный ответ спросил он.

Однако Анниса в очередной раз удивила его:

— Ему нужно вещество Черной границы. Чтобы освободить Оседлых.

— Каким образом?

Женщина пожала плечами.

— Я рассказала всё, что помню. А память у меня хорошая. Больше он ничего не говорил... Он увел троих Клейменных.

— Как они выглядели? Как их звали?

— Обычные. — Анниса раздраженно дернула подбородком. — Ничего особенного. Молодые. С Клеймами на лбу.

Матиас негромко сказал:

— Да и Тварь с ними, мы все равно не знакомы с ними.

— Осаму мог научить их драться, — сказал ему Алан, задумавшись.

— Плохо, — сказал Димитрий. — Трое бойцов, которые умеют биться, подобно демонам, это в три раза больше, чем... эээ... один боец.

Тэн нервно хихикнул:

— Ты очень хорошо считай, Димитрий.

Бородач огрызнулся, а Алан разозлился: почему они несерьезны, когда нужно быть очень внимательными? Он с трудом удержался от того, чтобы не прокомментировать их поведение, перевел дух и сказал:

— Ладно. Поговорим с Кроваком и поедем в Парадайз.

Делать нечего — следы Осаму снова затерялись. Если Рыцарь Дебрей намеревался посетить Разрушенные Оазисы два с половиной года назад, то он уже успел осуществить задуманное. Только боги знают, где он сейчас... Получалось, Алан не знает, ни откуда пришел этот человек, ни куда направляется сейчас.

Анниса неожиданно сказала:

— Они уехали.

— Кто? — не понял Алан.

— Странники, которые прибыли до вас. Внезапно собрались и уехали совсем недавно.

У Алана возникло ощущение, будто он падает в бездну.

— Почему вы их не задержали? — выпалил он, плохо понимая, что говорит.

— Задержать Странников Дебрей? — недоверчиво уточнила Анниса.

Алан сглотнул и с трудом собрался с мыслями. Действительно, Пилигримов не принято задерживать.

— Когда это было?

Анниса показала рукой на тускнеющий небосвод в проеме двери.

— Солнце было вот там.

“Мы тогда сидели на аудиенции у королевы, — сообразил Алан. — Это было совсем недавно”.

— Что-то случилось, — сказал Матиас, тоже явно встревожившись.

— Едем за ними! — воскликнул Алан. — Тропа, ведущая в Оазис и из него — единственная. Догоним!

— Так, стоп-стоп! — заговорил Димитрий, привставая и выставляя вперед обе широкие ладони. — Но как же договор с королевой?

Он зыркнул в сторону Аннисы, не желая, видимо, при посторонней упоминать золото и деликатное поручение. Алан думал недолго.

— Спасибо, Анниса, — сказал он амазонке, и та, кивнув, удалилась. Алан повернулся к спутникам. — Мы с Тэном постараемся их догнать налегке и выяснить, что случилось. А вы, Матиас и Димитрий, остаетесь здесь.

Тэн — меткий стрелок, договорил про себя Алан. В случае чего, его меткость пригодится...

— А если не догоните? — озабоченно спросил Димитрий.

— У Стефана целый караван, — вместо Алана ответил Матиас. — Вряд ли они могут двигаться быстро. Они покинули Оазис совсем недавно, а дорог здесь не так уж много, вдоль моря направо или налево...

— На ночь глядя особо не подогоняешь, — все еще сомневался Димитрий, но Алан и Тэном уже выходили из домика-столовой.

Покрасневший диск солнца закатывался за кольцевые горы, дневной зной спал, повеяло прохладой. Народ Амазонии стекался к озеру в окружении леса. Женщины — пешие и верховые — с недоумением оглядывались на несущихся во весь опор Пилигримов.

Всю дорогу до площадки с идолами Алан и Тэн молчали, лишь прищипывали скакунов. Алан судорожно перебирал в уме варианты причин, по которым Кровак так внезапно снялся с места, и отбрасывал один за другим. Всё ни то! У Кровака буквально не было никаких резонов так спешить.

Разве что он убегал от отряда Алана? Но зачем? Узнал ли Стефан нечто, что заставляет его теперь усердно избегать встречи с Аланом?

Или — в груди у Алана похолодело — увальни Стефана сотворили что-то с Кассией и, испугавшись гнева Алана, теперь спешно ретируются?

Надо было уточнить у амазонок, была ли среди уехавших Пилигримов женщина и в каком состоянии она пребывала. Амазонки запомнили бы Странницу-женщину.

Но Алан был слишком растерян, чтобы задавать такие вопросы. Он поспешил в погоню. И остальные не подсказали ему, как поступить, потому что тоже растерялись. Возможно,

сейчас Матиас и спрашивает в гостевой деревне Танвиру или еще кого-то о том, были ли девушка среди Пилигримов, но весточку Алану послать уже невозможно...

Алан и Тэн скакали во весь опор, а солнце словно бы убегало от них. Сначала, когда они достигли хребта, огненный диск снова возвысился над линией горизонта, но очень скоро начал погружаться в золотисто-красном сиянии в пучины моря. На полпути с горного хребта Пилигримов застала ночная мгла.

К счастью, позади засияла почти полная луна, и в ее неживом свете перед всадниками замельтешили их черные тени.

Тэн, как и ожидалось, первым заметил что-то у дороги и резко осадил коня. Разгоряченный скакун захрапел, загарцевал под Пилигримом. Вихрь оказался более сдержанным и, остановившись, лишь переступал с ноги на ногу, в то время как бока вздымались и опадали. Тэн ловко спрыгнул наземь и наклонился. Алан тоже спешил.

В полумраке в придорожной подсохшей траве чернели силуэты лежащих людей. Три силуэта.

— Это парни Кровак, — прошептал Тэн. Он был потрясен, узкие глаза широко раскрылись, и в них поблескивала крохотная луна.

Алан и сам узнал парней. Кажется, их зовут Ингвар, Роберт и Зуло. Ингвар стонал, лежа на спине, руки его странно скрючились на груди, ноги подергивались, будто Пилигрима без остановки жалила змея.

Крови не было видно, видимых ран — тоже.

Алан заметался среди сухостоя в поисках других тел, но поблизости никого и ничего не обнаружил.

— Два мертвые, — шепотом сообщил Тэн, когда Алан вернулся. — Они стонать, еще жить...

Оба склонились над Ингваром, который явно видел их и стремился что-то сказать.

— Алан Аркон, это ты? — вымолвил он с трудом.

— Да, Ингвар. Это я. Что случилось? Где остальные?

— Люди в черных масках... Четверо... Они увезли остальных в Парадайз. Омар вместе с ними, с убийцами заодно. Это он нас вызвал, сказал, что поблизости на караван Тиберия напали. Мы выехали на помощь... Но это была ловушка... Будь они прокляты!

Он судорожно перевел дыхание. Лицо было бледно — еще более бледно в лунном свете, глаза вылезали из орбит. Алан решительно не понимал, отчего Ингвар так страдает — он не был ранен.

— Человек в черной маске, Рыцарь Дебрей, сказал, что если я сообщу тебе, Алан, об этом, то смогу спокойно умереть...

— Почему ты хоти умирай? — закричал Тэн. — Что у тебя болит? Где твой рана? Что тебе они сделай?

Ингвар всхлипнул и вдруг заплакал.

— Я не знаю... Мне так больно... Он сказал, я умру, если скажу тебе... Но я не могу умереть, он обманул. Это самая невыносимая боль, какая только... Убейте меня!

И до Алана дошло. Рыцарь ударил Ингвара особым образом, так, как это умеют профессиональные убийцы Зэн Секая. И теперь Ингвар испытывает страшные страдания. Эти страдания могут длиться очень долго, а помочь ему невозможно...

Будь здесь Рафу или Итиро... Но их нет.

Алан глянул на Тэна. Тот вспотел то ли от страха, то ли от вида страдающего парня.

— Убейте меня, заклинаю!..

Тэн кивнул и нахмурился.

— Ты будешь отомщен, — произнес Алан, едва узнавая собственный голос.

Он выдернул из ножен прозрачный клинок и ударил прямо в сердце Ингвару.

Глава 14. Белая стена

Потрясенный до глубины души, Алан бегал из угла в угол по столовой в гостевой деревне Амазонии, а остальные Пилигримы молча и хмуро следили за ним, сидя вокруг стола с остатками ужина.

Снаружи было уже темно, но не слишком поздно — в тропиках темнеет рано. Вокруг нескольких светильников носились ночные бабочки, в цветочном поле за стенами дома стрекотали сверчки и звенели цикады, а со стороны окруженного лесом озера доносились музыка, вопли, крики, аплодисменты и звон оружия. В разгаре был Праздник Сватовства, на котором амазонки сражаются за своих временных мужей.

— Но почему, — начал неуверенно Димитрий, — у этого распроклятого Осаму зуб на тебя, Алан? Чем ты ему успел досадить?

— Не знаю, — раздраженно отрезал Алан. Этот вопрос ему задавали уже раз пять, а он сам задавался им гораздо чаще.

Всё его существо рвалось немедленно отправиться в погоню, но разумом он понимал, что это глупо и бесполезно.

— Он хочет, — своим звучным голосом проговорил Матиас, — этот Осаму, чтобы Алан последовал за ним. Не будет ли ошибкой идти у него на поводу?

— Любое действие будет ошибкой, — пробормотал Алан в отчаянии. Он уже думал об этом. Последовать за Осаму — значит загнать себя в ловушку. Не пойти — обречь Кассию и Кровака с товарищами на неведомую судьбу. Человек, уничтоживший целый Оазис и не проявивший никакого раскаяния, убивший Эмиля Ламара и по какой-то таинственной прихоти оставивший в живых Алана, совершит всё, что угодно.

— В любом случае, мы должны быть едины, — продолжил Матиас, и Алан остановился, воззрившись на него. Ему не хватало этих слов. — Если Осаму заманивает Алана в Парадайз мы пойдем в Парадайз. Очевидно, у него была масса возможностей уничтожить нас, но ему нужно что-то другое. Вероятно, некие знания, которые ведомы только тебе, Алан, пусть ты не осознаешь этого полностью. А пока ты ему нужен, он не причинит вреда Кассии и нашим друзьям.

Алан неуверенно улыбнулся. Хотелось бы верить, что Осаму не повредит Кассии. В сущности, ничто не мешает Рыцарю Дебрей убить ее и держать Алана в неведении. Алан сжал кулаки.

— Нам грозит опасность, — проговорил он. — Опасность неведомая. Никогда прежде Пилигримы и Оседлые не сталкивались с такой угрозой. Мы все должны осознавать это. Я не буду пороть горячку, хотя сердце мое разрывается... Мы возьмем плату у королевы и отведем принца в Парадайз. Наверное, там нас будет ждать Рыцарь Дебрей. Если кто-то из вас захочет уйти...

— Хватит пороть чушь! — рывкнул Димитрий и ударил кулачищем по столу, чуть не развалив его надвое. — Если мы разбежимся, то он перехлопает нас по-очереди, как тараканов! Но если уж ему приспичило поиграть в кошки-мышки, быть посему. Мы пойдем в Парадайз и посмотрим ему в глаза.

— Ингвар не говорить, — сказал Тэн, — что Осаму поставь какой-то срок. Он просто передай слова Осаму, что он уходит в Парадайз с пленниками. И что Омар — предатель.

— Скотина, — прорычал Алан, невольно хватаясь за рукоять шпаги. — Я его прибью с

большим удовольствием, чем самого Рыцаря Дебрей!

— А я бы с ним для начала поговорил, — безмятежно сообщил Матиас, развалясь на стуле. — Чем же его увлек Осаму?

— Тем же, чем он пытался увлечь остальных, — процедил Алан. — Всеми этими разговорами о свободе для всех.

— Думаешь, Омар из тех, кто мечтает о свободе для всех? — фыркнул Матиас, но Алан не ответил. Вместо этого спросил:

— Кто такой Тиберий? Омар обманул своих, сказав им, что на караван Тиберия напали.

— Один из старых Пилигримов, — ответил Матиас. — Кажется, он старше нашего Эмиля... Однако крепкий старик. Давно его не встречал. Последнее, что я о нем слышал — это то, что у него родился сын от Оседлой, и он тоже Пилигрим. Повезло. Они вместе путешествовали по Дебрям.

Алан чуть заметно вздрогнул. Вспомнился рассказ Эмиля о сыне Бато в Оазисе Индренис. Как Бато погиб, воображая себя Пилигримом...

Эмилю вечно не везло.

Не то что неведомому Тиберию...

— Ладно, — вздохнул Алан. — Давайте спать, друзья. Завтра рано вставать. На Праздник Сватовства кто-нибудь пойдет?

Димитрий и Тэн переглянулись.

— Я только краешком глаза гляну, как бабы дерутся, — сказал Димитрий. — И вернусь.

— А я спать лягу, — сказал Матиас.

Тэн поддержал его:

— Я тоже лечь отдохай. Как драться бабы, я видеть в детстве в гарем мой отец. Ничего интересно, лишь много шум.

Взошедшее солнце следующего дня встретило Пилигримов уже в Дебрях, когда они двигались на северо-запад, прочь от моря и кратера с Оазисом амазонок.

Принц Хорвэш ехал на выделенной матерью каурой кобыле, окруженный Пилигримами, с восторгом таращась вокруг.

К коню Тэна была привязана еще одна кобыла — без всадника, но нагруженная провизией, немногочисленными вещами принца и бурдюками с водой. Королева Шэди отправила бы с Пилигримами целый караван с вещами принца, но Хорвэш заупрямился — сказал, что в Парадайзе все эти вещи ему не понадобятся и лишь отяготят проводников. Королева подчинилась, расцеловала сына и умчалась на своей лошади без сопровождения с такой стремительностью, что Алан подумал: она просто не хочет, чтобы видели ее слезы.

Седельные перекидные сумки Пилигримов приятно отяготились золотом. Однако настроения Алана это обстоятельство особо не улучшило. Терзала тревога за Кассию... Алан в который раз казнил себя за слабохарактерность, позволившую ему отпустить ее с караваном Кровака. Он поклялся себе больше никогда не совершать подобных промахов.

Ехали молча, поскольку все, кроме Тэна, насвистывающего под нос, плохо выпались. Принц был слишком увлечен разглядыванием Дебрей с колодцами Тварей, Димитрий, который вернулся довольно поздно, похрапывал прямо в седле, а Алан, спавший этой ночью в высшей степени скверно, предавался тяжким размышлениям.

Мучил вопрос: что общего у него и Рыцаря? Зачем Алан этому убийце? Почему Осаму

помиловал его тогда, в Санти? Только лишь потому, что Рыцарю понравилось имя Алана? Чушь.

Наверное, Алан кого-то напомнил Рыцарю с его большим рассудком. Или они когда-то встречались и Алан ему как-то досадил?

Алан не припоминал, чтобы у него за всё время кочевой жизни завелись хоть сколько-то серьезные враги. Пока он странствовал, у него не случилось сколько-нибудь значительного конфликта в Оазисах или за их пределами. Разве что та битва на островном Оазисе Могучего Момоа, оставившая память в виде белесого шрама под левым глазом...

Глупо тогда вышло. И Пилигримы, и островитяне перебрали жуткого местного зелья, которое изготавливалось из какой-то особенной разновидности водорослей, и во время Празднества Сватовства из-за сущей мелочи возникло небольшое побоище. Драка быстро угасла, и стороны помирились.

Не может быть, чтобы кто-то из тех, кого Алан угостил хорошим тычком, проникся к нему настолько сильной неприязнью, что посвятил всю жизнь мщению, попутно обнаружив в себе способности Пилигрима и уничтожив целый Оазис.

Алану вспоминались женщины, которые дарили ему свою любовь в разных Оазисах. На ум не приходило ни одного случая, чтобы кто-либо из них был обижен — Оседлые женщины прекрасно понимают, что Пилигрим никогда не останется с ней на одном месте...

Нет, Рыцарь Дебрей — определенно не женщина. Алан помнил его голос — тогда, давным-давно, у еще теплого тела Эмиля. Рыцарь посоветовал Алану подумать о будущих детях, которые могут родиться Оседлыми. Осаму говорил тогда шепотом, но голос без всякого сомнения принадлежал мужчине.

И Анниса не перепутала бы женщину с мужчиной...

— О чем задумался, Алан? — негромко спросил Матиас, поравнявшись с Вихрем.

— Я думаю о Рыцаре Дебрей. Самое страшное в нашей ситуации — то, что мы не знаем его целей относительно меня... Мы знаем, что он хочет подарить свободу для Оседлых, считая Оазисы тюрьмами, но я-то зачем ему понадобился? Да и Рыцарь Дебрей ли этот Осаму? Может, это разные люди?

— Мы ни в чем не уверены, — мягко произнес Матиас. — Но я убежден только в одном: между тобой и Рыцарем есть связь. Когда ты обнаружишь эту связь, ты найдешь Рыцаря.

Алан мрачно промолчал, глядя на дорогу перед собой. Он отметил, что Матиас сказал “ты обнаружишь”, а не “мы обнаружим”. Но Матиас тут же добавил:

— А мы поможем тебе.

“Жениха” Пилигримы сопровождали только одного, но хлопот от него было не меньше, чем от десятка. Хорвэш совершенно не представлял, что такое самостоятельная жизнь и тем более жизнь кочевая. Во время первого же привала его высочество изволил прогуляться за пределы крохотного участка, защищенного Ожерельем Невест. Матиас спохватился первым и привел принца из-за кустов в крайне возмущенном состоянии — оказалось, что Хорвэш не считает достойным своего высокого положения мочиться при всем народе. Он так громко возмущался, что Матиасу пришлось дать ему легкий подзатыльник, чтобы не привлекал внимание Тварей.

К удивлению Алана, Хорвэш ничуть не обиделся, а даже восхитился жесткости и грубости Пилигрима. Он еще не привык, чтобы мужчины проявляли характер.

Во время второго привала принца привела в недоумение тушка кролика — ранее ему

доводилось вкушать либо Амброзию в разнообразном виде, либо отделенное от костей чистейшее мясо. Тэн, обмениваясь с Димитрием смеющимися взглядами, принялся охотно учить принца, как нужно обглаживать кости.

“К тому времени, когда мы прибудем в Парадайз, — подумал Алан, — они научат его грызть кости, мочиться при всех и вытирать соплю о всё, что под руку попадет”.

Собственно, такая перспектива беспокоила не особо. Волновало другое: необходимо достичь Парадайза как можно скорее, еще до того, как Хорвэш пройдет полный курс этики Пилигримов. Впрочем, надежды на это мало. Принц не мог долго ехать в седле, жалуясь на мозоли на заднице, а заставлять его скакать молча и не останавливаться на отдых мешала совесть — как-никак за сопровождение заплачено более, чем щедро.

Посему Алану оставалось наблюдать, скрипя зубами, как принц разглагольствует во время очередной остановки о вещах, которые, в сущности, не должны особо трогать юнца, прошедшего беспечную жизнь.

Хорвэш любил размышлять о свободе, но делал это не так, как Рыцарь Дебрей. Хотя даже простое упоминание свободы заставляло сжиматься сердце Алана. Свобода, по Хорвэшу, заключалась не в способности перемещаться куда угодно по Дебрям, а в количестве ее степеней. Алан плохо понимал, что он имеет в виду, да и не прислушивался особо.

— Вот в Амазонии, — вещал принц, — у меня была только одна степень свободы: идти в пещеры добывать Амброзию. Выбора не было!

— Неправда, — встрял Тэн, который слушал Хорвэша с большим интересом. — Ты три раза в неделю ходи к женщина, делай дети.

Принц скривился.

— Как животное... Вы так радуетесь возможности совокупиться с другим представителем рода человеческого, будто это единственное, ради чего вы появились на свет. Спариться, набить брюхо и сладко поспать — вот о чем мечтает большинство, подобное животным. Но меньшинство, у кого есть мозги, не таково!

— И каково же меньшинство? — с улыбкой спросил Матиас.

Хорвэш с грустным видом крутил в руках бесполезный в Дебрях прибор с двигающимися картинками. Здесь он, понятное дело, не работал.

— Меньшинство мечтает о радостях, которые дарованы радостями разума. А возможности разума гораздо значительней возможностей тела. Вот вы, Пилигримы, думаете, что свободны? Вовсе нет. Вся ваша свобода — это Дебри. На самом деле вы прикованы к ним, как мы прикованы к родному Оазису.

Алана словно что-то неприятно кольнуло — в словах мальчишки был резон.

— Но мы можем остаться в любом Оазисе на свой выбор, — возразил Димитрий.

— И долго вы там просидите, зная, что можете в любой момент его покинуть? — вопросом на вопрос парировал Хорвэш.

— Хмм, — пробурчал Димитрий, оглаживая рыжую бороду.

— Рано или поздно вы станете Аляракуллами, которые ищут, но не находят свой дом. Или же быть вам Странниками. То есть Пилигримами, как вы зовете себя сами. В итоге мы видим, что свободы у вас не так уж и много!

Алан помрачнел еще больше, хотя и так не светился от счастья последние часы. Упоминание Аляракулла испортило настроение окончательно.

Но Димитрий, как и положено не слишком сообразительному человеку, не сдавался и

продолжал спорить:

— И что ты нам предлагаешь, мальчик?

— Для вас? Не знаю. Перед вами все четыре стороны света, идите куда хотите. Лично я считаю, что слишком большой выбор не лучше, чем полное отсутствие выбора. Что касается меня, то я буду жить в Парадайзе, а там для того, кто умеет мыслить, полное раздолье!

— В одном Оазисе? В тисках Черной границы?

Хорвэш улыбнулся.

— Даже в тисках Черной границы можно построить свободное человеческое сообщество.

Местность между тем менялась: растительность становилась всё более чахлой и редкой, зато чаще встречались обширные пустоши с жалкими колючими кустиками, едва живыми в отсутствие воды и под палящими лучами безжалостного солнца. Постепенно пустоши слились в одну бескрайнюю каменистую пустыню, усеянную отвесными скалами и наклонными гигантскими камнями, навеки застрывшими в грубой сухой земле.

Море осталось далеко на юге и больше не напоминало о себе соленым запахом и свежим влажным ветром. Ветер сделался сухим, порывистым, швыряющим мелкий песок в глаза, дующим, казалось бы, сразу со всех сторон одновременно.

Завывание ветра, от которого дрожали редкие колючие кусты, и выбеленный солнцем однообразный пейзаж удручали. Однако к концу первого дня путешествия, как по заказу, впереди зазеленело пятно, оказавшееся крохотным живым оазисом с чистым родником и травой, на которую Пилигримы сразу же отправили пастись распряженных лошадей. Затем быстро соорудили Ожерелье.

— Раньше мы делали Ожерелье Невест, — сказал Димитрий, набирая в бурдюк воды из родника, — а теперь Ожерелье Одного Жениха. Ха-ха! Куда катится мир?

Тэн напился, встав на четвереньки и погрузив губы в воду, как корова. Когда-то, в ответ на замечание друзей, он ответил, что, зачерпывая воду ладонью, человек замутняет ее, поднимает со дна сор и просто-напросто расплескивает драгоценную жидкость куда ни попадя. Если же пить по-коровьи тихо, не взбаламучивая воду, не расплескивая ее, всасывая ртом, то от этого будет всем хорошо — и человеку, и зверям, и природе в целом. И вообще, человека человеком делают добрые поступки, а не то, как он пьет. После такого ответа никто больше не пытался делать Тэну какие-либо замечания. Алан про себя отметил, что хитрый кочевник прав.

Напившись, Тэн звучно рыгнул, пригладил редкие перышки усов, развалился прямо на травке под кустом с плоской вершиной и очень мелкими, колючими листочками, и зажмурился, как сытый кот.

— Какой дивный место! — пропел он. — Как грамотно создавай боги наш мир!

Хорвэш, который проигнорировал попытку Матиаса помочь и тщетно, но упрямо пытался расседлать кобылу, тут же отреагировал:

— Почему тогда боги не дали свободу всем людям?

— Может, потому, что большинство людей ее не заслуживай? — хихикнул Тэн, не раскрывая глаз.

— А разве не от богов зависит, заслуживают люди чего-либо или нет? — запальчиво выкрикнул Хорвэш, наконец сдернув с кобылы седло и чуть не упав при этом.

Тэн открыл было рот, но так и не нашелся, что ответить.

Зато в разговор вступил Алан:

— Ты думаешь, Хорвэш, что боги создали нас такими, какие мы есть, и наказали за это? По мнению Оседлых, мы, Пилигримы, не в силах найти покоя, а Оседлые для нас Пилигримов, — пленники Черной границы. Это несправедливо, но всех все устраивает... Почти всех.

— Вы смирились с положением дел, вот и всё, — парировал дерзкий мальчишка. — Привыкший к кандалам прославляет красоту своих кандалов. Что касается богов, то, по моему, они — злые детишки. Всемогущие, но всё же детишки, которые играют в свои злые игры. А мы для них — деревянные или глиняные куклы. И нет никакой мировой справедливости для обычной куклы. Когда богам надоедает играть, они выбрасывают куклу, как старый хлам.

Тэн выротащил глаза, Димитрий хмыкнул, Матиас покачал головой, а Алан помрачнел. Никто из них не придумал достойного ответа.

С первым светом едва забрезжившей зари путешественники снова двинулись в путь.

Пустыня вокруг выглядела более безжизненной, чем накануне, более не встречались чахлые колючие кусты. Вздымались песчаные барханы, словно застывшие волны янтарного моря, с их вершущек ветер срывал кисейный шлейф мельчайшего песка.

Лошадям было трудно передвигаться, копыта проваливались в песок, и Пилигримы с принцем спешили, шли рядом, держа поводья. Люди накинули капюшоны, чтобы спастись от беспощадного солнечного зноя.

Наверняка Алан повернул бы назад, если бы с самого утра они не видели цель своего путешествия. На самом горизонте, покачиваясь от марева, белела циклопическая белая стена от горизонта до горизонта.

— Я слышал от старых Пилигримов, — прокричал Матиас, перекрывая шум ветра, — что Парадайз окружен огромной стеной!

— Им не хватает Черной граница? — удивился Тэн.

— Это вам не ворота Санти, без забора, ха-ха! — сказал Димитрий и замолк, отплеываясь, — в рот попал песок.

Больше никто не разговаривал. Хорвэш устал, но упрямо шагал вперед, ведя коня. В полдень стена приблизилась, нависая над крохотными людишками огромным белым монолитом без начала и конца. Единогласно приняли решение не останавливаться на обед, тем более что больше родники им не попадались. Хотелось быстрее дойти до Стены.

“Идти к этой стене — всё равно что бежать за облаком, — подумалось Алану, — вроде близко, но по мере твоего движения она как бы удаляется от тебя”.

Хождение по сыпучему песку утомляло; непостоянный ветер норовил то откинуть капюшон, то бросить пригоршню песка в глаза или рот; Алан не припоминал, чтобы раньше ему доводилось участвовать в столь неприятном путешествии.

Временами он озирался по сторонам. Картина всюду одинаковая — желтые барханы до самого горизонта, с миражами в виде черных причудливых существ на длинных тонких ногах, или райских пальмовых кущ, или сверкающей поверхности моря...

Но даже здесь были колодцы Тварей. Поэтому надо оставаться бдительным. Глупо потерять принца перед самыми воротами в Парадайз.

Наконец, когда их тени впереди удлиннились, они приблизились к подножию колоссальной стены, на которую нельзя было смотреть без легкого головокружения.

Чудилось, она уходит вверх, в самые небеса и подпирает лазурный свод.

Вдоль стены пролежала Черная граница. У Алана сложилось представление, что матовая, неестественно гладкая поверхность границы плавно перетекает в такую же неестественно гладкую белую поверхность Стены.

— И где здесь вход? — спросил Матиас. — Кто-нибудь видел дверь, когда мы подходили? Я — нет.

Остальные покачали головами. Алан надеялся, что вход обнаружится при ближайшем рассмотрении, но поверхность Стены была совершенно монолитна.

Они прошли по Черной границе вдоль Стены, ведя лошадей под уздцы. По крайней мере, тут Хорвэш в безопасности от Тварей и не нужно постоянно быть настороже.

— А они не слишком-то гостеприимные, а?! — возмутился Димитрий. — Закрылись от всего мира такой высоченной стеной! Зачем она им? Им что, стыдно показаться остальному миру?

Стоящий рядом с Аланом Хорвэш негромко заговорил:

— Здесь пустыня с песками и ветрами. А Парадайз — высокоразвитый Оазис. Неудивительно, что они отгородились от мира. Наверняка у них там не так жарко, пыльно и гадко, как здесь...

Тэн, задирая голову так, что капюшон свалился за спину, смотрел на Стену и цокал языком:

— Как они построй такой высокий стена? Из какой камень они это сделай? — Он осторожно прикоснулся к белой гладкой поверхности ладонью. — Она холодный! Хотя на нее свети солнце!

Все тут же потрогали Стену и убедились, что она действительно холодная, хотя заходящее солнце светит прямо на нее.

— Колдуны, — буркнул Димитрий. — Негостеприимные причем...

— Если колдуны, значит, надо просто проговорить заклинание! — весело сказал Матиас.

Он положил черную ладонь на белую поверхность и звучно, явно играя на публику, провозгласил:

— О, Великая Белая Стена! Откройся ипусти нас, добрых честных Пилигримов, иначе нам придется идти назад по этой мерзкой пустыне!

Тэн и Димитрий разинули рты.

Небольшой квадратный участок стены под ладонью Матиаса вдруг засветился мягким фиолетовым светом, затем в непроницаемом материале плавно протаял квадратный проход, сквозь который легко проехал бы караван верхом на лошадях. Впечатление было такое, словно материя Стены рассыпалась в очень мелкий белый песок, который всосался вниз, в стороны и вверх. Матиас от неожиданности чуть не потерял равновесие. Он отскочил, уставясь на длинный, освещенный мягким светом квадратный тоннель, ведущий, казалось, в бесконечность.

— Они нас услышали! — поразился Димитрий. — Колдуны услышали!

— Поехали, друзья, — как можно более будничным тоном сказал Алан, делая вид, что ничуть не потрясен этим чудом.

Пилигримы и принц неуверенно вступили в тоннель, чьи идеальные геометрические формы внушали какой-то потаенный ужас, ибо в природе не бывает таких ненормально идеальных форм. Копыта лошадей зацокали по твердой поверхности. Когда путники

преодолели десяток шагов, позади зашуршало, и Алан, обернувшись, обнаружил, что вход в мгновение ока “зарос” магическим песком, который превратился в непроницаемую стену.

— Тварь меня раздери! — сказал он.

Что ж, Оазис, несомненно, колдовской, но все же Оазис, жители которого не могут переступить Черную границу без риска познакомиться с Тварями. И все их чудесные технологии в Дебрях превратятся в хлам. Жители Парадайза нуждаются в услугах Пилигримов, иначе не впустили бы их; а раз так, то с ними будут обходиться по меньшей мере вежливо.

Когда они преодолели еще несколько десятков шагов, зачарованно слушая эхо шагов и цокота копыт в почти полной тишине, впереди вспыхнул радужный свет.

Они замерли.

Прямо в воздухе перед ними кружились светящиеся цветные и объемные изображения голов улыбающегося мужчины, женщины, ребенка, старика, старухи и лысого и безбрового существа неопределенного пола и возраста. У всех были закрытые глаза, губы изгибались в безмятежной улыбке, и непонятно было, живы они или нет.

Мягкий бархатный голос, который мог принадлежать сразу и мужчине, и женщине, проворковал:

— Прошу выбрать образ гида!

— Образ гида, говорит, выбрать надо! — встrepенулся Димитрий. — Давай мужика выберем, хватит с нас баб!

И, не дожидаясь реакции товарищей, показал пальцем на трехмерное изображение мужской головы.

Тотчас все остальные изображения погасли, а под головой мужчины материализовалось тело, сначала светящееся, затем приобретшее обычный вид.

Пилигримы во все глаза таращились на стоявшего перед ними вполне обычного молодого мужчину с волнистыми светлыми волосами, зачесанными назад, ясным взором, одетого в светлую свободную рубаху и темные штаны.

Алан поймал себя на желании потыкать в него пальцем, чтобы удостовериться в его вещественности.

— Добро пожаловать в Парадайз, уважаемые Пилигримы, — негромко произнес гид, обводя гостей взглядом и улыбаясь.

Вместо ответа Тэн тыкнул его в грудь луком — лук прошел насквозь, не встретив препятствия. Тэн охнул.

— Какова цель вашего прибытия? — вежливо продолжал гид, сделав вид, что не заметил вопиющей невоспитанности Пилигрима.

Алан обрел дар речи:

— Мы... э-э-э... привезли одного человека...

Мимо него вперед выбрался принц Хорвэш:

— Я на постоянное место жительства, — объявил он и помахал магической досточкой, по поверхности которой снова забегали знаки и многоугольники. — Я читал, что это возможно, что вы принимаете переселенцев.

— Принимаем, — невозмутимо ответил гид, — но вы должны пройти экзамен, чтобы получить рейтинг доступа к ресурсам Парадайза.

— Где-то я уже это слышал, — проворчал Алан. — В Либере тоже не всем всё позволялось. А если он не пройдет никакие экзамены? Его заставят работать как раба? Или

выгонят из Оазиса?

Хорвэш уставился на Алана дикими глазами.

Гид покачал головой.

— Нет, но его доступ к возможностям Оазиса упадет до минимальных показателей, и также будет ограничена свобода передвижения.

— До размеров одной человеко-капсулы... — обреченно вздохнул Хорвэш, будто уже успел разом провалить все экзамены.

— Что? — удивился Алан.

Гид улыбнулся еще шире прежнего.

— Я всё объясню по ходу нашего с вами общения. Уважаемые Пилигримы, позвольте уточнить: намерены ли вы оставаться в Парадайзе на некоторое время? Оазис предоставляет вам высокий рейтинг на период в семь дней.

Димитрий пихнул Тэна в бок и шепнул:

— Глядишь, тебе здесь что-нибудь обломится, а? Не то что в Либере! Хотя в Амазонии тоже было скучновато.

Тэн скривился.

— В Амазонии только один разговор и больше ничего! Женщины!

— У нас есть здесь дела, — обратился Алан к гиду. — Мы ищем нескольких людей. Вы можете помочь нам их найти? Это Пилигримы, они должны были прибыть недавно...

Он быстро посчитал в уме. У Кровака, кроме погибших, были еще Омар, Н'Гала Борислав и Кассия... Пятеро. Плюс Рыцарь Дебрей и трое Клейменных.

— Всего девять человек.

Гид изящно изогнул бровь.

— Надо будет уточнить у Хранителя Знаний. У меня нет таких данных.

Вмешался Тэн:

— Э-э... Уважаемый господин дух, а вы не могли бы провожать нас к Хранитель Знаний? Как можно побыстрее, пожалуйста.

— Разумеется.

Гид не шевельнул и пальцем, но рядом беззвучно возникла фигура еще одного гида — точной копии первого.

Второй гид с той же невозмутимой улыбкой кивнул Хорвэшу:

— Следуйте за мной.

Принц обернулся к Пилигримам. Он выглядел одновременно испуганным и радостным.

— Прощайте!

Следом за копией гида он подошел к стене, там протаяла дверь, они вошли в нее, и дверь закрылась, полностью слившись со стеной.

Первый гид сказал:

— За вашими лошадьми будет хороший уход. Ваши вещи будут доставлены в ваши капсулы.

Появилось еще шесть копий гида — надо думать, не более материальных, чем самый первый. Тем не менее, к изумлению Алана, они взяли за поводья лошадей и повели к открывшимся проемам в стенах коридора.

— Вы дух или существо из плоть и кровь? — не выдержал Тэн. — Вы уметь трогать вещи, но вас трогать нельзя, будто вы из воздух!

Первый гид улыбнулся той же улыбкой.

— Мы — не люди, а искусственные существа, служащие людям. Мы — часть технологий Парадайза, которые основаны на управлении мельчайшими частицами материи, которые именуются молекулами и атомами. Молекулярные технологии нашего Оазиса позволяют создавать и трансформировать структуры любой сложности, вплоть до разумных синтетов вроде меня.

— Но баб создать вы не можете, чтобы размножаться, верно? — спросил Димитрий. — Или женихов? Раз уж вы сотрудничаете с Пилигримами...

— Отчего же? Можем. Технологии Оазиса позволяют создать живое биологическое существо, хоть человека, хоть животное, хоть любую химеру, причем нет проблем в обеспечении необходимого генетического разнообразия, достаточного для бесконечно долгого продолжения родовой линии. Однако подобная практика прямо запрещена Заветом Основателей.

— Основателей? Богов, что ли?

— К сожалению, я не обладаю всем объемом необходимой информации. Вы можете узнать всё, что вас интересует, у Хранителя Знаний. А теперь, уважаемые Пилигримы, если вы не передумали, прошу вас за мной!

Глава 15. Виды из человеко-капсулы

Со смешанным и довольно тревожным чувством нетерпения и любопытства Алан прошел вслед за “первым” гидом сквозь проявившуюся дверь в стене казалось бы бесконечного коридора. Позади топали остальные.

Сделав несколько шагов, Алан явственно ощутил, как пол под его ногами скользит вперед, ускоряя движение. Скольжение было плавным, но явственным. По однообразно серым стенам и потолку трудно было понять, с какой скоростью их несет неизвестно куда.

Свежий, чистый и прохладный воздух освежал обожженное солнцем пустыни лицо, наполнял легкие, даря бодрость после утомительного перехода. Воздух наполнял слабый, ненавязчивый аромат каких-то фруктов... или цветов... или ароматических масел...

Алан чуть замедлил шаг, посмотрел вниз, на свои сапоги, с которых на бегущий вперед пол сыпался песок. Песчинки тут же тонули в обманчиво твердой поверхности и исчезали без следа.

“Здесь всё обманчиво, — подумал Алан. — Твердое на самом деле мягко, устойчивое — зыбко... Даже наш гид — не настоящий человек, а какой-то синтет, хотя внешне ничем от обычного человека не отличается”.

До обоняния Алана вдруг долетел крепкий запах пота — своего, товарищей и коней. Знакомый запах на мгновение перебил непривычные и какие-то неживые ароматы Парадайза. Алан сжал челюсти и почувствовал, как на зубах хрустнул вездесущий мелкий песок. Умыться бы... И поесть как следует, они ведь пропустили обед, а день на исходе.

Димитрий прочитал его мысли:

— Что у вас всё коридоры да коридоры? — заворчал он. — Когда мы выйдем из этой стены? Жрать охота!

Гид суетливо обернулся с виноватой улыбкой.

— Простите, вам, должно быть, не по нутру закрытые пространства?

Он не сделал больше никакого движения, однако коридор без единого звука растворился в пространстве, и Пилигримы обнаружили, что стоят посреди мощеной аллее прекрасного сада.

Сад окружали террасы, заполненные карликовыми деревцами и поросшие плющом. Слева высилась живописная скала, с которой на удивление тихо струился миниатюрный водопад; справа между высоких каменистых берегов бежал кристально чистый ручей. Всюду росли декоративные кусты с листьями самой разнообразной формы и расцветки, отчего рябило в глазах.

Алан задрал голову — сверху синело небо с будто нарисованными кучевыми облаками. Насколько Алан помнил, на небе не было никаких облаков, когда они подошли к Белой стене. Лишь вдали на горизонте ветер размазал по небу тонкую облачную пряжу. Солнце светило сквозь ветви деревьев мягко, ничуть не обжигая, по-утреннему.

“А Хорвэш прав, — подумал Алан. — Внутри Оазиса не так жарко, пыльно и гадко, как снаружи”.

— Как ты это сделал? — потрясенно прошептал Матиас. — Это всё настоящее?

И, не дожидаясь ответа, потрогал ближайший куст. Ветка качнулась, в сильных пальцах Пилигрима остался листок. Матиас поднес его к носу, принюхался. Закатил глаза — то ли от удовольствия, то ли восторга.

— И да, и нет, — ответил гид. — Всё окружающее в данный момент существует, пока мы здесь. Этот участок экосистемы представляет собой продукт молекулярных технологий. А также используются голографические иллюзии, конечно.

Он взмахнул рукой, показав на небо.

Алан не понял смысл некоторых его слов, но общий посыл, кажется, уловил.

— Небо не настоящее?

— Нет. Это иллюзия.

Пока Алан смотрел на небо, пытаясь понять, чем оно отличается от настоящего, движущаяся дорожка доставила их к перекрестку аллеи, где посреди небольшой площадки находился круглый фонтан. По периметру фонтана стояли скамейки из мягкого на вид зеленого материала.

На одной из скамеек сидела девочка лет десяти в темно-красном платье, которое довольно странно контрастировало с зеленью скамьи. Будто на кусте причудливой формы расцвела огромная роза.

Девочка, ни на кого не обращая внимания, раскладывала на скамье цветные камушки. У нее были темные, коротко стриженные волнистые волосы, узкое лицо, прямые, четко очерченные брови и равнодушный взгляд из-под длинных ресниц.

— Хранитель Знаний, — объявил гид.

— Но почему Хранитель Знаний — маленькая девочка? — поразился Алан, не понижая голос.

Маленькая девочка отвлеклась от занятия и подняла глаза на Алана. Взгляд ее оставался сонным и равнодушным, словно она увидела нечто совсем заурядное и неинтересное.

— Я могу принять другой облик, если пожелаете, — сказала она. — Например, взрослой привлекательной женщины... Но, боюсь, в таком случае вы не усвоите бóльшую часть информации. Может, мне стать мужчиной?

Алан растерянно обернулся на друзей, но те были растеряны не меньше.

— Не нужно... Не превращайтесь ни в кого...

— Итак, начнем, — заговорила девочка, сложив руки на коленях и поглядев на гида. — Спасибо.

Гид кивнул и испарился, словно мираж.

— Вы желаете знать про девятерых Пилигримов? — Ее голос был голосом десятилетней девочки, но звучал спокойно, ровно, почти не по-человечески. — Да, они прибыли вчера днем и получили высокий рейтинг соответственно их статусу согласно правилам Парадайза. Срок действия рейтинга — семь дней. Из гостей восемь — мужчины, одна — девушка. Один из мужчин сказал, что скоро должны прибыть еще Пилигримы — надо полагать, вы. И что вы захотите узнать, где они находятся.

По спине Алана прокатилась волна жара.

— Девушка... жива и здорова?

— Я бы сказала, что да.

От сердца отлегло, хотя формулировка ответа вызвала мимолетное недоумение и раздражение.

— Где они?

— Они находятся в предложенных им человеко-капсулах.

— Что это за капсулы такие?

— Минимальный объем пространства для проживания гражданина Парадайза.

Хранитель Знаний взмахнула рукой — Алану почудилось, что она делает магический пасс.

Сад исчез, негромкий шум фонтана заглох, и Пилигримы вместе с Хранителем Знаний очутились в белом круглом помещении с десяток шагов в диаметре с куполообразным потолком. Окна в помещении не предусматривались, но пространство заполнял мягкий свет. Здесь не было ни мебели, ни других каких-либо предметов — абсолютно ничего.

Кроме белой скамьи, на которой продолжала сидеть девочка в платье, которое сменило цвет на синий. Скамья была той же формы, что и в саду.

— Это и есть человеко-капсула, — сообщила Хранитель. — Она рассчитана на одного человека — гражданина или гостя Парадайза. Капсула способна имитировать практически любую обстановку с помощью молекулярных технологий и иллюзий. Также капсула по желанию ее обитателя способна создавать любую еду и удалять отходы.

Хранитель встала, оправила на коленях платье и снова взмахнула рукой.

Капсула пропала, и Алан обнаружил себя стоящим в центре неглубокого оврага с журчащим по дну ручьем. Сверху сияло мириадами звезд ночное небо, чуть в стороне багровел уголья почти полностью прогоревшего костра, дул ветер.

Димитрий что-то забормотал, Тэн удивленно зацокал языком, Матиас промолчал, но тоже, несомненно, был крайне поражен.

Они находились в Дебрях.

Алан ощущал ветер на коже лица, порывы играли его длинными волосами, пахло полынью и еще каким-то цветущим степным растением — Алан плохо разбирался в растениеводстве. От костра веяло теплом.

И это иллюзия?

— Думаю, для вас более привычно такое место, — отметила Хранитель. Ветер трепал ее короткие волнистые волосы и платье. — Для одного человека предназначена одна капсула. Вы можете общаться друг с другом, стоит только проговорить ваше желание вслух. Синтет вашей капсулы исполнит желание в соответствии с рейтингом. Вы можете заказать любую обстановку и менять ее, когда надоест.

— Если в такой капсуле можно заказать еду, любую обстановку и общение с другими людьми, — сказал Матиас, — то можно вообще никогда в жизни не выходить из такой капсулы.

— Верно. Многие граждане Парадайза рождаются, живут и умирают в капсуле.

— Вот дела! — прошептал Димитрий.

— Мы хотели бы встретиться с теми Пилигримами, что пришли раньше нас, — сказал Алан.

— Правила нашего Оазиса разрешают гостям находиться в уединении, если они пожелают. Их запрещено тревожить, если они сами не дадут разрешение. А они не давали такого разрешения.

— Даже девушка? — поразился Алан.

— Даже девушка.

— Передайте ей, что пришли мы, и она...

— Мы не вправе нарушать ее покой. От всех Пилигримов, что пришли раньше вас, был приказ не беспокоить их. Однако один из Пилигримов уведомил нас, что готов встретиться с вами, Алан Аркон.

Алан вздрогнул — он надеялся, что незаметно.

— Он назвал мое имя?

Хранитель кивнула.

— Он также описал вас.

— А себя он назвал?

— Нет. Зато пожелал встретиться с вами лишь после того, как вы отдохнете и перекусите после путешествия. Завтра в десять часов он встретиться с вами.

В Парадайзе невозможно было рассуждать о таких понятиях, как расстояние. Пилигримы разошлись по своим капсулам по движущимся дорожкам сквозь возникающие и исчезающие двери, и Алан понятия не имел, как далеко капсулы располагались друг от друга. Он громко сказал в пустоту, что хочет видеть и слышать друзей, и капсула превратилась в обширное помещение с обшитыми деревом стенами и огромными, от пола до потолка, окнами, за которыми, сквозь полупрозрачные занавеси, виднелся сад.

В помещении стоял длинный стол, полный еды. Матиас, Димитрий и Тэн были тут — и одновременно каждый у себя в капсуле. Они не могли дотронуться друг до друга, но прекрасно видели один другого и слышали.

Насколько понял Алан, помещение столовой было иллюзией, как и образы его товарищей. Они тоже видели это место у себя в капсуле, и для них был иллюзией образ Алана.

Еда, впрочем, была настоящая — по крайней мере та еда, которая стояла перед Аланом: жареная и вареная дичь, сочные фрукты, зелень, тушеные бобы, рыба и грибы.

Алан ел и плохо чувствовал вкус еды. Завтра он встретится с Рыцарем Дебрей — возможно, не во плоти, а вот так, на расстоянии, с помощью магических технологий Оазиса. Алан не страшился этой встречи, но его переполняло мрачное предчувствие беды, которая нависала не только над ним, но и над Кассией. У Рыцаря были планы насчет него, Алана, планы странные и неведомые.

— Не переживай, Алан! — сказал Димитрий. — Договорись в крайнем случае Осаму, конечно, полный психопат, но ведь нас-то он оставил в живых.

Тэн крикнул, хотел толкнуть его локтем, но ничего не вышло — их тела прошли сквозь друг друга. Димитрий, впрочем, сам спохватился:

— Нет, конечно, за Эмиля этого гаденьша стоит раздавить, но что если силушки не хватит? Тогда постарайся договориться. А потом уж как-нибудь мы его угомоним.

Алан натянуто улыбнулся — желания планировать, спорить, что-то доказывать и вообще, вести бессмысленные разговоры у него не было. Завтра будет ясно, что к чему...

Кажется, его ждет еще одна бессонная ночь...

Спал он неожиданно крепко, не просыпаясь. Утром проснулся мгновенно, рывком, сразу стряхнув всякую сонливость.

Капсула была такой же обезличенной и пустой, как и вчера, когда он только вселился в нее. Он не потрудился создать интерьер, хотя для этого требовалось лишь высказать вслух свои пожелания. Когда ужин завершился, иллюзия большого помещения с окнами пропала, и его снова окружали бело-серые стены и куполообразный потолок. Единственным, что Алан “создал”, была кровать.

— Который час? — спросил он, обращаясь в пустоту.

Из стены напротив выпятились, обрели форму и цвет громоздкие напольные часы — такие были в родительском доме в Галльфране. Алан подумал, что бесплотный дух Оазиса читает мысли и образ часов разыскал среди воспоминаний. Стрелки показывали четверть десятого.

Алан не удержался и фыркнул — хорошо поспал, однако, и ни разу за ночь не проснулся! Не слишком-то он и переживает по поводу встречи с убийцей. Вот что значит молодой организм, утомленный долгим переходом по Дебрям. Кстати, о молодых организмах: как там, интересно, принц Хорвэш?

Неважно. Принц наверняка прошел испытание. А если не прошел, то придется ему пожить с низким рейтингом. Алану не до него — неизвестно даже, доживет ли он до сегодняшнего вечера...

Посетила новая мысль: допустит ли дух Парадайза убийство на своей территории? Есть ли у Осаму власть в этом месте? Если нет, то зачем он привел команду Алана именно сюда? Не для того ли, чтобы Алан не страшился его? Это значит, что Осаму хочет сделать предложение, от которого Алан вправе отказаться.

— Ванна и туалет! — приказал он. И добавил: — Пожалуйста...

Рядом с часами обрисовался контур двери — опять-таки такой, к каким Алан привык в Галльфране: массивной, из мореного дуба, с бронзовым набалдашником-ручкой. За дверью открылась просторная полукруглая ванная комната с фарфоровой раковиной, над которой нависали два крана, чуть дальше на стилизованных под львиные лапы опорах возвышалась глубокая ванна. В углу, за загородкой был ватер-клозет.

Не успел Алан разоблачиться и погрузиться в пенную ванну, как прямо посреди комнаты бесшумно возник сухопарый старик в смокинге с выправкой заправского лакея. Костлявый нос с горбинкой задран кверху, глаза под седыми глазами полуприкрыты — не понять, куда он смотрит.

— Простите, мастер Аркон, к вам посетители... Вы не оставляли пожелания, чтобы вас не беспокоили, посему вынужден объявить об этом...

Алан выругался сквозь зубы, сообразил, что это очередная иллюзия, собрался с мыслями. И удивленно спросил:

— Уже? Так рано? Еще нет десяти.

— К вам ваши друзья. Вы можете отключить изображение. Они будут вас слышать, но не видеть.

— Отлично, — проворчал Алан. — Валяйте.

Лакей исчез, и вместо него появились Матиас, Димитрий и Тэн. Матиас стоял, остальные, очевидно, сидели, но сидений видно не было, и создавалось впечатление, будто они висят в воздухе в довольно вальяжных позах.

— Где ты, Алан? — Матиас завертел головой. — Ты слышишь нас?

— Да, слышу, я в ванне.

— Я же сказал, что он не беспокоится! — возликовал Димитрий. — Стальные нервы!

— Мы волновались, — признался Матиас, глядя не совсем туда, где находился Алан. — Я поговорил со своим духом — он называется Синтет, — и он заверил, что в Парадайзе не может пострадать ни гость, ни гражданин. Всё контролируется синтетами. Даже Осаму не справится со здешней магией. То есть технологиями.

— Но Осаму — злобный тварь, — добавил Тэн. — Он сказать тебе что-то, отчего ты потеряешь голову.

— Например? — насторожился Алан.

— У него Кассия, — сказал Матиас. — Понятно ведь, что он будет использовать ее как козырь. Мы хотим попросить тебя держать себя в руках...

— Я буду держать себя в руках, — пообещал Алан. До него вдруг кое-что дошло. — Осаму не будет меня шантажировать. Он собирается меня уговорить.

— С чего ты...

— Он привел нас сюда, в самый безопасный Оазис из известных. Он пожелал, чтобы мы поели и отдохнули. Чтобы я говорил с ним будучи свежим и отдохнувшим. Если б он намеревался надавить на меня, он взялся бы за переговоры, когда мы были уставшими и голодными. Верно ведь?

— Резонно... — Матиас вздохнул. — И всё же, что бы он тебе не предлагал, помни, что у тебя есть друзья, которые всегда помогут.

Лакей, он же Синтет, объявил о том, что прибыл гость, без минуты десять. Алан, который уже помылся, оделся и сидел на созданном кресле, чуть дрогнувшим голосом велел впустить.

В пяти шагах от Алана возник мальчик лет двенадцати в потрепанном камзольчике, с черными волосами и живым взглядом. На мгновение Алан поразился: он где-то встречал этого мальчика... Потом сообразил: это он сам в детстве!

— Кто ты? — спросил Алан.

— Алан! — то ли назвал, то ли позвал мальчик, улыбнувшись. Он повернулся, двинулся к стене, обернулся через плечо. — Следуй за мной.

Как замороженный, Алан поднялся и пошел следом. Он ощутил, что пол под ногами заскользил назад, а стены капсулы изменились, потемнели, так что появилась иллюзия, словно он действительно куда-то перемещается. На самом деле он находился на одном месте.

Поверить в это было сложно — иллюзия ничем не отличалась от реальности.

Маленький Алан шагнул в темноту, которая тут же рассеялась, когда открылась входная дверь дома Арконов, ведущая на улицу Гальфрана, по которой сновали курьеры, бегали дети, степенно прогуливались дамы и господа и ездили конные экипажи.

— Себ!

Навстречу маленькому Алану выскочил мальчишка — того же возраста, веснушчатый, добродушный, с более короткими и более светлыми волосами.

— Ну что, готов? — спросил Себастьян Келлер, друг детства Алана.

— Я-то готов, — насмешливо проговорил маленький Алан, будто забыв о существовании Алана-настоящего, — а ты прихватил чистые штанишки на случай, если обделаешься?

— Я прихватил тебе платочек, если ты расплачешься! — парировал Сэб.

Они побежали по улице. Алану не пришлось бежать за ними — он двигался за ними, не шевеля ни рукой, ни ногой, просто летел за ними, подобно бесплотному духу.

Кажется, он помнил этот день. Но всё было не совсем так. Алан тогда вышел из школы фехтования, его встретил Себ, и они направились к Черной границе...

А еще они встретили Эмиля Ламара...

Но иллюзии Парадайза показывали ему другую историю. С тем же сюжетом, но с разницей в деталях. Так, Эмиля мальчишки не встретили, хотя сердце Алана сжалось в ожидании. Маленькие Алан и Себ пересекли границу и подошли к колодцу Твари.

Тварь с отвратительным визгом вылетела вверх, и вдруг наступила тьма.

Алан уже догадался, что видит не собственные воспоминания, а чужие. Воспоминания Себастьяна.

Когда тьма рассеялась, Алан увидел маленького Себа, стоящего у Черной границы на территории Оазиса, рядом с матерью, отцом и несколько десятками людей, среди которых были и аристократия, и ремесленники с окраин. Все смотрели вслед группе всадников, удаляющихся по Дебрям в сторону леса. Наверняка кто-то из провожающих проливал слезы по дочерям, которые будут отныне жить в ином Оазисе, кто-то из юных дев вздыхал по доблестным Пилигримам, вскружившим им голову. Но Себ смотрел — и взрослый Алан видел это отчетливо — на самого маленького всадника, который несколько раз оглянулся.

Маленький Алан покидал родной Галльфран, своих родителей, знакомых, друзей — и Себа. Оглянувшись пару раз, он больше не глядел назад. Зачем? Перед ним распростерся весь мир.

А Себ оставался, ибо Черная граница оставалась для него непреодолимой гранью.

— Идем домой, — мягко сказала мать.

Но Себ вырвал руку и побежал...

...Картинка задрожала, помутилась, и у Алана создалось впечатление, что идет время. Люди на улицах ускорились так, как этого никогда не бывает в жизни, деревья зеленели весной и избавлялись от листвы осенью за считанные секунды, возводились новые здания и исчезали старые.

Алан видел Себастьяна посреди этого изменчивого калейдоскопа — тот рос, вытягивался в росте, взрослел, пока не сравнялся ростом с Аланом и не стал статным молодым человеком. У Себа был широкий и высокий лоб, темные, чуть светлее, чем у Алана, волнистые волосы, серые глаза, взирающие на Алана грустно и холодно.

Вдоль хребта Алана пробежал холодок, он уже догадывался, что будет дальше — не в подробностях, но в целом.

— Прошло двенадцать лет, Алан, с тех пор, как ты покинул Галльфран, — проговорил Себастьян, и Алан поежился, услышав знакомый голос. Этот голос снился ему в кошмарах — тихий, мягкий, внушающий ужас. Голос безликого Рыцаря Дебрей. — И ни разу не вернулся. Сколько раз ты вспоминал свой дом, родителей, друзей, меня?

— Поначалу — часто, — пробормотал Алан, стараясь не отводить взгляд. Они стояли напротив друг друга в серой мгле, окружившей их и поглотившей быстро меняющийся город.

— А я вспоминал тебя каждый день все эти двенадцать лет. Думал: почему так несправедливо устроен мир? Одни идут, куда хотят, а другим всю жизнь сидеть в клетке?

— Себастьян! — воскликнул Алан. — Себ! Так это ты — Рыцарь Дебрей? Но как ты смог выйти за Черную границу? Ты — все-таки Пилигрим?

Себ с грустью покачал головой. Он не был зол на Алана — лишь печален.

— Нет, друг Алан, я не Пилигрим. Девять лет назад, когда нам обоим было по пятнадцать лет, в Галльфран прибыл караван Пилигрима Тиберия. Тиберий приехал с сыном, который не был Пилигримом.

Алан почувствовал, как дрогнуло лицо. Мир сошел с ума? Почему Оседлые обрели способность ходить по Дебрям, а он об этом ничего не знает?

— Так получилось, что Тиберий остался в Галльфране почти на месяц, — продолжал Себастьян, — и я подружился с Марком. Узнал кое-какие подробности.

Себ вдруг улыбнулся, подмигнул, и Алан узнал в нем того самого Себа, с которым он совершал безобидные шалости много лет назад.

— Оказалось, папаша Марка, Тиберий, очень сокрушался, что сынок оказался Оседлым. У Пилигримов вообще редко дети становятся Пилигримами. Тиберий не смирился и придумал штуку: обрядил сына в особую одежду, в которой были вшиты мелкие камушки из Черной границы Разрушенных Оазисов. Они отпугивали Тварей, и Марк смог путешествовать с отцом по Дебрям.

— Но ведь это гениально! — не выдержал Алан. Он забыл на мгновение, что перед ним стоит убийца Эмиля Ламара и многих безымянных людей из Хоу Вердена. Он снова говорил со старым другом. — Можно добыть побольше Черного камня и...

Он осекся — вспомнил про взорванную границу Хоу Вердена и уведенных из Санти рабочих, которые должны были таскать Черный камень.

— Вшивать камень в одежду — не вариант, — усмехнулся Себ. Видимо, он понял по выражению лица собеседника, о чем тот думает. — Марк это доказал. Он пошел на охоту в Дебри в одиночку, споткнулся, упал в овраг, зацепившись курткой за куст. Одежда слегка порвалась, камни высыпались — не все, частично. Но Твари поблизости этого оказалось достаточно... Марка нашел сам Тиберий, который спохватился чуть позже, чем следовало. Марк был сильно ранен и оглушен Эманацией, но умер не сразу. Вероятно, Камни все же его защитили. Я был тогда ассистентом доктора Леонарда Бернара и помогал оперировать Марка. Мы пытались его спасти, но бесполезно. Марк умер, и все мы поняли, что Тиберий сам привел сына к такому исходу. Боги не хотят, чтобы Оседлые гуляли по Дебрям, и обмануть их завет невозможно.

— Я ничего об этом не знал, — сказал Алан, плохо понимая, что говорит.

— Но я не сдался. Трюк с Камнями мне понравился и засел в голове. Мне подумалось: если одежда ненадежна и может порваться в неподходящий момент, то что насчет кожи?

— Кожи?

— Именно! Кожа, в отличие от одежды, покрывает наши тела полностью! У меня остались Камни от Марка. Убитый горем Тиберий, кажется, позабыл о них. Пилигримы получили жестокий урок и больше не повторяли такой ошибки. Они даже старались об этом прискорбном инциденте лишний раз не распространяться, поэтому ты ничего не слышал. Я придумал другой вариант использования Камней.

С этими словами Себастьян снял сюртук и рубаху под ней, оставшись в одних штанах и сапогах. Весь его поджарый мускулистый торс покрывали причудливые темные разводы татуировки. Это были геометрические узоры, нанесенные не очень умело, но они завораживали.

— Я раздробил Камни, растер их в тонкий порошок и сделал из них суспензию, которой один умелец из бедных окраин покрыл все мое тело. — Себ захихикал. — Я здорово рисковал: если бы узнали родители, чем я занимаюсь по вечерам! Они-то думали, что я хожу на свидания! Если бы эти татуировки не спасали от Тварей, я испортил бы свою красоту на всю оставшуюся жизнь!

Он посерьезнел.

— Мне повезло. Хотя везет достойным. Я начал делать регулярные вылазки за пределы Черной границы. Видел Тварей, а они видели меня. Они не нападали. Они даже не захотели

откусывать мне голову, хотя она оказалась без татуировок! Ха-ха!

Он снова коротко засмеялся и резко оборвал смех. Алан обратил внимание, что, смеясь, Себ продолжает внимательно следить за Аланом и глаза его не смеются.

— А потом я стал планировать уход из Оазиса. Мастер татуировок очень удачно умер — его зарезали в драке. Так что ни одна душа в Галльфране не знала о моем маленьком секрете. Сначала я расстроился — у меня были планы обратить друзей, уговорить их тоже сделать такие татуировки и стать свободными. Но они меня сильно удивили и разочаровали: на мои осторожные вопросы следовал один и тот же однозначный ответ. Они ничего не хотели менять в своей жизни. Их устраивала судьба жить в тюрьме. — Себастьян вздохнул. — Наверное, такова натура большинства людей. В те дни я считал, что таковы жители Галльфрана, и жаждал поскорей пуститься в путь, чтобы достигнуть других Оазисов, где жители, конечно же, другие и с радостью последуют за мной.

— И куда ты пошел? — шепотом спросил Алан. Он знал, что рано или поздно Себ должен был оказаться в Зэн Секай, но куда он попал поначалу?

— Я взял провизию и воду. Но коня прихватить не удалось. Меня до сих пор считают пропавшим без вести в Дебрях. Ты об этом не знаешь, Алан, поскольку ни разу после ухода не посетил родной Оазис. Иначе знал бы, что родители давно оплакали меня.

Себ не укорял, но Алан засовестился. Действительно, за двенадцать лет его не посетило настолько сильное желание навестить Галльфран, что он собрался бы это сделать. Иногда он думал об этом, но впереди открывались новые горизонты, новые экзотические Оазисы, рядом были веселые друзья, и мысль растворялась без следа.

— Я заблудился на пятый день одиночного странствия, — рассказывал Себ дальше, — из-за сильного ливня и последующего тумана. Собственно, слово “заблудиться” смехотворно, потому что я не знал дороги. Лишь те указания, что дал мне Марк. Он поведал мне о Парадайзе — чудесном Оазисе, где людям не нужно трудиться, чтобы добыть себе пропитание. Я долго шел, сам не понимая, куда, еда закончилась, а охотиться я не умел. Не помню, сколько прошло времени, прежде чем я, истощенный, на грани смерти, добрался до Зэн Секай.

— И там тебя встретила дзёнин Рафу, — сказал Алан. — Отнеслась как к родному сыну и обучила смертоносному искусству.

— Да, — Себ не удивился прозорливости Алана. — Она была по-своему добра ко мне. Конечно, подчас от тренировок трещали кости, но я всегда осознавал, что это делается для моего блага и что это дар — самый щедрый из всех, что я когда-либо получал. Однако через шесть лет я все же покинул Зэн Секай. Мое обучение закончилось. Рафу понимала, что я не останусь в Оазисе навсегда и не стану ее преемником на посту дзенина. Поэтому не обучала всему, что должен знать дзенин. Но и того, чему я научился, хватило, чтобы превратиться в Рыцаря Дебрей.

— Ты убил моего друга, — сказал Алан спокойно, почти без злости.

— Я сожалею, — отозвался Себастьян искренне. — Я не сразу понял, что великие дела — хорошие или плохие — всегда требуют жертвоприношения. Мне чудилось, что достаточно будет моей собственной жертвы, но — нет. Я не маньяк, Алан, поверь, но зашел слишком далеко, чтобы останавливаться и сожалеть.

— Чего ты хочешь? Свободы для всех?

— Да.

— Люди не хотят свободы.

— Я это знаю, как никто. Самая страшная граница у нас в умах. Недостаточно найти способ, как отпугнуть Тварей, необходимо забраться в умы людей и убедить в их неправоте.

— Проще победить Тварь голыми руками! — воскликнул Алан. — Себ, пусть всё будет, как есть! Зачем тебе дарить свободу тем, кто страшится ее?

Себастьян покачал головой.

— Далеко не все страшатся свободы. Я жаждал ее, как никто. С той самой поры, как ты уехал с Пилигримами навстречу горизонту... Я верю: в каждом Оазисе есть такие же мальчишки, как я. И девчонки, что тоже грезят путешествиями. Когда-то давно Основатели нашего мира решили за нас, что хорошо, а что плохо. Я с этим не согласен.

— Ты хочешь пойти вопреки воле богов? — поразился Алан.

— Уже иду. Я ушел из Зэн Секай с караваном Стефана, подружился с Омаром и остальными ребятами. Я услышал о Клейменных из Либеры и двинулся в Амазонию, где привечали таких беглецов. Я набрал троих Клейменных, которые родились Пилигримами. Они с радостью последовали за мной. Это внушило мне надежду, что скоро количество моих единомышленников увеличится. В Дебрях я обучил их искусству синоби, и мы поехали в Парадайз. Я мечтал, что в таком необыкновенном Оазисе найду способ избавить людей от пут ума, если захочу. Я дам жителям этих Оазисов свои знания и Черные камни, а вместе мы придумаем выход. Увы, Оазис Парадайз не принял нас тогда, не распознав в нас настоящих Пилигримов. Белая стена не разверзлась. Тогда мы поехали в другой высокотехнологический Оазис — Хоу Верден.

— Мы видели, что вы с ним сделали...

— Это произошло случайно, — твердо сказал Себ. — Хотя и закономерно. Жители Хай Вердена сочли нас искусителями. Несмотря на свои летающие машины, они были крайне религиозны и суеверны. Их Култ Закрытого Ока гласил, что те, кто будет звать их за Черную границу, подвергает искушению и низвергнет их души в преисподнюю. Рискну предположить, что, если бы не этот Култ, они давно придумали бы, как выйти в Дебри и победить Тварей. Основатели подстраховались, дав этим несчастным религиозные оковы, которые держали их крепче железных. Они пытались нас захватить и убить. Началась жестокая схватка, мы едва не погибли. Жители Хоу Вердена почти настигли нас у Черной границы на своих летающих лодках и выстрелили магической молнией. Но промахнулись — и попали по Черной границе, взорвав ее...

Алан оторопел. Получается, Хоу Верден уничтожил сам себя, и Себастьян с Клейменными ни при чем? Но как проверить его слова? Он ведь может лгать.

Странно, но Алану хотелось верить старому другу.

— Твари проникли сквозь разлом, — сказал Себ, — и началось побоище. Они не были готовы к такому. Их молнии разили Тварей, но через мгновение Твари чудесным образом восстанавливались и продолжали нападать. Из-за молний занялись пожары, и вскоре весь Оазис пылал.

Умиравший мальчик материализовался перед взором Алана.

— “Они убили всех”, — так сказал Сигурд, — перебил Алан. — Мы встретили мальчишку Пилигрима, который ухитрился выжить. Он упомянул людей без лица, Рыцарей Дебрей. По его словам, они пришли к ним и убили всех. Это вы уничтожили Хоу Верден!

Себ кивнул.

— Так и получилось. Мы назвали себя, собрали народ на площади. Но из предосторожности не снимали маски. Клейменные стараются лишний раз не показывать

Клейма. Сам понимаешь, — он горько улыбнулся. — Всё остальное сделали страх и предрассудки. Позже я решил воспользоваться ситуацией и собрать Черный камень прежде, чем это сделают другие Пилигримы.

— Зачем он другим Пилигримам?

— Для Ожерелья Невест. Больших Ожерелий, с помощью которых можно перевозить десятки невест за раз.

— Там хватило бы на миллион невест!

— И все же мы наняли работников в Санти и спрятали Черный камень в горах. Чувствую, он нам еще пригодится. Я узнал великую тайну и направляюсь в ближайшие дни к Разрушенным Оазисам.

— Зачем тебе Разрушенные Оазисы? — спросил Алан. Он уже не сомневался, что это не миф.

— Там — решение всех проблем. И я желал бы, чтобы и ты пошел со мной. Как друг.

— Стул, — приказал Алан, и стул тотчас соткался из пелены позади. Алан сел, потер виски. Затем поднял взор на Себастьяна. — Хорошо. Допустим, ты убил Эмиля не со зла. Ты и меня пожалел, как только узнал, кто я, верно? Удивился, небось?

— Очень.

— Тогда зачем тебе Кассия? Зачем было убивать половину людей Кровака? Вы — убийцы!

— Нет, — с прежней твердостью и невозмутимостью отвечал Себ. — Люди Кровака напали на нас сами. Через Омара я выманил их в Дебри из Амазонии, чтобы не беспокоить Оседлых. Я предложил им присоединиться ко мне, но они отказались. Их устраивает то, что есть. Стефан заявил, что даже если мы найдем способ всех Оседлых сделать Пилигримами, то он потеряет работу и будет никому не нужен. Старый пень думает только о собственной толстой шкуре. Кое-кто из его молодчиков повели себя слишком задиристо, и я вышел из себя... Признаю, в этом есть и моя вина. В гневе я приказал одному из них передать тебе послание...

— Он не умер, передав послание. Ты обещал, что он умрет и избавится от страданий, но ты обманул.

Себастьян приподнял бровь, и это выглядело вполне искренне:

— Да? Значит, я плохо овладел искусством отсроченной смерти... Рафу была бы разочарована... Так или иначе, я забрал остальных Пилигримов насильно вместе с той девушкой, Кассией. Я знал, что ты последуешь за ней, и мы встретимся здесь, где поговорим спокойно и без опасений.

— Верни Кассию!

— Ты пойдешь со мной?

— Да, — ледяным тоном ответил Алан. — Я пойду с тобой. Но ты поклянешься не трогать моих друзей.

— Клянусь, — тут же проговорил Себ, и улыбка тронула его бледные губы. Он действительно обрадовался такому ответу. — Они не пострадают. Мы вместе снимем проклятие с этого мира — два друга! И я докажу тебе, что моя клятва — верная, и когда ты увидишь это доказательство, поймешь, что я — твой настоящий друг!

Алан ухитрился улыбнуться в ответ и подумал, что выглядит это не менее искренне, чем у Себа. В том, что дружище Келлер врет, у него больше не оставалось сомнений. Алан понял это, когда Себ равнодушно признал, что чудовищные муки Ингвара были лишь оплошностью

в обучении Себастьяна. У Себа начисто отсутствовало сострадание и раскаяние, он уподобился монстру, из которого каленым железом зависти, гнева и боли выжгло все человеческое.

И с таким чудовищем Алану следовало отправиться к мифическим Разрушенным Оазисам — ради спасения Кассии, Кровака, других Пилигримов. И всего остального мира.

Глава 16. Любовь и иллюзии

1

Когда Сэб растворился в воздухе, Алан спросил синтета-лакея, не слышал ли кто-либо их разговор — кроме самого синтета, разумеется. Лакей, материализовавшись за спиной, ответил, что никто. Тогда Алан поинтересовался, почему жители Парадайза не выходят из Оазиса.

Алан и сам толком не понимал, зачем задает эти вопросы. Разговор с Себастьяном смутил его, выбил из колеи и навел на странные мысли.

Что, если Себастьян прав? Что, если свобода должна быть, вопреки воле богов, для всех людей?

— Не видят смысла, мастер Алан, — проговорил лакей. — В капсуле есть все, что нужно. И даже больше.

— Но это не настоящая жизнь!

— А вы уверены, что та жизнь, которой вы живете, настоящая? Возможно, вы с самого рождения находитесь в такой вот капсуле, а остальное — лишь наведенный причудливыми технологиями морок? На потолок проецируется небо, а стены и пол имитируют землю и деревья? Вы ведь не способны прикоснуться к небу, мастер Алан?

У Алана от удивления приоткрылся рот. Он не ожидал таких необычных вопросов от искусственного духа его жилища.

— Но я знаю!.. Знаю, что моя жизнь — настоящая!

У ног неподвижного лакея возникла собака. Виляя хвостом, она принялась ластиться к сидящему на стуле Алану. Ее мех был густой, а язык шершавый. Собака была живой, теплой и энергичной.

Помедлив, Алан погладил ее по загривку.

— Посмотрите, мастер Алан, — сказал лакей, — разве это не настоящая собака? Разве что-либо выдает в ней иллюзию?

Пес положил передние лапы на колени Алана, преданно заглянул в глаза. От него даже пахло псом... Не сильно, но запах все же присутствовал.

— Однако эта собака не настоящая, — продолжал лакей. — Вы не в силах узнать, реальная она или нет. Она будет есть, пить, лаять, ластиться к вам, а со временем умрет. И вы станете ее оплакивать... возможно. И все это будет иллюзией, сном, мороком.

— Наверное, я никогда больше не вернусь в ваш Оазис, — медленно проговорил Алан. — Он полон миражей и обмана...

— Не факт, что только наш Оазис, — лакей позволил себе снисходительную улыбку. — На самом деле даже у самых великих мудрецов нет уверенности, что весь мир не является миражом.

— Если весь мир — обман... если все это — иллюзия... то мы имеем право знать!

— Основатели могли решить иначе. У нас в Парадайзе существует расхожая теория, что реальный мир — иллюзия еще более великого Оазиса. Есть также теория, что весь мир — вид из одной-единственной капсулы, в котором живет один человек... бессмертный благодаря высочайшим технологиям... Это человек — единственный выживший после разрушительной войны. И все остальные люди — суть его видения.

Алан на мгновение смежил веки. Его сознание отказывалось принимать эту

информацию. Достаточно откровения, что его злейший враг — на самом деле старый друг.

И все же он попытался представить себя на месте этого одинокого бессмертного человека, создавшего подробнейший выдуманный мир, лишь бы забыть на время о своем одиночестве...

Неудивительно, почему мир полон страданий и несправедливости, раз он является проекцией этого больного ума...

Вероятно, если это правда, то Алан, умерев, вновь осознает себя в такой вот капсуле. Он снова ощутит все бремя страдания от одиночества и в который раз погрузит себя в удивительный сон, где у него есть спутники и друзья...

Где в его распоряжении весь мир.

Встряхнувшись, Алан ущипнул себя за руку. Было больно.

Нет, мир реален. И все сопутствующие жизни проблемы реальны.

Если не верить в его реальность, то нет смысла жить.

— Вы... — начал он, подняв глаза на лакея; собака бесследно исчезла. — Я имею в виду, синтеты и Хранитель Знаний, — вы могли бы при желании выбраться за пределы Черной границы, истребить Тварей и ходить по Дебрям?

— Увы, мастер Алан, эта информация заблокирована.

— Кем заблокирована?

— Основателями.

— Основателями вашего Оазиса?

— Основателями всех Оазисов и Дебрей меж ними.

— Ты говоришь о богах?

— Да.

Алан задумался. Потом спросил:

— Что находится в Разрушенных Оазисах?

— Информация заблокирована, — горестно покачав головой, отвечив лакею и, прежде чем Алан задал очередной вопрос, неожиданно заявил: — К вам посетитель.

— Впусти, — сказал Алан, насторожившись.

Гость вошел — точнее, материализовался прямо из стены. Это лишь образ человека, напомнил себе Алан, а не сам человек, но выглядел он неотличимо от оригинала.

Алан вскочил со стула.

Это была Кассия.

Причем одета она была в такие одежды, которых Алан никогда на ней не видывал: стильный приталенный брючный костюм, туфли на высокой платформе и яркий, вызывающий макияж, который, впрочем, девушке шел. Алану показалось, что это другая Кассия, более прекрасная и строгая; своя и в то же время чужая.

— Это иллюзия? — спросил он синтета, не отрывая глаз от видения.

Лакей замешкался с ответом, а Кассия молча подошла к Алану и, обдав его тонким ароматом духов, обняла. Он явственно почувствовал упругое тело.

“...когда ты увидишь это доказательство, поймешь, что я — твой настоящий друг!” — прозвучал в памяти невыразительный голос Себастьяна Келлера.

В этот момент Алан был почти благодарен зажитому другу за пережитые эмоции.

Не помня себя от восторга и нежности, он наклонился и поцеловал Кассию прямо в губы — этот поцелуй он представлял себе не раз...

Она ответила на поцелуй и сделала это весьма страстно, почти жадно.

— Алан... Алан... — бормотала она.

— Прости, Кассия, что отпустил тебя с этими... с другими...

— Я в порядке, не волнуйся ты так...

— Он тебя не тронул? — между поцелуями ухитрился спросить Алан.

— Нет... Если б он вздумал сделать мне что-то, я бы его зарезала. А если бы не получилось, я покончила бы с собой.

— Какая ты кровожадная...

Вдруг Кассия отстранилась. Держа его за плечи, заглянула в лицо:

— Алан, где ты нашел такого друга?

— Я... я не знал, что он стал чудовищем.

“Не таким страшным чудовищем, как мне когда-то представлялось, — договорил он мысленно. — Он ее отпустил... хотя мог бы держать в заложницах очень долго...”

Алан перевел дух. Губы его горели. Лицо тоже. И сердце, наверное.

Может ли такое быть, чтобы разом исполнились его самые заветные желания?

2

Он не помнил, чтобы приказывал лакею исчезнуть, а до этого создать роскошное ложе, на котором уместились бы все Пилигримы из отряда, но именно это и произошло. Они с Кассией неведомо как оказались на этой кровати, и вот уже Алан расстегивал пуговицы на костюме Кассии. Еще чуть позже они были обнажены, а вокруг чуть слышно шумел молодой лес, полный зеленого солнечного света, ароматов хвои и свежего ветра.

Они занимались любовью на гигантской кровати, стоявшей прямо посреди леса, и Алану чудилось, что они с Кассией слились воедино не только физически, но и духовно; что они — единое существо, настолько чутко Кассия отзывалась на желания Алана, и наоборот.

Неведомо, сколько миновало времени — несколько минут или много часов. Время в дивном лесу никуда не спешило.

Читает ли синтез капсулы мысли Алана, чтобы соответствовать его самым глубинным потребностям? Скорее всего, да, но это Алана в настоящий момент несколько не заботило.

Наконец они просто лежали, утомленные их долгожданной любовью, в объятиях друг друга.

— Мои родители погибли на заводе Грейстоунхилла, — рассказывала Кассия. Наверное, сегодня она решила открыться перед Аланом целиком и полностью. Теперь в ней не осталось ничего от прежней Кассии Ринн, замкнутой и ершистой. — Взорвался паровой котел. Братьев и сестер у меня не было, я осталась совершенно одна. Мне уже исполнилось пятнадцать, и меня отдали замуж за одного старого и мерзкого богача, но я наотрез отказалась с ним жить и даже однажды в ответ на притязания разбила ему нос!

Они хихикнула, а Алан почувствовал, как в нем поднимаются злость на этого богача и гордость за Кассию.

— После этого я какое-то время жила на улице, — продолжала Кассия с легкой улыбкой. Ее словно забавляли эти воспоминания былых нелегких лет. — Но потом в одном коллеге моего отца проснулась совесть, и он определил меня в невесты Хоу Вердена. В Грейстоунхилле ко мне относились, как к бунтарке и легкомысленной девушке...

— Клятые надутые индюки! — выругался Алан. Прядь каштановых волос Кассии щекотала ему щеку и мешала сконцентрироваться на рассказе, но он убедился, что Кассии в юности пришлось нелегко. Теперь он понимал, почему ее никто не провожал в родном Оазисе и отчего некоторые личности даже на нее косились. И понимал ее агрессивную

реакцию на легкомысленные попытки Димитрия поладать.

Кассия повернулась к нему, подперев щеку ладонью. Другой рукой она принялась водить пальцем по его груди.

— Уйдем, Алан!

— Куда? — опешил тот.

— Куда угодно! В Дебри! Ты и я! Будем жить свободно... Найдем Оазис по вкусу, а когда вкусы изменятся, переедем в другой!

Идея понравилась Алану. Он заулыбался.

— Неплохой вариант... Когда-нибудь мы действительно осуществим эту мечту.

— Это не вариант и не мечта. Это наше настоящее. И твой выбор. Свой я уже сделала.

Битых две минуты Алан глядел в глаза Кассии, пытаясь обнаружить в них шутку, несерьезность, намек на то, что на самом деле она подразумевает нечто иное — не то, что услышал Алан.

Он прочистил горло:

— Прямо сейчас? Ты серьезно, Кассия? Предлагаешь уйти вдвоем, бросить друзей и людей Кровака, что в беде, не пытаться помешать Рыцарю Дебрей осуществить свой неведомый злобный план?

— Ты все равно его не остановишь, — проворковала Кассия. — И он не такой уж и зверь, чтобы убивать людей Кровака и кого бы то ни было просто так, без причины. Когда он доберется до Разрушенных Оазисов, он отпустит всех, кто захочет уйти. Его цель — дать людям свободу, а не неволить их попусту.

Алан отстранился.

— Откуда тебе известно о планах Себастьяна?

Кассию не удивило это имя. Значит, она знала и настоящее имя Осаму.

— Я знаю про Разрушенные Оазисы... и про цель Себастьяна.

— И... ты считаешь, что он прав? Что Оседлых надо освободить даже вопреки их воле?

Большие ясные глаза Кассии потемнели и похолодели.

— Разве это так важно — чего хочет Себастьян? Главное: чего хотим мы!

— Если Себ освободит Оседлых, наступит хаос.

— Уверен? Даже если и будет хаос, то лишь временный. Взбаламученная вода рано или поздно успокаивается, и муть оседает, после чего прозрачность восстанавливается сама собой.

— Но... я не могу бросить друзей...

— Они важнее тебе, чем я?

— Кассия, — нахмурился Алан, — не заставляй меня выбирать между вами. Вы все — часть моего мира.

— Однако ты должен сделать выбор.

После продолжительного раздумья Алан произнес:

— Я тебя не узнаю, Кассия. Та Кассия, которую я знал, так не сказала бы никогда.

Она рассмеялась холодным смехом.

— А может быть, ты недостаточно хорошо ее знал?

— Я останусь верен клятве Пилигрима. Я пойду к Разрушенным Оазисам, потому что это дело чести. Я обещал Себу, хотя дело не только в нем...

Кассия села, затем легко поднялась на ноги. Несколько мгновений она стояла перед ним нагая и невероятно прекрасная, а потом на ней появилась одежда. Взлохмаченные

волосы сами собой уложились в высокую прическу.

— Ты молодец, Алан, — сказала незнакомая женщина, которая выглядела как Кассия. Ее голос стал еще холоднее. Алан вспомнил: так говорила маленькая девочка — Хранитель Знаний. — Не поддайся женским уловкам. Ты тверд в своем слове и своей верности друзьям. Теперь Себастьян Келлер верит тебе полностью.

— Ты — синтез? — спросил Алан, у которого пересохло горло. — Хранитель Знаний?

— Да. Себастьян убедил меня устроить эту проверку. Я получила интересный опыт и знания человеческой души... Поверь, я буду бережно хранить этот бесценный опыт. А Себастьян сжег свой рейтинг полностью и навсегда. Теперь, когда он со своими спутниками покинул Парадайз, он больше никогда не сможет переступить порог нашего Оазиса. Такой уговор между Парадайзом и Пилигримом возможен. Ты, кстати, тоже имеешь право заключить такой договор.

И, не дожидаясь ответа, она растворилась в воздухе, будто ее и не было. Хотя постель возле Алана все еще хранило тепло ее тела.

3

Алан собрал Пилигримов в том же несуществующем в реальном мире обширном зале с длинным обеденным столом, где они трапезничали в первый раз.

Он пытался сохранять спокойствие, но это плохо у него получалось. Правда, он уже не бегал из угла в угол, как в Амазонии после нападения Себа на караван Кровака, в котором была Кассия. Но кулаки под скатертью сжимались сами собой так, что ногти впивались в ладони.

С деланным спокойствием он подробно рассказал друзьям о недавних событиях. О явлении Себастьяна и следом за ним ненастоящей Кассии. Не скрыл даже о том, чем они занимались с Хранителем Знаний...

Матиас приподнял брови, Димитрий разинул рот, а Тэн широко распахнул узкие глаза.

В заключении Алан добавил:

— Еще раз напоминаю, что вы не обязаны идти со мной...

Димитрий закрыл рот, огладил рыжую бороду и не без раздражения отмахнулся:

— Ты неплохо дерешься, но если еще раз начнешь эту песню, я разобью тебе башку!

Матиас примирительно сказал:

— Мы по-прежнему с тобой, Алан. Брось эти разговоры.

— Да, — поддакнул Тэн, чьи глаза приняли прежние размеры.

— К тому же Себастьян поклялся нас не трогать... — начал было Матиас, но Димитрий перебил:

— Стоит ли ему верить? Кассию он не вернул. Подсунул Хранителя Знаний, которая, как выяснилось, весьма горяча...

Матиас попытался пнуть Димитрия под столом, но у него не получилось. В действительности они находились в разных капсулах, а в это иллюзорное помещение проецировались их зрительные образы. Тем не менее, Димитрий заметил движение и выражение лица старшего друга и, крякнув, замолк.

— Он и не клялся ее возвращать... — сказал Алан задумчиво. — Ни словом не обмолвился, а я и не понял!

— Не такой он и безумный, стало быть, — заметил Матиас.

Алан с шумом отодвинулся вместе с массивным деревянным стулом от стола.

— Хорошо. Значит, выдвигаемся немедленно. Разрушенные Оазисы к северу от

Парадайза. Надо запастись водой и как можно быстрее ехать...

Остальные зашевелились. Один Тэн, который сидел на стуле развалиясь и задрал по привычке одну ногу на сидение, протянул:

— Я не понимаю, почему Парадайз договориться с Себастьян?

— Что? Ты о чем?

— Себастьян потерять свой рейтинг ради того, чтобы подсунуть тебе ложный горячий Кассия, верно? Но рейтинг бывать только...

— ...у Пилигримов! — сообразил Алан. — А Себ не Пилигрим. Он говорил, что первый раз Белая Стена не разверзлась, поскольку не признала в нем и его спутниках Пилигримов. Но сейчас это сработало...

Пилигримы переглянулись.

— Я решил было, — промолвил Матиас, — что это из-за Кровака и остальных пленников. Себ, думал я, заставил их приложить руку к Стене и приказать открыться.

— Возможно, — сказал Алан. — А возможно, что Хранитель Знаний признал Себа как полноценного Пилигрима...

— А что насчет Клейменных? — спросил Димитрий. — Они ведь настоящие Пилигримы! Почему Стена не впустила их в первый раз?

— Видимо, Клеймо каким-то образом меняет личность, и Стена не распознала с первого раза в них полноценных Пилигримов.

Он бросил быстрый взгляд на Матиаса, но сразу отвел его, вспомнив о Клейменом сыне.

— Значит, что любой Оседлый, который сделал себе тату из Черной пыли, может быть Пилигримом! — заявил тот, не заметив взгляда. — Зачем Себастьяну тащиться в Разрушенные Оазисы, если он может любого Оседлого сделать Пилигримом, имея в запасе лишь Черные камни? А как мы знаем, такой запас у него есть.

— Это сложно: татуировать всех желающих прогуляться за Черную границу мальчишек и девчонок, — поморщился Алан. — Если вообще возможно. У него есть еще какой-то способ — связанный с Разрушенными Оазисами. Но откуда он про него узнал?

Матиас задумчиво проговорил:

— Кто ищет, тот находит... По Дебрям и Оазисам носится множество слухов... И легенды о Разрушенных Оазисах, и Богах-основателях... Может быть, Себастьяну что-то рассказал Тиберий. Он опытный и хитрый дед, он многое знает.

— А если мы спрашивай Хранитель Знаний? — предложил Тэн. — Что, если она знает план Себастьян?

Алан переглянулся с друзьями. После бурных часов любви с псевдо-Кассией у него не было желания вновь лицезреть это многоликое искусственное существо. Однако долг требовал прояснить все неясности.

— Синтет? — неохотно позвал он.

Лакей появился незамедлительно — как обычно, важный, невозмутимый, с хрящеватым выдающимся носом, полуприкрытыми глазами и белоснежной салфеткой, перекинутой через сгиб руки.

— Слушаю, мастер Алан.

— Ты слышал наши вопросы?

— Да.

— Ну и? Ты знаешь ответы на эти вопросы или нам придется звать Хранителя Знаний?

— Лишь Хранитель Знаний даст вам ответы, — ответил синтет, и сердце Алана

оборвалось. — Однако она потребует и ваш рейтинг тоже. Ставки весьма высоки.

— Странные у вас порядки, — сказал Матиас. — На кону судьба всего мира, а вы играете в игры с рейтингом...

Лакей живо развернулся к нему.

— Что может быть важнее рейтинга, господин Матиас? И игр с ними? Наша жизнь и есть игра. И у каждого существа во вселенной есть свой рейтинг... Некоторые называют его кармой. Исчерпав этот рейтинг, мы умираем — и живые, и искусственные. Но, дорогие гости, как бы то ни было, все синтеты Парадайза следуют завету Основателей, и, в отличие от людей, мы не способны нарушить клятвы и обеты. Мы обязаны следовать своим программам, сиречь заповедям. Очевидно, что мастер Себастьян действует в рамках того, что было предназначено Основателями.

Димитрий присвистнул.

— Это что же получается? Себастьян выполняет волю богов? Тогда мы идем против этой воли? А?

Лакей терпеливо улыбнулся ему:

— Я лишь предполагаю... ибо не обладаю всей полнотой знаний, как Хранитель... Не думаю, что и вы тоже действуете в рамках того, что предназначено Основателями.

Димитрий кивнул, словно не ожидал услышать ничего иного.

— Да, господа! Они играют нами! Боги играют нами, как игрушками! Правильно болтал наш принц!

— Я ведь говорил, что наша жизнь и есть игра, — подтвердил лакей. — Вероятно, Основатели стремятся понять, чего на самом деле желают люди... Но я заболтался, прошу простить... Я уже стар, — он хитро сверкнул глазами. — Так мне позвать Хранителя Знаний?

— Нет, — подумав, сказал Алан. — Рейтинг нам еще понадобится. А подробности всех этих интриг мы узнаем сами. Без вашей игривой помощи.

Лакей поклонился и испарился.

Алан посмотрел на то место, где только что стоял лакей, и покачал головой:

— Хватит игр. Пора действовать решительно. Нам пора ехать.

Спустя полчаса они покидали Оазис на лошадях, вымытых и накормленных синтетами.

Но немного ранее посреди аллеи, которая тоже была ненастоящей, как и все здесь, Пилигримы неожиданно встретили Хорвэша, про которого Алан, признаться, совсем позабыл. Бывшей принц Амазонии светился улыбкой.

— Я прошел экзамен, друзья!

— Поздравляем, — сказал Алан.

Он и остальные сердечно пожали ему руку.

Когда Хорвэш удалился, Димитрий пробормотал:

— Теперь у него есть право всю жизнь провести в своей капсуле.

— Ему больше ничего и не нужно, — отозвался Матиас.

Глава 17. Дорога к Разрушенному Оазису

1

За пределами Парадайза, в пустыне, время шло своим чередом и совсем не так, как в удивительном Оазисе. Когда Белая Стена разверзлась, выпуская гостей, оказалось, что во внешнем мире наступили сумерки, а над остывающими барханами кружится звездное небо.

В полном молчании, не обмениваясь ни словом, ни жестом, Пилигримы отъехали от Оазиса на такое расстояние, что Стена полностью скрылась за темным горизонтом, и лишь тогда разбили лагерь.

Ветер не позволял следам на песке оставаться долго, вновь и вновь переписывая пустынную книгу времени, но отпечатки копыт лошадей, что прошли здесь недавно, все же различались.

Алан предпочел бы не останавливаться и ночью, но луна зашла, и опустился такой мрак, что трудно было различить что-либо на расстоянии вытянутой руки. Даже зоркий следопыт Тэн ничего не углядел бы.

Спали недолго и поднялись с первым робким светом зари. Никто не возмутился, все собрались быстро и деловито, и Алан растроганно сказал себе, что его друзья лучше, чем он о них думал, ибо в противном случае он не предложил бы им бросить его.

После торопливого завтрака они тронулись в путь дальше на север. Спустя час или около того, когда солнце тяжелым расплавленным шаром повисло над колышущимся от марева горизонтом, они наткнулись на следы ночевки отряда Себастьяна.

Алан трепетно искал признаки того, что с Кассией все в порядке. Он надеялся, что она отыщет какой-нибудь способ передать ему весточку. Но не находил. По следам ночевки трудно было о чем-то судить.

— Мы отставать всего на час, — резюмировал Тэн, прищурясь сначала на солнце, затем на место ночевки. — Если поспешить...

— Мы не можем двигаться быстрее по этому проклятому песку и камням! — вскричал Димитрий. — И лошади устанут быстрее, а мы не знаем, как далеко от нас Разрушенные Оазисы!

— Полагаю, не слишком далеко, — негромко проговорил Матиас. — В этом мире слишком больших расстояний между Оазисами не бывает. Боги сотворили его так, что Оазисы располагаются друг от друга примерно на равной дистанции. Как шахматные фигуры на доске.

— И все же поспешим, — сказал Алан, вскакивая на Вихря.

Но поспешить не удалось. Через полчаса поднялся пыльный ветер, который постепенно переходил в бурю. Желтые полотнища пыли и песка застлали небо и землю. В таких условиях не шло никакой речи о том, чтобы куда-то двигаться.

Алан, с одной стороны, обрадовался, что те, кого они преследуют, тоже не могут передвигаться, а с другой разозлился и расстроился оттого, что после бури не останется следов.

И все же, насколько он понимал, в отсутствии следов не было проблемы. Себ заинтересован в том, чтобы Алан нашел его в Разрушенных Оазисах, которые расположены на севере. А в этом мире Оазисы — прав Матиас — никогда не находятся слишком далеко друг от друга.

Они спрятались в ложбине между невысокими скалами, чьи причудливые формы выточили бесчисленные пустынные ветра. Им пришлось оставаться в этом ненадежном укрытии весь день, а потом и всю ночь, ибо буря закончилась лишь на рассвете второго дня. Когда они, вытряхивая мелкий песок из одежды и волос, отплевываясь и бранясь на капризы погоды, выбрались из ложбины, им открылся неузнаваемый пейзаж. Буря сдвинула барханы, а кое-где буквально вырыла целые ущелья и нагромодила горы. Рядом с их скалами из сухой земли вылезли другие скалы, которых вчера не было — они скрывались под почвой.

У этих новых скал была совершенно необычная форма прямоугольников, сточенных и деформированных временем и стихиями.

— Что это? — пробормотал Димитрий. — Друзья! Это... это ведь древние стены!

Алан встрепенулся.

— Мы прибыли? Это Разрушенный Оазис?

Димитрий, заинтересованный, спрыгнул с лошади и побежал к стенам-скалам. Алан увидел, как здоровяк наклонился, глядя куда-то в густую тень между параллельно расположенными каменными структурами.

— Тут дыра!

— Я не вижу Черная граница, — поджал губы Тэн.

— Ее, должно быть, замело песком, — отозвался Алан, крутя головой в попытках найти еще какие-нибудь подсказки, которые доложили бы о том, что они попали в Разрушенный Оазис.

— Черная граница всегда чиста от мусора, земли, травы и песка, — напомнил Матиас. — Это или Разрушенный Оазис, у которого напрочь снесло границу, или вовсе не Оазис.

— Но если это не Оазис, откуда здесь человеческие постройки?

— Кто сказал, что это человеческие постройки?

— А чьи же еще? — удивился Алан. — Не Твари же эти руины возвели?

Матиас усмехнулся и подвигал бровями, как бы говоря: кто знает, мой друг, кто знает?

— В числе прочих среди старых Пилигримов ходила легенда... — сказал он. — Точнее, не легенда, а байка... Что якобы давным-давно, в эпоху до Оазисов, на земле процветала цивилизация нечеловеческих существ. Они построили циклопические города, ныне скрывшиеся под землей или водой. А потом выродились, их культура разрушилась, а величественные дворцы развеялись в прах. Далеким потомкам этой расы живут в Дебрях до сих пор, но не имеют разума.

— Ты про Тварей? — хмыкнул Алан. — Вот уж байка так байка! Отродясь не слышал подобной глупости. Твари строят города — подумать только!

Он спешил и вместе с остальными подошел к стене. К тому времени Димитрий почти исчез в осыпавшейся песчаной воронке у подножья этой стены-скалы.

— Я что-то нашел! — донесся до них глухой голос.

— Черный камень? — предположил Тэн.

Задняя часть Димитрия заерзала, завозилась, бородач что-то отчаянно тянул из земли, потом глухо осыпалась земля, и Пилигрим выскочил наружу, задыхаясь от усилий. Лицо его побагровело. В руках он держал продолговатый предмет явно искусственного происхождения. Он имел сложное строение: различались рукоять, удобно легшая в ладонь Димитрия, ложе для второй руки, широкий и прямоугольный ствол со сглаженными углами между гранями. На гладкой поверхности торца устройства виднелись четыре воронки,

расположенные по углам воображаемого ромба. Они сверкали в солнечных лучах так, словно их отполировали.

— Это не Черный камень, — заключил Тэн.

— Похоже на штуки из Грейстоунхилла, — заметил Матиас. — Там любят разные механизмы.

При упоминании Грейстоунхилла Алан помрачнел.

— Мне кажется, это оружие, — сказал Димитрий, целясь из неведомого устройства в разные стороны. — Оно мне нравится.

— Брось это, Димитрий, — поморщился Матиас. — Этой штуке тысяча лет. Она давнo сломана.

— Откуда ты знаешь? — заупрямился Димитрий. — Ее надо бы почистить от песка, и она засияет...

— Почистишь по дороге, — устало сказал Алан. — Пора ехать. Это не Разрушенный Оазис, и Себастьяна с... остальными здесь нет.

Он чуть не произнес вслух имя Кассии, так как оно постоянно кружилось в его голове. Странное дело: он не предавался любви с настоящей Кассией, и она так же далека от него во всех смыслах, как и раньше; но после того, что у них произошло с замаскированной Хранителем Знаний, отношение Алана к настоящей Кассии изменилось. Он осознал, что любит ее — любит всей душой. Она — его мир, часть его сердца, цель и смысл жизни.

Да, он отказал той ненастоящей Кассии в Парадайзе, но, как он и сказал, истинная Кассия Ринн никогда не заставила бы его выбирать между собой и друзьями. Если на то пошло, по-настоящему любящая женщина никогда не поставит своего мужчину в такую ситуацию. Потому что выбирать — значит оценивать. Давать одному более высокую оценку, нежели другому, давать рейтинг.

2

Пустыня окончилась внезапно.

Вот тянулась и тянулась без конца каменисто-песчаная равнина, и вдруг копыта лошадей уже ступают по красноватому дерну, покрытому травой, а вдали, среди склонов бурых гор, журчит ручей.

Местность приподнялась, вздыбилась красными холмами, пятна зелени на которых выделялась резко и контрастно. К северу поднимались горные исполины, покрытые низкой, кудрявой растительностью. В горах зияли вертикальные глубочайшие ущелья, а обрывы выглядели так, будто из вырезали специальным инструментом.

Такое вполне могло бы и быть на самом деле...

У Алана зародилось ощущение, что это очень древнее место; возможно, древнее самого мира, хотя как такое возможно, он не представлял. Казалось, что эти удивительные красные горы возвышались еще в те времена, когда не было Оазисов. Он тряхнул головой: его предположения ни на чем не основаны и, скорее всего, продиктованы простыми глупыми чувствами. В одном он оставался уверен: с этим местом связана тайна всего мира.

— Ну, и куда дальше? — поинтересовался Димитрий, когда Пилигримы поспешили напоить изможденных переходом через пустыню лошадей и напились сами. Он до сих пор не расстался с бесполезной находкой в виде ручной пушки, неся ее с собой и успевая прямо в седле начищать куском ткани. Теперь, когда странная древняя пушка избавилась от слоя пыли и песка, она выглядела еще более грозно и впечатляюще, поблескивая ровными гранями и стремительными очертаниями. Так может выглядеть только смертельное оружие.

— Ущелье здесь поблизости только одно, — отозвался Алан, который как раз думал об этом. — На скалы верхом не подняться.

Матиас пробормотал:

— Если нам отрежут путь назад, мы окажемся в ловушке.

— Мы идем следом за психом, — фыркнул Димитрий, любуясь своей новой игрушкой, — мы уже в ловушке! Перестань об этом беспокоиться, Матиас.

Больше обсуждений не последовало. Они сели на лошадей и шагом поехали в ущелье.

Отвесные скалы сразу закрыли от них солнце, и пала густая тень. После раскаленной пустыни это было как нельзя кстати. Цокот подкованных копыт отзывался эхом от карминного цвета каменных стен по обе стороны узкого прохода, небо протянулось узкой голубой полоской наверху.

Проход несколько раз поворачивал, один раз его пересек крохотный ручей, вытекающий из-под земли и туда же убегающий. На склонах кое-где росли цепкие кудрявые кусты, которые приходилось отодвигать руками.

Ехали долго. К счастью, проход не раздваивался. И на земле отчетливо различались следы лошадиных копыт.

Наконец склоны расступились, и Пилигримы выехали в обширный амфитеатр прямо посреди отвесных скал. Этот амфитеатр напополам разделялся Черной границей, которая справа и слева застывшим смоляным потоком взбиралась на склоны и пропадала за недостижимыми вершинами.

В центре амфитеатра граница была разорвана бездонной на вид брешью. Там словно разверзлась земля и поглотила Черную границу вместе с тоннами грунта.

При виде циклопической стены напротив у Пилигримов вырвался вздох изумления. Прямо в камне были вырезаны гигантские врата — они поражали неземной красотой, причудливыми геометрическими узорами и изогнутыми человеческими фигурами, выточенными из камня с такой поразительной точностью, что разум затруднялся ответить на вопрос, как такое вообще возможно.

Алан поглядел на исполинский барельеф. Выточенные из красноватого камня фигуры в разных позах как бы рассказывали какую-то историю...

Вот одинокий голый человек стоит спиной посреди равнины с распростертыми руками, словно хочет обнять все пространство...

Вот множество людей в разных одеждах стоят в круге, ведя хоровод...

А вот они воюют, нападая друг на друга с палками, мечами, копьями и более причудливыми инструментами, похожими на находку Димитрия...

Следующий барельеф изображал поле, покрытое безжизненными телами.

Затем Алан увидел, как появились странные фигуры, похожие на человеческие, которые стоят в ряд, воздев руки то ли в молитве, то ли магическом пассе. А перед ними из земли поднимаются покрытые деревьями и заполненные жилищами Оазисы. Между Оазисами ползают змеи...

...Хотя нет, это не змеи! Это Твари!

— Боги! — проговорил Матиас с благоговением. — Это боги! Здесь запечатлена история сотворения мира Оазисов! Видите?

По спине Алана пробежал холодок. Совсем скоро они прикоснутся к самой величайшей тайне этого мира!

— Поехали, — хрипло сказал он.

Он тронул поводья и первым двинулся к Черной границе.

Но далеко продвинуться ему не удалось.

3

Из провала в земле, разделившего Черную границу на две части, с леденящим душу визгом вылетела сегментированная колонна Твари. Алан впервые видел такую — она была черная и блестящая, как антрацит, и по размерам превышала обычную Тварь.

От неожиданности Вихрь попятился и едва не встал на дыбы.

Алан выхватил прозрачный клинок и крикнул:

— Прочь!

Тварь изогнулась, наклонилась к Алану; клинок выбил искры из ее бронированного тела, но это не отпугнуло Тварь, как это происходило обычно. Наоборот, она яростно зашипела, а ее руки ударили наотмашь Алана. От сильнейшего удара он вылетел из седла и покатился по земле, а Вихрь с ржанием отпрыгнул в сторону.

Матиас, Дмитрий и Тэн разом завопили и бросились на Тварь, но та, вопреки всем повадкам этих существ, атаковала Пилигримов. Это было неслыханное дело!

Пока Пилигримы с воплями осыпали Тварь ударами своих оружий, Алан поднялся на ноги и, морщась от боли, подбежал к Вихрю. Схватив его под уздцы, он вскочил в седло и направил скакуна на Тварь. В его голове не укладывалось то, что Тварь может атаковать Пилигрима. У него не было страха, скорее, возмущенное изумление.

Он не успел приблизиться достаточно близко для удара, потому что сверкнула ослепительная вспышка, раздалось резкое, ядовитое шипение, и запахло как после грозы.

Басом заорал Дмитрий, кубарем скатившись со своего коня, но не выронив странную пушку.

Именно она и испустила молниеподобный луч прямо в Тварь, которая застыла в своей земляной дыре, покачиваясь из стороны в сторону. В ее теле прямо под уродливой головой дымилась обожженная брешь — след выстрела.

Матиас и Тэн, плохо понимая, что случилось, отпрянули в разные стороны, а Дмитрий торжествующе заревел, поднялся на ноги и снова нацелил пушку на Тварь. Снова ослепительно вспыхнуло, и молния с шипением ударила прямо в голову Твари.

— Работает! Работает! — восторженно вопил Дмитрий, потрясая пушкой. — Моя дорогая!

Тварь с грохотом рухнула на край ямы. Голова ее превратилась в нечто вроде распустившегося бутона, причем в качестве лепестков выступала металлообразная шкура. Внутри темнела крупнозернистая масса чего-то темного, истекающего вязкой серой слизью со стальным блеском.

Пилигримы постепенно приходили в себя после этой неожиданной схватки.

— Нет, вы видали? — не мог угомониться Дмитрий. — Это моя сладкая пушечка сработала! Она работает!

— Раньше делать вещь качественно, — поцокал языком Тэн не без зависти.

— Когда вернемся в то место со скалами, я пороюсь еще как следует! — пообещал Дмитрий. — Глядишь, и для тебя что-нибудь найдем, друг Тэн!

Он попытался поцеловать пушку, но помешала борода.

— Но почему Тварь напала на нас? — спросил Матиас, не спуская глаз с лежащего чудовища. — Такого отродясь не бывало...

— И выглядит она иначе, — согласился Алан. — Прежде никогда не встречал такую

породу.

Они зачарованно заглянули во внутренности Твари. В разорванной грудной клетке также не было ничего похожего на обычные внутренности человека или животного. Лишь зернистая структура, состоящая из крупных округлых образований, истекающих серой слизью с перламутровым оттенком.

Но надо было спешить.

Возбужденные и немного испуганные — кроме Димитрия, который налюбоваться не мог на свою пушку, забыв обо всем на свете, — они обогнули верхом поверженного монстра и поехали к гигантским воротам, вырезанным в сплошном камне.

Тэн обернулся первым, острым слухом прирожденного охотника и следопыта уловив некий звук. Он крикнул; остальные обернулись тоже.

Увиденное ошеломило Алана. Тварь оживала на глазах и поднималась во всю длину своего колоннообразного тела, а раны на груди и голове затягивались сами собой с неслыханной скоростью.

— Ах ты, сволочь! — завопил Димитрий.

Он выстрелил из своего чудесного оружия в третий раз, и молния вновь разнесла голову Твари. Чудовище закачалось и начало падать.

— Быстрее проходим, пока не очухалась! — крикнул Димитрий.

Пилигримы понеслись к воротам вскачь, и вскоре их окружила почти полная темнота в недрах горы. Далеко наверху мерцало некое сияние, похожее на то, что Алан видел в далеких северных Оазисах. Слабо светящиеся ленты медленно изгибались наверху, словно глубоководные угри... или Твари. Казалось, они заинтересовались пришельцами и наклоняли к ним призрачно-фосфоресцирующие головы, следовали за ними, пытались окружить, но не были способны опуститься ниже свода огромной пещеры.

Их света доставало, чтобы увидеть, что едут Пилигримы по колоссальному проходу. Справа и слева тянулись ряды огромных скульптур — то были люди в разных одеждах и позах. Алан узнал привычные одежды Галльфрана, Грейстоунхилла, Зэн Секай и Санти... Были еще и наряды и украшения, которые Алан не видывал никогда.

— Это словно... музей, — сказал Матиас, задирая голову.

— Музей всего мира Оазисов, — прибавил Алан зачарованно.

Далеко наверху, под невидимыми сводами кружились в бесшумном танце светящиеся создания, следуя за Пилигримами. Их свет озарил конец коридора, где путь преграждала закрытая двухстворчатая дверь с очень сложным геометрическим рисунком.

— Себ с остальными прошел здесь, — сказал Алан уверенно, как если бы лицезрел это действо собственными глазами.

Он спешил и подошел к двери. Она была так огромна, что сдвинуть створки казалось смехотворной идеей. И действительно, дверь не поддавалась усилиям Алана. К тому же на двери не обнаружились рукоятки.

“Вот будет глупо, если мы застрянем на самом пороге”, — мелькнула глупая мысль.

— Меня зовут Алан Аркон! — крикнул Пилигрим. — И я пришел, потому что меня позвал Себастьян Келлер!

Одно тягостное мгновение царили тишина и неподвижность, затем с глухим подземным гулом створки принялись расходиться, уходя вглубь горы.

Алан перевел дыхание и обернулся к товарищам. Их лица в призрачном свете фосфоресцирующих существ наверху казались безжизненными и тревожными.

— Ну что ж... — сказал он. — Вперед.

Глава 18. В чертогах Основателей

1

За величественными дверями им открылся просторный круглый зал, в центре которого была круглая же площадка, углубленная в землю почти на длину человеческого роста.

Вокруг ряд за рядом поднимались широкие каменные ступени, на которых могли бы восседать свидетели того действия, что развернется на центральной площадке.

Узкий проход в ступенях вел к этой площадке от двери.

Алан сразу подумал, что это место напоминает ринг, где сражаются бойцы, а зрители вопят, улюлюкают и делают ставки.

Под сводами зала скользили, извивались и переплетались светозарные угри, к ним прибавились проплывшие сквозь дверной проем вслед за Пилигримами другие светляки, и стало совсем светло.

С гудением двери закрылись за Пилигримами, отрезая путь назад.

— Добро пожаловать, — раздался ровный, бесстрастный голос, и Себастьян поднялся с одной из ступеней навстречу Пилигримам. Он был в черном костюме, благодаря которому сливался с тьмой, но маска была отброшена на спину, как капюшон, и Алан отчетливо видел лицо старого друга. Одну ногу Себ поставил на ступень выше и подбоченился. Он был абсолютно спокоен — во всяком случае, внешне. — Можете слезть с лошадей и поставить их вон туда... где стоят и наши скакуны. И садиться вот здесь.

Он показал на темную нишу, где и впрямь топтались и всхрапывали кони — девять штук.

Алан скользнул взглядом по ступеням. Все сидели здесь: на нижнем ряде Кассия, Н'Гала, Борислав и Стефан Кровак; на верхнем — три Клейменных в черных масках и Омар.

— Как ты, Кассия? — крикнул Алан.

— Я в порядке, Алан, — немного сдавленным голосом отозвалась та. Она была напряжена, и неудивительно.

— Спасибо, что спросил, мы тоже живы-здоровы, — проворчал Кровак.

— Итак, все в сборе, — сказал Себастьян, оглядывая новоприбывших с высоты своих ступеней. — Можем начинать.

Отчего-то Алану почудилось, что Себ обращается ни к нему, ни к кому бы то ни было другому присутствующему в этом зале. И не разговаривает сам с собой. Тем не менее, у него будто бы был незримый собеседник...

Димитрий хмыкнул и поднял пушку. Себ заметил это движение и покачал головой:

— Это бесполезно, мой рыжий друг...

Но Димитрий выстрелил. С шипением молния озарила весь этот каменный зал, больше напоминающий исполинский склеп, и ударилась о невидимую преграду между Димитрием и Себастьяном. Полетели искры, ухнуло так, что у Алана заложило уши, а Димитрий с проклятием выронил пушку.

— Я ведь говорил, — с печальной улыбкой сказал Себ. — В Зале Суда не действует никакое оружие. Сражаться бессмысленно... Биться здесь будут только двое и без оружия, мечущего огонь и молнии.

И он пристально посмотрел на Алана. От этого змеиного взора у того перехватило дыхание.

— Прошу, садитесь, — сказал Себ с нажимом.

Пилигримам не оставалось ничего иного, кроме как подчиниться. Они спешили и отвели лошадей в нишу. После чего поднялись на нижнюю ступень напротив отряда Кровака и Клейменных. Алан направился было к Кассии, но черные тени, нависающие над ней, шевельнулись, и он остановился.

— Прошу не делать резких движений, — проговорил Себастьян. — Мы все здесь находимся под контролем.

— Твоим, что ли? — раздраженно полюбопытствовал Димитрий, обнимая бесполезную здесь пушку.

— Нет, — Себ улыбнулся и воздел руки, как фигура на барельефе. — Под контролем Основателей нашего мира.

2

Как только прозвучали эти слова, сияние, исходящее от призрачных Тварей под сводчатым потолком, усилилось и пролилось вниз мерцающим водопадом.

Из этого сияния соткалась высокая фигура... она раздвоилась... нет, превратилась в три фигуры.

Они были высокими, как деревья, и чтобы попытаться заглянуть им в лица, потребовалось сильно задрать голову; но даже тогда облик светоносных существ было не различить из-за сияния и постоянных переливов.

За свою жизнь Алан привык к чудесам, а в последнее время этих чудес и вовсе стало необыкновенно много. Но в эту самую секунду он ощутил, что перед ним предстало нечто поистине изумительное — то, чего не видел никто из живущих Оседлых и Пилигримов.

Это были Основатели.

Боги.

Присутствующие зачарованно наблюдали за тремя величественными фигурами, глядя на них снизу вверх. Всполохи света мелькали на окаменевших от захлестнувших чувств лицах. Тэн что-то бормотал; на его лбу проступил пот; он наверняка шептал свои молитвы. Димитрий разинул рот, Матиас вращал белками глаз. Группу Себастьяна за светоносными фигурами Алан не видел, но сам Себ, судя по всему, тоже был потрясен. Его лицо в кои-то веки лишилось невозмутимости и почти гипнотического спокойствия, и на нем проскользнуло по-детски восторженное выражение. Наверное, он все-таки не ожидал, что боги почтят его своим присутствием.

Зазвучал голос Основателей — вопреки ожиданиям, не громоподобный и оглушающий, а мягкий, добрый и мудрый. Не мужской и не женский, не старческий и не молодой. У Алана возникла уверенность, что этот голос звучит вовсе не в воздухе, а непосредственно в уме каждого присутствующего.

— Этот день наступил, — сказал голос, причем было непонятно, какая именно из фигур вещает; или же говорят сразу трое? — Впервые за многие тысячи лет существования мира Оазисов. Двое сошлись на Перепутье Истории. Один желает перемен, другой хранит традиции...

“Это я храню традиции?” — удивился Алан мысленно. Никогда прежде он не считал себя любителем традиций. Во многих делах он был сущим бунтарем; то же утверждал и Эмиль Ламар. Но нет, Основатели правы. Именно он в настоящий момент выступает за то чтобы все оставалось по-старому и не менялось.

Позиция, которая в большей степени присуща старикам...

— Такое происходило и прежде, — продолжал Основатель, который, видимо, был един в трех лицах, — но никогда не заходило так далеко... Никогда Двое не приходили сюда, в Чертоги Основателей.

— И каково будет ваше решение? — крикнул ввысь Себастьян. Он по-прежнему стоял, поставив одну ногу на ступень выше.

— Решение будете принимать вы сами, поскольку этот мир — ваш. Нас давно нет, осталась лишь наша мудрость, приобретенная ценой пролитых рек крови...

— О какой крови речь?

— О человеческой. Пролитой в ходе бесчисленных войн. Ни прогресс, ни достаток в еде и жизненных благах, ни развитие науки и искусства, ни всеобщее изобилие не смогли остановить страсть людей к убийству себе подобных. Было время, когда предполагалось, что война — суть существования людей, что агрессия — основа человеческой души... И что наша цивилизация рано или поздно обречена на мучительную гибель, которую принесут нам же подобные... Так было. Но только до тех пор, пока не открылась истина.

Основатель сделал паузу, но явно не для того, чтобы кто-либо задал вопрос. Он просто дал слушателям время переварить сказанное и продолжал:

— Истина же заключается в том, что все войны начинаются и поддерживаются не столько алчностью, сколько разным образом мировосприятия... разными культурами... разной жизнью и ценностями. Земля породила великое множество разнообразных культур, некоторые из которых были уничтожены не из-за алчности или властолюбия, а из-за ксенофобии — страхом перед непохожим и чуждым. У нас был способ уничтожить все культуры, кроме одной, но даже тогда это не защитило бы человечество от риска возникновения в будущем новых культур и систем ценностей. И тогда мы преобразовали мир, создав Оазисы — места, где в относительной изоляции процветают все мыслимые и немыслимые культуры и общества. Где есть все. Но нет возможности повлиять на соседей, навязать им свой образ жизни, напасть и развязать очередную войну... И многие тысячи лет мир совершенно стабилен...

— Но он и не развивается! — выкрикнул Себ.

— А ты уверен, что развитие есть благо? Тебе известна конечная цель любого развития?

— Конечная цель любого развития — совершенство!

— Как оно, по-твоему, выглядит?

— Как абсолютная свобода!

— Поверь, Себастьян Келлер, у нас когда-то была абсолютная свобода. Мы умели творить миры и задавать законы бытия, мы зажигали солнца и осушали океаны. Мы летали быстрее и выше птиц, плавали стремительнее и глубже рыб. Мы были богами, пред силой которых склонилась сама природа... Но это не дало нам ничего, кроме боли и страдания.

— Возможно, вы совершили ошибку!

— Возможно, ты прав. Наши ошибки слишком дорого всем обходятся. Но ты, похоже, не беспокоишься об ошибках, верно? И пролитая кровь тебя не пугает? Ты готов перешагнуть через один труп или множество ради достижения своих целей. Когда-то ты убил того несчастного татуировщика из твоего Оазиса Галльфран, затем спровоцировал уничтожение религиозными фанатиками Оазиса Хоу Верден. И душа твоя спокойна и лишь горит жаждой достигнуть конечной цели: свободу всем и каждому вне зависимости от его личных желаний...

Алан не выдержал и перебил Основателя, что само по себе было жутким богохульством:

— Себ! — крикнул он. — Так это ты убил татуировщика? Ты сказал, что его зарезали в пьяной драке!

— И не соврал, — усмехнулся тот. — Его действительно зарезали в пьяной драке. Мы с ним напились и подрались. Ты не можешь обвинять меня во лжи.

— Ты ввел меня в заблуждение! А это и есть ложь! Наверное, ты и Ингвара пытал умышленно?

— Ты сам себя ввел в заблуждение, мой старый друг. А я... Что касается меня, то я всегда знал цену силы. Одним она дается при рождении — просто потому, что им повезло, — он выразительно глянул на Алана, и тот вспомнил, что стоило Себу знакомство с Тварью Дебрей, — другие достигают ее ценой большой боли, потерь и мучений. У всего есть цена: Пилигримы не знают покоя дома и семьи, а Оседлые — вкуса свободы странствий... Я нарушил тысячелетний порядок — но не для себя, а для всех людей. В моем мире привилегии будут раздаваться не при рождении, как это происходит сейчас. Если кто-то пожелает странствовать, он будет странствовать; если кто-то захочет сидеть на месте, то будет сидеть на месте. Никакой несправедливости. Никакого насилия.

— Тебе ли говорить о насилии?

— Мое насилие будет последним. В новом мире таким, как я, не будет места. Честно признаться, в нем не будет места и Пилигримам, но что поделать... у всего есть своя цена, я уже говорил... Кстати, о Пилигримах: вы ведь тоже ограничены Черной границей, только у вас она проходит в голове. Вы не интересуетесь, почему мир таков, каков он есть; откуда он возник и куда идет; можно ли его переделать? Многие из вас страдают оттого, что их сыны и дочери не способны ходить по Дебрям, но никто из вас не задумался, можно ли это изменить.

— Тиберий хотел это изменить, и что у него получилось? — спросил Алан.

— О да, Тиберий был не совсем обычным Пилигримом. Он-то и рассказал мне легенду, что передается из поколения в поколение среди особенных Пилигримов. Легенду о Разрушенных Оазисах. Подозреваю, что эту байку запустили Основатели... — Себ обратился к сияющей троице в центре зала. — А я ведь прав, да?

— Ты прав, Себастьян Келлер. Именно мы давным-давно оставили информацию об этих Чертогах среди тех Пилигримов, кто хоть раз в жизни задумался бы о несовершенстве мира. Мы ждали, когда к нам явятся Двое, что будут решать судьбу мира. И вот мы дождались.

Себ удовлетворенно кивнул.

— Я хорошо понимаю вас, Основатели. Хоть я и не настоящий Пилигрим... хоть Парадайз признал в конце концов во мне Пилигрима... Я понимаю, что вы оставили лазейку — на случай, если созданный вами мир ошибочен. Большинство Пилигримов слушали эту байку и забывали, однако были и те, кто запоминал. Но практически никто не отправлялся на поиски Разрушенных Оазисов. И это лишнее доказательство того, что в ваших головах тоже пролегает Черная граница. И ее почти невозможно так просто разрушить.

— И как ты разрушишь границу в наших головах, Себ? — спросил Алан.

— Она разрушится сама, когда будут уничтожены реальные Черные границы. А сделаю я это с помощью Основателей.

Основатель мягко произнес:

— Ты должен нас убедить. Мы послушаем того из Двоих, кто одержит победу.

— Мы должны сражаться? — вырвалось у Алана.

Себастьян усмехнулся.

— А ты еще не понял? Мы — Двое, что решают судьбу мира. Основатели подчинятся победителю на этом суде.

— И как мы должны сражаться?

За Себастьяна ответил Основатель:

— Любыми доступными вам способами. Двое должны доказать свою правоту даже ценой своей жизни. Таков закон.

3

— Нет!

Алан встрепенулся: кричала Кассия.

— Это несправедливо! Основатели, почему вы допускаете такое? Вы просто перенесли на нас ответственность и играетесь нашими жизнями? Что вы за боги такие? Злые детишки, что играют в игрушки...

Тэн громко ахнул от подобного святотатства.

Алан тоже подумал, что Кассия слишком дерзка, хотя и был, в сущности, восхищен ее смелостью и тем, что она беспокоится о нем.

Основатель ничуть не оскорбился:

— Мы не можем решать, Кассия Ринн. Нас давно нет, осталась лишь блеклая тень нашей сути... а она не принимает решения, она подчиняется. У Двоих есть мудрость — они прошли через многое и потеряли многое, но также многому и научились. У Двоих есть храбрость — иначе они не пришли бы сюда. У Двоих есть решимость и вера в свою правоту. Теперь, когда они здесь и готовы отстаивать свою точку зрения, настал час битвы.

Сияние замерцало, высокая тройная фигура беззвучно отодвинулась в сторону, открывая взору ринг, утопленный в полу. Вокруг сияющей фигуры беззвучно плавали фосфоресцирующие призрачные угри.

— Посмотрим, чья храбрость, решимость, вера и мудрость сильнее... — проговорил Основатель. — А пока вы можете прояснить те вещи, которые хотели прояснить, задать вопросы и получить ответы. Ибо больше такого шанса может и не быть.

Алан поглядел сначала на Основателя, потом на Себа. Еще чуть позже — на Кассию. У него представилась возможность задать Основателю любой вопрос, но все вопросы выветрились из головы. Тогда он повернулся к Кассии:

— Я тебя люблю... — Он сам удивился, что произнес эти слова. Они вылетели внезапно, сами собой, будто давно дожидались, когда Алан откроет рот. Его голос окреп: — Слышишь, Кассия? Я тебя люблю!

— Я тебя тоже, — спокойно отозвалась та, ничуть не медля. Ее, напротив, не удивили эти слова. — Я тоже тебя люблю, Алан Аркон!

Когда еще было признаваться в любви? Другого шанса, вероятно, и не представится больше.

— Тебя не обижали? — спросил Алан, не беспокоясь о том, что его вопрос звучит, вероятно, по-детски и глупо.

— Нет, — отозвалась Кассия. — Со мной обращались достойно.

Но при этом бросила быстрый взгляд в сторону Омара. Кровь бросилась в лицо Алана Себастьян, бесшумно переступая, приблизился к своим людям и Пилигримам Кровака.

— Да, об этом, дорогой Алан... — заговорил он. — Я никогда не забывал, какими мы были друзьями... Дело в том, что я видел, как Омар пристает к твоей любимой и даже делает ей крайне оскорбительные предложения... В знак нашей старой дружбы...

Омар зарычал и выхватил кинжал из-за пояса, но тут же осел на ступень, на которой сидел до того, как вскочить. Себастьян, казалось, не сделал ни единого движения — но все же убил собственного подручного. Минуту или две Омара трясло от невыносимой боли, лицо покрылось испариной, а глаза бешено вращались. Челюсти же стянуло судорогой, и из глотки не вырывалось ничего, кроме приглушенного мычания, полного боли. А потом он затих и обмяк.

Кровак и остальные отшатнулись от тела Омара, будто оно было заразным, Кассия прикрыла рот ладонью. И лишь Себ оставался хладнокровен.

— Мне он никогда не нравился, — сообщил он. — Самодовольный мелкий говнюк. Увы, такими легко манипулировать, и я не мог не воспользоваться этим...

Когда-то Алан много отдал бы, чтобы начистить Омару рожу, но сейчас он был потрясен. И не столько самой смертью, сколько демонстрацией силы и навыков убийц Зэн Секай. Себастьян продемонстрировал то, на что способен, и сделал это не зря. В распоряжении Алана один-единственный прием, и его совершенно недостаточно. Этим жестоким убийством собственного товарища Себ сломил боевой дух Алана.

Сейчас Алан не сомневался, что пытка Ингвара не была результатом ошибки Себа.

Ноги сами понесли его. Он встал и спустился к круглой площадке. Матиас что-то сказал вслед — вероятно, пытался остановить, — но Алан не слушал. Он спрыгнул в эту яму, а Себ одобрительно улыбнулся. Он тоже спустился на площадку.

Двое встали друг напротив друга.

— Значит, будем биться? — спросил Себ. — Иного варианта нет?

— О каких вариантах ты говоришь? — процедил Алан.

— О таких, где ты идешь со мной. Стоит тебе согласиться совершить, так сказать, ряд реформ с этим старым миром, и не будет никакой схватки. Ты будешь с любимой женщиной, вы станете жить так, как вам заблагорассудится.

Алан посмотрел на Основателя:

— Он не лжет? Все так?

— Все так, — эхом отозвался Основатель. — Если ты согласишься с правдой Себастьяна, Алан Аркон, мир изменится. Не будет больше ни Оазисов, ни Пилигримов. Дебри исчезнут, равно как и населяющие их Твари. Их время кончится. Начнется эпоха смещения народов... снова.

— И снова начнется война всех против всех?

— С высокой долей вероятности. Да. Развитые Оазисы захотят покорить слабые, навязать свою культуру, религию, власть.

— Но Оседлые сами не хотят уходить со своих Оазисов!

— Большинство — да. Но всегда есть меньшинство. Именно оно пишет историю — как вы Двое. Будут войны, много войн. Любая реформа влечет за собой жертвы. И чем все это закончится, не прогнозируем и мы.

Алан отвел от Основателя взгляд и повернулся к Себу.

— Тогда я не согласен. Я не хочу развязывать войн. Тяжелее этого греха только убийство родителей.

— Уверен? — не без разочарования спросил Себастьян. — Алан, в знак старой дружбы я готов забыть все, что было... и протянуть руку. Подумай: идешь ли ты за мной? Мы сами станем основателями нового мира.

И Себ протянул крепкую ладонь.

Алан посмотрел на нее.

— Ты и вправду был моим самым лучшим другом, Себ. И я очень виноват перед тобой... Надо было вернуться хоть раз в Галльфран, повидаться с тобой, рассказать о своих приключениях, узнать о твоей жизни... Возможно, ты не сходил бы с ума в одиночестве. Тебя не мучила бы зависть и ненависть, которые заставили в конце концов встать на стезю убийств... Возможно даже, с помощью татуировок ты стал бы полноценным Пилигримом и присоединился к нашему отряду, и нас обоих учил бы Эмиль...

Вдруг Алан замолк и выпрямился. Он и сам не предполагал, какое воздействие на него окажет звук имени наставника.

— Нет, — сказал Алан после паузы. — Слишком поздно. Ты пошел кривой дорогой, старина Себ. Я должен тебя остановить.

Себ, на которого речь Алана произвела впечатление, скривил губы, но лицо его дрогнуло:

— А сможешь?

— Я попытаюсь.

Наступила тишина. Никто не двигался.

Затем Себ тяжким голосом проронил:

— Ну что ж... Тогда начнем.

Глава 19. Схватка

1

В мертвой тишине сердце Алана стучало так громко, что ему показалось: этот испуганный стук слышат все.

Был ли испуган Себ? Вряд ли. Но он был бледен — слишком бледен. Очевидно, в нем остались крохи совести, которые восставали против самой идеи поднять руку на друга детства.

Как бы то ни было, Себ справился с этими шевелениями совести и души. Улыбнувшись, он вынул сзади из-за пояса две черные палки длиной в локоть каждая. Алан уже видел это причудливое оружие в руках Себа — тогда он еще не знал, что это Себ. В этих палочках таятся острые смертоносные пики, которые выстреливают по желанию владельца подобно дротикам. Одной такой пикой и был убит Эмиль.

Что ж, подумал Алан, если в него сейчас выстрелят, главное — продержаться ровно столько, чтобы подпустить Себа на расстояние удара дзёнина Рафу... Алан не знал, найдет ли в себе столько силы воли, чтобы повернуть прием, будучи смертельно раненым. Он надеялся, что найдет.

Но Себастьян не стал целиться в Алана. Он сложил палочки в одну длинную палку. Половинки сцепились с глухим металлическим щелчком. Себ взмахнул палкой, покрутил ее вокруг тела, сделал несколько выпадов в пустоту, как бы разогреваясь.

Тянул ли он время? Или пытался напугать своим мастерством, чтобы Алан добровольно сложил оружие?

Но и Алан вынул прозрачную шпагу, со свистом рассек воздух, принял позу фехтовальщика.

Себ нанес два легких удара, как бы проверяя защиту Алана. Наверное, он даже не старался ее пробить. Алан отразил удары, отчего клинок выбил из черной палки зеленоватые искры. Себ легко отпрыгнул на полшага, улыбнулся уже уверенней; на щеках появился румянец. Привычное занятие вернуло ему уверенность. Он пошел вокруг Алана.

Алан поворачивался вокруг своей оси, не опуская шпагу и не сводя глаз с противника. Он тоже начинал успокаиваться, как это часто бывает, когда заканчивается пора ожидания и неопределенности и наступает момент решительных действий.

Он сам сделал несколько выпадов, и Себ без труда их отбил. Кажется, поединок будет проходить по правилам фехтования...

Едва Алан подумал об этом, как Себ нарушил эти правила: перекувыркнувшись и отбив шпагу, он ударил каблуком Алана в грудь. Алан отшатнулся, задыхаясь; у него мелькнула отчаянная мысль нанести свой тайный удар. Но он упустил момент.

Тем не менее, обрушив на Себа град ударов шпагой, он заставил того отступить.

Некоторое время схватка продолжалась в этом стиле: несколько мгновений легких и стремительных ударов по защите, затем взрывная атака с той или иной стороны.

В голове Алана крутился вопрос: насколько сейчас Себ ему поддается? Насколько играет и оттягивает неизбежный конец? Не исключено, что в силах Себа прикончить Алана мгновенно!

Получалось, что Себ не слишком-то и притворяется. Но и в полную силу не сражается, проявляя чрезмерную осторожность, ибо знает, что стоит на кону. Эта схватка слишком

важна, чтобы кидаться в бой очертя голову, и эта рассудочность Себа Алана пугала. Исчез крохотный шанс, что Себ ошибется, недооценив противника.

Тем временем Алан начал уставать. Давно он не упражнялся со шпагой с умелым противником. Последним его партнером был Эмиль...

Неожиданно Себ отступил и опустил оружие.

— Довольно, — сказал он не без презрения. — Ты слаб и не противник мне. Я сражался с тобой по твоим же правилам, но даже в этом положении ты ничего не можешь сделать. Сдавайся.

Алан сглотнул ставшей вязкой слюну.

— Нет. Прошу, Себ, не оскорбляй меня поддавками, сражайся в полную силу... а уж я как-нибудь выстою.

— Выстоишь? — фыркнул тот. — Ну ладно. Как скажешь...

Он разомкнул палку на две части, подержал их в обеих руках. Алан понял, что Себ и правда сражался по правилам фехтования, соединив свое двойное оружие в подобие рапиры... Хотя разок и нарушил правила, подключив ноги. Теперь у него было как бы сразу два клинка, а в случае бойца, который одинаково владеет обеими руками, два клинка — это двойная угроза.

Себ метнулся в сторону, оттолкнулся ногой от вертикальной стены и прыгнул в противоположную сторону. Он ударил сверху вниз одной палкой; Алан парировал; тут же последовал второй — тычком в живот.

Этот второй удар достиг цели, хотя и не нанес сильного вреда, ибо Алан успел отшатнуться. Однако этого хватило, чтобы боль пронзила тело насквозь.

Одновременно боль подстегнула Алана, и он сильным выпадом заставил Себа уйти в сторону, а потом с разворота ударил противника ногой.

Видимо, Себ никак не ожидал, что Алан начнет драться чем-то отличным от шпаги. Удар достиг цели — голова Себа мотнулась, и на долю мгновения он потерял представление о том, что происходит. Он сразу контратаковал, молотя двумя палками, но Алан отступил, обороняясь и не желая наступать. Успех, отмеченный шумным вздохом со стороны “трибун”, вдохновил его. Стало быть, Себа возможно ударить!

Но сейчас Себ больше не был настроен недооценивать Алана и обрушил на него град самых разнообразных ударов. Алан более-менее успешно оборонялся, но пару ударов пропустил, и по его щеке потекло горячее, а кожа саднила.

Если на концах палок яд...

Но не будем думать о плохом загодя.

Разок он упал, но успел вскочить на ноги, перекатившись к другому концу ринга. У Себа была отличная возможность завершить схватку, но он почему-то ей не воспользовался — наверняка устал и вымотался не меньше Алана.

Все же несмотря на искусство синоби, Себастьяну было сложно сражаться с противником, у которого прозрачный, совершенно невидимый клинок. Сомнительно, чтобы в Зэн Секай генинов обучали биться таким оружием или с таким оружием. Шпага Алана — штучный продукт и в Дебрях не валяется... Будь на месте Себа кто-то менее подготовленный, давно бы лежал с несколькими дополнительными отверстиями в теле.

Все эти молниеносные размышления в ходе битвы поднимали дух; Алан уже не был уверен в своем проигрыше.

Но едва он укрепился во мнении, что достаточно хорош для того, чтобы противостоять

Рыцарю Дебрей Осаму, как слабая надежда на реванш или даже победу была жестоко задушена. Себ метнулся вниз, скользнул черной струей под клинком и подсек Алана; тот не понял, что происходит, как очутился на шероховатом и теплом каменном полу.

Себ навис над ним. Его белые пальцы почти нежно коснулись ключицы, и все тело Алана пронзила чудовищная боль.

Он хотел крикнуть, что сильнейшая судорога стянула все мускулы, включая мышцы языка, боль нарастала волнами, и ее невозможно было терпеть.

Та самая боль, что вынудила Ингвара молить о смерти...

Алан же оказался в еще более ужасной ситуации, потому что поблизости не было никого, кто смог бы ему помочь. Его друзья наверху, на ступенях, видели его страдания, но незримый барьер вокруг “ринга” не пропустил бы даже молнию из пушки Димитрия, не говоря уже об обычном живом человеке.

Что-то кричала наверху Кассия, ей вторили Матиас и Димитрий, раздавались другие голоса, но смысл произносимого ускользал из сознания Алана. Все его существо наполняла невыносимая боль...

Он бился на полу, не в силах издать ни звука, а Себ молча взирал на него сверху вниз.

— Вот и все, Алан, — наконец изрек он. — Все закончилось тем, чем и должно было закончиться. Побеждает тот, кто тренируется побеждать многие годы, а не тот, кому все дается даром — просто по прихоти удачи...

Его речь тоже плохо доходила до Алана. Боль обжигала рассудок, сводила с ума, но даже в таком состоянии Алан заметил, что наибольшая боль сосредоточена в районе ключицы — там, где его коснулись пальцы Себа. Из последних сил он потянулся к поясу, где висел небольшой кинжал, слишком маленький, чтобы им сражаться, необходимый для бытовых нужд. Мускулы стягивала судорога, но Алан ухитрился вытянуть кинжал из деревянных ножен.

Вырезать эту боль... Вонзить нож в очаг, зараженный прикосновением Себа...

Алан не мог думать — он действовал инстинктивно. Подтянув кинжал к груди, он вонзил его сам себе под ключицу — загнал вглубь на длину мизинца. Хотел еще и выкрутить, но не хватило сил.

...И вдруг произошло чудо: боль исчезла — причем разом, во всем теле. Вероятно, Себ перекрыл поток внутренней энергии, о которой много говорила Рафу, а кинжал восстановил ее течение — таким вот необычным и жестоким способом.

Алан не сразу осознал это — отголоски боли еще метались по натянутым нервам. Он даже не перестал мелко дрожать и корчиться на полу.

— Тебе не удастся покончить с собой, — покачал головой Себ. — У тебя был шанс избежать этих мук. Я предлагал тебе руку дружбы, но ты... Может быть, ты никогда и не был моим другом? Может быть, ты просто считал меня забавным мальчишкой по соседству, с которым можно убить время после учебы? Ты не вернулся в Галльфран ни к престарелым родителям, ни ко мне, ни к кому бы то ни было еще... Ты радостно унесся за горизонт верхом на коне вслед за своими новыми друзьями! Ха! Ты хоть представляешь, как ты жалок?

Он склонился над Аланом, чтобы заглянуть в глаза. Он не заметил, что боль перестала терзать поверженного противника, увлекшись своей речью. И никак не ожидал нападения.

Алан нанес удар Рафу прямо в танден.

Нанес не совсем так, как полагалось, ибо бить требовалось в положении стоя, а не лежа.

Но солнечный выдох “Х-ха!” удался на славу. Костяшки пальцев воткнулись в твердый живот Себа; Алан знал, что эффективность этого удара вовсе не зависит от физической силы, и, помнится, легкое касание чуть не отправило Дмитрия к праотцам, но сейчас Алан вложил в этот удар все силу и всю волю, которые смог наскрести.

Себ выдохнул и повалился на спину.

А Алан, наоборот, поднялся на ноги и, задыхаясь, держась за кровоточащее плечо, произнес:

— Ты слаб, Себ, и не противник мне. Я сражаюсь по твоим правилам, но даже здесь ты не можешь ничего сделать... Сдавайся и завершим уже этот балаган.

Ситуация переменилась — теперь Себ лежал у ног стоящего Алана. Рыцарь Дебрей смертельно побледнел, корчась и держась за живот, не издавая ни звука. Настала его очередь испытывать запредельную боль. Что-то подсказывало Алану, что эта боль не идет ни в какое сравнение с его недавней болью и болью Ингвара... Не зря Рафу не научила этому приему даже любимого пасынка.

“Одна ночь — мало, чтобы стать даже самый плохой гэнин, — прозвучал голос Рафу в его памяти, — но достаточно, чтобы выучить один-единственный прием. Он может спасти твою жизнь, когда ты встретишься с Осаму снова”.

Она не ошиблась — прием сработал. Себ не ожидал ничего подобного, он даже не знал о существовании такого приема.

Содрогаясь, он медленно, словно преодолевая гигантское сопротивление, поднес одну из палок к шее.

— Не думаю, что у тебя пройдет тот же трюк, что и у меня, — сказал Алан, чье дыхание перехватило на сей раз не от собственных страданий, а чужих. — Сдавайся.

“А если он сдастся, что я сделаю? — подумалось ему. — Как я облегчу его мучения? Я ведь не знаю, как убрать последствия собственного приема; этому Рафу меня не учила. Она считала, что я захочу его убить!”

Но Себ и не собирался сдаваться. Обливаясь потом, вращая глазами и скрипя зубами, он продолжал сгибать руку с палкой, пока ее конец не уперся в подбородок.

Алан, зачарованно наблюдавший за этим действием, догадался слишком поздно.

— Стой! — крикнул он.

Но что-то щелкнуло — очевидно, скрытая пружина в палке, и спрятанная в оружии пика вылетела прямо в горло Себастьяну Келлеру, известному также как Осаму или Рыцарю Дебрей. Пика пронзила мягкие ткани с огромной силой, и ее окровавленный кончик показался из затылка, обагрив волосы. Тотчас Себ перестал дергаться и затих.

Наступила полная тишина. Почудилось, что даже Основатель перестал светиться с прежней интенсивностью, а призрачные угри застыли в воздухе под сводами Чертогов. Свидетели боя на ступенях не издавали ни звука; они точно перестали дышать.

А затем раздался мягкий голос Основателя:

— Поздравляю, Алан Аркон, ты победил. Двоих больше нет, остался Один — со своей единственной истиной. Мир останется в прежнем состоянии, разделенный на Оазисы и Дебри.

2

— Нет, — вырвалось у Алана. И снова, как в случае с признанием в любви, это слово вырвалось само собой, словно язык обрел собственное разумение.

— Нет? — удивился триединый Основатель.

— Себ прав, — сказал Алан, не отрывая взора от мертвого Рыцаря Дебрей. — Люди должны обрести свободу.

— И почему ты не заявил об этом ранее? — спокойно и равнодушно спросил Основатель. — Тогда Себастьян остался бы в живых.

— Себастьян сошел с ума и убил слишком многих... И убил бы еще больше в будущем... Я не хотел его смерти и готов был умереть сам... Вы все этому свидетели. Но о том, что мир нуждается в переменах, я понял только сейчас. Люди должны обрести свободу, но не сразу, а постепенно. Слишком много изменений и реформ за короткое время оглушит человечество и приведет к большим бедам, а постепенные перемены... на протяжении поколений... сделают мир лучше и чище.

— Ты уверен? — спросил Основатель, и Алану почудилась в его ровном голосе тонкая насмешка.

— Нет, не уверен, — честно сказал он. — Я просто надеюсь на это. И верю.

— То, чего не хватало нам, — признал Основатель. — Мы перестали верить, а потому перестали жить по-настоящему. Наверное, именно потому окончательное решение полагается принять именно Двоим... Что ж, схватка состоялась, приговор объявлен. Мир будет меняться, но не сразу, а постепенно. Мы предполагали такой сценарий развития в далекие времена — и он готов. В этом мире родится тот, кто разрушит Черную границу на земле и в умах людей; тот, кто освободит Оседлых, умиротворит Пилигримов и подарит истинную свободу. Он поведет за собой разные народы Земли, и они назовут его Пророком Свободы. Ну, а что будет дальше, неведомо даже нам.

— Где? — раздался тонкий от напряжения голос Тэна. — Где родится этот Пророк? Я хочу быть его спутник и слуга!

— Тебе не придется его искать, — заверил его Основатель. — Он появится совсем рядом. Тебе лишь нужно оставаться рядом с друзьями... Суд завершён.

И Основатель растаял в потоках жемчужного света.

3

Когда Алан, Кассия, Тэн, Матиас, Димитрий, Кровак, Н'Гала, Борислав и три Клейменных, что сняли маски, не скрывая более Клейма на лбах, вышли из Чертогов Основателей, наступил вечер и опустились густые синие сумерки.

Себастьяна и Омара похоронили у выхода из узкого ущелья, которое вело к Чертогам, в рыхлой земле, а сверху навалили камней, чтобы до тел не добрались стервятники.

Некоторое время Пилигримы и Клейменные стояли вокруг двух могил, а колеблющееся пламя факелов разгоняло ночной мрак.

— Я тоже виноват в его смерти, — заговорил Алан. Он обнимал Кассию одной рукой, а она осторожно прижимала кусок чистой ткани к его ране на плече. — Я его бросил... тогда, в детстве.

— Ради богов! — прорычал Димитрий. — То есть, ради Основателей, брось нести этот убогий бред, Алан! Ты бросил весь родной Оазис — так что теперь, смерть каждого галльфранца на твоей совести? Все Пилигримы оставляют дом и часто больше никогда не возвращаются. Таков закон бытия... То есть таким он был — до сегодняшнего дня... А теперь я и не знаю, как будем жить дальше.

Конец фразы он проговорил совсем тихо и неуверенно.

Матиас сказал:

— Будем жить как прежде, выполняя обязанности Пилигримов. Конечно, если кто-то

захочет осесть... — Он взглянул на Алана и Кассию. — Принуждения ни в чем не будет. — Он перевел взгляд на Клейменных. — А вы трое, что насчет вас? Куда пойдете вы, когда вашего вожака больше нет?

До сего момента эта троица не проронила ни звука. Сейчас же один из них, смуглый, мужественный, но с чрезмерно выдающимся лбом, что было нарушением красоты обитателей Либеры, на котором темнело Клеймо, ответил:

— Мы пойдём своей дорогой.

— Идите, — разрешил Матиас, усмехнувшись. — Если поклянетесь не ставить нам палки в колеса. Живите, как хотите.

— Клянемся, — твердо сказал Клейменный. — Нашего лидера больше нет, решение принято, и нам больше ничего не остается, как выбрать свою судьбу. Мы вас не потревожим.

Ожил Стефан:

— А вы, остальные Пилигримы, не хотите ли присоединиться ко мне? Я задумал потрясающую вещь, которая озолотит каждого из нас! В некоторых Оазисах есть Оседлые, готовые за золото прогуляться по Дебрям и разным Оазисам, и им нужны опытные проводники! Этаким туризм... Хватит с нас таскаться с невестами и мигрантами, пора ставить дело на более эффективные рельса!..

Его лицо сияло радостью и предвкушением.

Тэн отмахнулся от него:

— Это ерунда. Основатель говорить о Пророке — вот что важно! Я всю жизнь молиться богам, и вот — я видеть Их своими глазами! Как я счастлив! Мне плевать на туристы и невесты, я хотеть служить Пророку!

И он уставился на Алана.

— Почему ты смотришь на меня, друг Тэн? — удивился тот.

— Основатель говорить, что Пророк родиться где-то рядом. А кого-то родить мочь только вы двое... Если только Пророк не появиться каким-то магическим образом.

— Скорее всего, он родится обычным образом, — сказала Кассия и улыбнулась. Она посмотрела на ошарашенного Алана. — А почему бы и нет? Почему бы нашему дитя не стать Пророком нового мира? Это ведь куда лучше, чем быть Пилигримом или Оседлым.

— Но... — промямлил Алан. — Это как-то чересчур быстро... — Он откашлялся. — Хотя... Почему бы и нет? По крайней мере, нянька у нас уже есть.

И он указал здоровой рукой на Тэна, радостно закивавшего с такой силой, что затряслись косички.

— Боюсь только, что наш ребенок будет разговаривать с милым акцентом, — проговорила Кассия.

— Тебе не кажется, что мы спешим с планами? — поинтересовался Алан. — Мы еще не поженились.

— А ты меня еще не звал замуж, — парировала Кассия.

— Кстати, — вмешался Димитрий, стараясь говорить тихо, но это у него не очень хорошо получалось, — насчет свадьбы. Я знаю неплохой Оазис, где можно сыграть такую свадьбу, что...

Он покосился на свежие могилы и посерьезнел:

— Но об этом позже.

— Да, — согласился Алан. Он смертельно устал и хотел одного — выспаться. — Утром решим, как быть дальше...

Странно, но никто не потрудился выставить охрану. Видимо, все пришли к выводу, что в Разрушенном Оазисе, где скрыты Чертоги Основателей, им ничто не угрожает. К тому же Рыцарь Дебрей мертв, а его помощники Клейменные поклялись не путаться под ногами.

Как выяснилось утром, все трое ушли ночью, не попрощавшись. Алан мысленно пожелал им найти Оазис по нутру и больше никогда не ввязываться ни в какие интриги.

Себ упоминал, что он припрятал большое количество Черного камня в горах. Алан подумал было, что надо выведать, где этот тайник, но потом махнул рукой: на кой ему Черный камень? В течении поколения мир изменится, и Черный камень будет никому не нужен.

Утром, когда яркое солнце поднялось над красноватыми скалами с зелеными пятнами растительности, Алан вышел из палатки и осторожно подвигал плечом. Рана затянулась, но до полного заживления было далеко. Кассия вечером наложила тугую повязку.

Сейчас она еще спала.

Они провели ночь вместе, но не предавались любви. У Алана не хватило сил, и вообще, он не торопил события. Вечером они немного поговорили; Алан не запомнил в точности, о чем, но знал лишь, что разговор был легким и теплым. В числе прочего он узнал, что в Парадайзе Кассия беседовала с Хранителем Знаний, которая выяснила у нее некоторые детали биографии; в частности — о гибели родителей, нежеланном замужестве и определении в невесты Хоу Вердена. Так что лже-Кассия не лгала, все это было правдой.

После завтрака свернули лагерь и собрались в путь. Снова тащиться по пустыне ни у кого не было желания, поэтому решили ехать на север. Совсем недалеко от этих мест находится Галльфран. Пора Алану навестить родителей и прочих знакомых и родных...

Стефан планировал набрать там невест или поискать туристов, готовых платить золотом. Так что пока все Пилигримы шли одной дорогой.

Алан ехал на Вихре и смотрел только вперед. Он больше ни о чем не сожалел. Все идет, как надо.

Светило солнце, поддувал свежий ветерок, а впереди расстилался целый мир. Он по-прежнему оставался Пилигримом — человеком, который слишком любит жизнь, чтобы любоваться ею только в одном месте...

Димитрий прочистил горло и загорланил песню Пилигримов. Стефан подхватил ее. Вскоре пели все — даже те, кто не знал всех слов.

Весь мир сегодня предо мной лежит,

“Вчера” осталось за спиной, а “завтра” будет позже,

Веселый Пилигрим всегда вперед бежит,

Миг настоящий и дорога всему ему дороже.

А плен Границы Черной мне будет нипочем.

Сидеть, как сыч, в Оазисе не выбран я судьбою.

Я лучше встречусь в Дебрях с Тварями — с мечом,

И верные друзья в пути всегда со мною!

Пора, мой друг, пора! Дорога нас влечет!

Уйти за горизонт вдвоем с тобой мы в силах.

Уж ветер странствий снова нас зовет,

Ведь кровь бродяги забурлила в жилах!

Больше книг на сайте - Knigoed.net